Фрейд З., Буллит У.Томас Вудро Вильсон: двадцать восьмой президент США

Предисловие

Предлагаемая книга, впервые издаваемая в России, является глубинным психологическим исследованием личности 28-го президента США Вудро Вильсона, проведенным основоположником психоанализа Зигмундом Фрейдом. Ее опубликование, несомненно, будет способствовать делу возрождения психоанализа в нашей стране и впишет новую страницу в процесс приобщения отечественной психологической науки к общемировому уровню. До сих пор во всех учебных циклах по психоанализу (в Америке, Франции) эта работа является одной из фундаментальных и входит в теоретический цикл подготовки специалистов. Такое ее значение обусловлено также ее уникальной фактологической основой. За это мы должны быть благодарны второму соавтору данного исследования — профессиональному американскому дипломату, атташе американской делегации на Парижской мирной конференции Уильяму Буллиту, который ранее работал под руководством Вудро Вильсона и знал всех его близких друзей и знакомых.

Исследование Фрейда во всей глубине поднимает проблему инфантилизма и его разрушительного воздействия как на ее носителя, так и на общество. На примере Вильсона трагически проявились оба эти аспекта. Представляя собой не цельную, а расщепленную, инфантильную личность, покрытую налетом религиозного фанатизма, Вильсон являлся крайне ненадежным партнером, с которым трудно было вести какие-либо дела, ибо он имел обыкновение давать много обещаний, которые был не в состоянии выполнить. И этот невротик, фанатично молящийся и почитающий Бога, отождествлял себя с Иисусом Христом и считал, что был призван облагодетельствовать человечество!

Как предсказывал Зигмунд Фрейд в письме к своему близкому другу и соратнику Шандору Ференци, результат его деятельности будет катастрофичным для Германии:

«Я ожидаю страшных вещей в Германии — намного более страшных, чем те, которые произошли с тобой или с нами. Только подумай об ужасном напряжении этих 4 с половиной лет и о том громадном разочаровании, которое царит сейчас, когда такое напряжение внезапно ослабло. В Германии возникнет сопротивление этому, кровавое сопротивление. Этот Вильсон является неизлечимым романтиком, он недооценивает революцию, так же как он недооценил войну. Он не знает, что век рыцарства окончился вместе с Дон Кихотом»[1]. Однако последующее глубинное исследование личности президента породило у Фрейда по отношению к нему известную долю жалости перед непомерностью той задачи, которую Вильсон пытался взвалить на свои плечи.

При прочтении этой книги у некоторых читателей может сложиться впечатление некоторой искусственности и подтасовки под известные факты, систематизированные Фрейдом Под давлением его собственного мировоззрения и перенесенные на отношения между Вильсоном и отцом, младшим братом, матерью и сестрами. Но читатель легче воспримет проводимый Фрейдом анализ личности Вильсона, если при прочтении этой книги он не будет отступать от главного, может быть даже интуитивного, представления о том, что любой человек тем или иным образом достаточно однообразно и стереотш1нд_воссоздает_свои детские отношения, на которых он зафиксировался в первые годы жизни. Другими словами, не надо забывать пословицу: «От себя не

[1] *J o n e s E. The Life and Work of Sigmund Freid. N.Y. 1961, p. 446.Фрейд З. Толкование сновидений. К-во «Современный проблемы». М., 1913, с.345.*

убежишь». Более того, невроз разыгрывается не только в межличностных отношениях, которые активно воссоздаются и обязательно присутствуют в эмоциональной жизни невротика, но также (посредством фетишизма) заряд либидинозной энергии часто переносится с таких лиц на эмоционально связанные с ними объекты, такие, как Родина и т. д. В этом отношении внимательному читателю нетрудно будет заметить, что отношение Вильсона к Америке, Англии и Германии является отражением его детского конфликта, характеризуемого его амбивалентным отношением к матери, отцу и младшему брату. Так Америка у Вильсона ассоциируется с матерью, Англия — с отцом, Германия, которая являлась объектом его амбивалентной ревности и ненависти, — с младшим братом.

То, что это далеко не наша фантазия, хорошо видно из анализа, проведенного Фрейдом, его бессознательного воспроизведения на протяжении своей жизни тех эмоциональных взаимоотношений, на которых зафиксировалось его либидо в первые годы жизни: «Я уже говорил, что все дружеские и враждебные чувства допускают сведение к моим отношениям с племянником, бывшим на год старше меня; он угнетал меня, я научился бороться с ним; в общем, мы жили мирно и любили друг друга, хотя, как свидетельствуют показания наших родителей, нередко дрались и жаловались один на другого. Все мои позднейшие друзья воплощали для меня в известном смысле этого первого друга-врага. Близкий друг и ненавистный враг всегда были необходимыми объектами моего чувства; я бессознательно старался постоянно вновь находить их, и детский идеал нередко осуществлялся даже в такой мере, что друг и враг сливались в одном лице — понятно, не одновременно, как то было в период моего раннего детства» .

Фрейд был удивительно образованным человеком. В совершенстве владея несколькими иностранными языками, прекрасно зная историю, культуру, архитектуру, музыку, он очень значимо и любовно относился к человеку и к его культуре, в том числе и к религии человека. Так, он писал преподобному Пфистеру, который также практиковал психоанализ: «С терапевтической точки зрения я могу только позавидовать вашей возможности сублимации такими религиозными способами. Но красота религии определенно не принадлежит к сфере психоанализа. Естественно, наши пути расходятся в этом пункте терапии, и это допустимо». Однако за счет своей исследовательской проницательности и высочайшей культуры он дошел до таких слоев человеческой культуры и жизни, что вынужден был к самой культуре (и к религии в частности) относиться не как к явлению, которое призвано спасти человечество, а как к процессу, отражающему развитие индивидуальной и коллективной духовной жизни, то есть с позиции исследователя.

Отдавая дань религии как явлению, Фрейд тем не менее видел в фанатичной религиозности Вудро Вильсона, как в любом фанатизме, результат действия постоянного саморазрушающего личность внутреннего конфликта. Он также подчеркивал существование тесной связи между отчуждением Вудро Вильсона от мира реальности и его фанатичной религиозностью. Так, в своей речи в Сан-Франциско в 1919 году Вудро Вильсон сказал, что если бы не верил в Бога, то сошел бы с ума. Он никогда не сомневался в справедливости своих действий, считая, что им руководит и направляет его действия разумная высшая сила вне его. Однако ему никогда не дано было осознать, что силой, направляющей его действия, являлась власть его детской невротической констелляции, никогда не преодоленной им.

Как отмечал К. Юнг в работе «Значение отца для судьбы каждого», глубоким убеждающим элементом религии в течение тысячелетий являлась власть инфантильной констелляции, которая, подобно деснице Бога или дьявола, незримо управляла всем поведением невротического индивида. «Подобно высшей судьбе, руководит ребенком власть родителей. Но когда дитя подрастает, начинается борьба инфантильной констелляции с индивидуальностью, влияние родителей, берущее свое начало в доисторические (первые годы жизни) времена, вытесняется,

уплывает в бессознательное, но этим не устраняется, продолжает быть незримыми нитями связано с кажущимся индивидуальным творчеством созревающего духа, которым это влияние управляет. Инфантильная констелляция, как все, что уходит в бессознательное, посылает в сознание лишь неясные чувствования — предчувствия именно того, что участь человека таинственно направляется чьим-то потусторонним влиянием»[1].

С годами все более императивной становилась потребность Вудро Вильсона бессознательно отождествлять себя с Христом, призванным облагодетельствовать человечество, причем все факты, мешающие такому отождествлению, забывались им или вытеснялись в бессознательное. Однако вытеснение является наихудшим способом приспособления к реальности, ибо вытесненный материал недоступен критике разума и продолжает оказывать незримое воздействие на индивида, используя сознательную часть рассудка невротика в качестве орудия для рационализации и осуществления бессознательных влечений. С течением времени вытесненный материал также имеет тенденцию захватывать все новые области психической жизни, приводя к тяжелым задержкам в развитии личности.

Фанатичная религиозность Вудро Вильсона была необходимым и компенсаторным механизмом его внутренней патологии. Но политические лидеры, обладающие подобным фанатизмом, как показывает история, всегда приводили общество в тупик военных конфликтов. И это далеко не случайно, ибо такое отчуждение от мира реальности необходимо приводит подобных политических лидеров (живущих в мире своих фантазий) к отождествлению себя с благодетелями человечества, а в реальных действиях эти люди начинают воспринимать народ как неодушевленный материал, «сырую глину», из которой можно лепить что угодно. Они подставляют под удар миллионы людей во имя спасения своей фанатичной идеи, которая сама является отражением их глубинного внутреннего конфликта.

Как отмечал З. Фрейд: «Человек может вытеснить знание о неприятном факте и загнать его в бессознательное, но оно остается там, пытаясь прорваться в сознание, и он вынужден вытеснять не только воспоминание об этом факте, но также все тесно связанные с ним другие факты для того, чтобы продолжать не помнить о нем. Его душевная целостность нарушается, и он неуклонно движется в сторону от этого факта, все более и более отрицая его существование. Человек, который «смотрит в лицо» фактам, какими бы неприятными они ни были, сохраняет свою душевную целостность. Те факты, которым Вильсону приходилось «смотреть в лицо», были, конечно, крайне неприятными: он призывал своих соотечественников следовать за ним в «крестовом походе» за мир. И они последовали за ним храбро и самоотверженно. Он обещал как им, так и врагу, да и всему человечеству заключить абсолютно справедливый мир, основанный на 14 пунктах. Он выступал как пророк, готовый пойти на смерть ради своих принципов. И он убежал от борьбы. Если, хотя бы очень робко, вместо изобретения успокаивающих рационализации Вильсон сказал бы себе: «Я нарушил свои обещания, так как опасаюсь борьбы», он бы не распался душевно как личность, что с ним произошло после апреля 1919 года». (См. гл. XXX настоящей книги.)

Кандидат философских наук
В.В. Старовойтов
Е.Н. Царев

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО *УИЛЬЯМА С. БУЛЛИТА*

Следование фактам, куда бы они не могли привести, требует храбрости, на которую способны не многие мужчины. З. Фрейд обладал бесстрашием прослеживать факты до глубин человеческого рассудка и описывать те желания, которые он смог распознать в недрах бессознательного. Его описания разбивали многие заветные надежды и мечты, лелеемые людьми.

Его поносили, но он продолжал радоваться всякий раз, когда какая-либо теория опровергалась непокорным фактом. Истина была его страстью.

В конце концов, только безумец может отвергать реальные факты. В настоящее время человечество принимает, без какого-либо следа былой ярости, доказательство Галилея о том, что Земля вращается вокруг Солнца, и открытия Фрейда начинают находить понимание среди людей. Психология была ответвлением философии, а не наукой, пока Фрейд не изобрел метод исследования, названный психоанализом. Психология стала теперь наукой, основанной на фактах, а Фрейд считается одним из благодетелей человечества.

Мы с ним дружили в течение нескольких лет до того, как решили сотрудничать в написании данной книги. Фрейд находился в Берлине, где ему должны были сделать небольшую операцию. Я зашел к нему и нашел его подавленным. Он мрачно сказал, что ему недолго осталось жить и что его смерть не будет иметь никакого значения ни для него, ни для кого-либо еще, так как он уже написал все, что хотел написать, и его душа пуста.

Он спросил меня, чем я занимаюсь. Я ответил, что работаю над книгой о Версальском договоре, в которой будет дано исследование деятельности Клемансо, Орландо, Ллойда Джорджа, Ленина и Вудро Вильсона, которых мне довелось знать лично.

Глаза Фрейда загорелись, и он стал очень оживленным, Фрейд быстро задал мне несколько вопросов, на которые я ответил, затем, к моему удивлению, сказал, что хотел бы сотрудничать со мной в написании главы о Вильсоне в моей книге.

Я рассмеялся и заметил, что эта мысль очень заманчива, хотя и эксцентрична. Моя книга будет интересна специалистам в области иностранных дел. Исследование же Вильсона Фрейдом, возможно, будет иметь непреходящую ценность, сродни анализу Платона, сделанному Аристотелем. Каждый образованный человек захочет прочесть эту работу. Если же Фрейд ограничится в написании о Вильсоне одной главой в моей книге, то результатом будет полнейшая нелепость; эта часть книги окажется намного важнее всей книги.

Фрейд продолжал настаивать, говоря, что я могу считать его предложение смешным, но что оно тем не менее серьезно. Совместная работа со мной принудит его снова начать писать. Это вдохнет в него новые силы. Более того, он был не удовлетворен своими исследованиями Леонардо да Винчи и статуи Микеланджело «Моисей», так как был вынужден строить свои заключения на немногих фактах, и он имеет давнишнее желание провести психологическое исследование современника, относительно которого можно было бы собрать многочисленные сведения. Его интересовала личность Вильсона с тех пор, как он узнал, что они оба родились в 1856 году. Он не мог самостоятельно провести исследование, необходимое для анализа характера Вильсона, однако для меня это не представляло большого труда, так как я когда-то работал с Вильсоном и знал всех его близких друзей и знакомых. Он надеялся, что я приму его предложение.

Я ответил, что мне было бы очень приятно серьезно обсудить этот вопрос, если бы не моя уверенность в том, что психологическое исследование Вильсона нельзя вместить в одну главу. Принять данное предложение значило бы отказаться от моей книги. Два дня спустя я снова позвонил Фрейду, и после длительного обсуждения мы согласились сотрудничать в написании книги.

Мы сразу же начали работать над этой книгой, но для ее завершения потребовалось около 10 лет. Мы прочли все речи и все опубликованные книги Вильсона, а также все тома о Вильсоне, опубликованные Реем Стэннардом Бейкером, которого Вильсон выбрал своим биографом и который имел доступ ко всем личным бумагам Вильсона. Затем мы прочитали «Архив полковника Хауза», который был самым близким другом Вильсона в те годы, когда Вильсон был президентом; книгу «Вудро Вильсон — каким я знал его», написанную его секретарем Джозефом П.Тьюмалти, а также книги о Вильсоне, написанные Уильямом Элленом Уайтом, Джеймсом Кирни, Робертом

Эдвардом Аннином, Дэвидом Лоуренсом и многими другими авторами. Кроме того, я прочитал множество книг, описывающих различные аспекты карьеры Вильсона, как, например, «Экономические последствия Версальского мирного договора» Дж.Мэйнарда Кинеса, а Фрейд в свою очередь ознакомился со всем этим тоже.

Обсуждение накопленного материала принудило нас «смотреть в лицо» двум фактам: первое — наше исследование Вильсона составит большую книгу; второе — будет нечестным пытаться писать анализ характера Вильсона, если мы не сможем углубить понимание нами его натуры, используя частную, неопубликованную информацию от его близких.

Я вылетел в Америку с целью сбора информации. В этом мне помогали многие мои друзья, бывшие когда-то друзьями Вильсона. Некоторые из них предоставили в наше распоряжение свои дневники, письма, записи и заметки, в то время как другие откровенно рассказывали о Вильсоне. Благодаря их помощи мы убедились в том, что, хотя последующая публикация частных бумаг Вильсона расширит и углубит знание его характера, никакие вновь появившиеся факты не будут существенно противоречить тем сведениям, на которых основывалось наше исследование. Все те, кто снабжал нас информацией, делали это при условии, что их имена не будут упомянуты.

На основе этих частных бесед и документов я составил записи, объем которых превышал 1500 страниц печатного текста. По моем возвращении в Вену Фрейд прочел эти записи, и мы тщательно обсудили содержащиеся в них факты. Затем мы приступили к написанию книги. Каждый из нас сделал первый черновой набросок рукописи. Затем мы критиковали, исправляли или переписывали черновик другого до тех пор, пока не получилось совместное целое, за которое мы несем общую ответственность.

Издавать книгу большим объемом, перегружая ее фактами, казалось нам немыслимым. Мы решили оставить только материалы, относящиеся к детству и юности Вильсона, которые представлялись нам существенно важными для читателей, незнакомых со средой и окружением, в которых рос Вильсон.

Мы оба были упрямы и придерживались разных вероисповеданий. Фрейд был неверующим евреем, я всегда оставался истинным христианином. Мы часто спорили, но никогда не ссорились. Напротив, чем больше мы работали вместе, тем прочнее становилась наша дружба. Однако весной 1932 года, когда наша рукопись в окончательном виде была готова к печати, Фрейд внес изменения и дополнения в текст, против чего я возражал. После нескольких дискуссий мы решили отложить эту рукопись на 3 недели, а затем попытаться прийти к общему согласию. Когда мы встретились снова, наши мнения не изменились.

Я собирался вылететь в США для участия в предвыборной кампании Франклина Д Рузвельта на должность президента и считал, что никогда больше не смогу найти время для работы над этой рукописью. Ранее мы с Фрейдом решили, что наша книга должна быть опубликована в США и что дата публикации будет контролироваться мною. В конце концов, я предложил, что так как ни один из нас не является абсолютно глухим к доводам рассудка, то вполне вероятно, что когда-либо в будущем мы придем к согласию; пока же эта книга не будет издаваться. Однако нам обоим следует подписать каждую главу с тем, чтобы, по крайней мере существовал один подписанный рукописный экземпляр. Так мы и сделали.

Прошло 6 лет. В 1938 году нацисты разрешили Фрейду выехать из Вены в Лондон. Путь его лежал через Париж, где в то время я был американским послом. Я встретил его на вокзале и предложил провести еще одно совместное обсуждение нашей книги после того, как он устроится в Лондоне.

Я передал рукопись Фрейду и был рад, когда он согласился снять те добавления, которые внес в самом конце работы. Мы договорились о некоторой доработке рукописи, продиктованной временем.

Я снова навестил его в Лондоне, и мы одобрили окончательный вариант рукописи. Этот текст приводится в настоящей книге. Затем мы оба согласились, что будет учтивым воздержаться от публикации этой книги до тех пор, пока жива вторая миссис Вудро Вильсон. Я больше не встречался с Фрейдом. Он умер в 193 9 году. Он был человеком, обладающим бесстрашной интеллектуальной честностью: Великим человеком.

ВСТУПЛЕНИЕ *ЗИГМУНДА ФРЕЙДА*

Когда автор высказывает свое мнение об исторической личности, он, как правило, с самого начала заверяет своих читателей в том, что старался быть объективным и непредубежденным, что он работал «без гнева и беспристрастно». Я должен, однако, начать данное психологическое исследование Томаса Вудро Вильсона с признания в том, что личность этого американского президента, с самого начала его появления на европейской арене, не вызывала у меня симпатии и что антипатия с течением времени становилась тем сильнее, чем больше я узнавал о нем и чем больше страданий довелось нам испытать вследствие его вмешательства в нашу судьбу.

При более близком знакомстве с его личностью было нетрудно найти веские причины в защиту такой антипатии. Сообщалось, что Вильсон, став президентом, потряс одного из политиков, упомянувшего о своих заслугах в ходе предвыборной кампании, словами: «Богу было угодно, чтобы я стал следующим президентом США. Ни тебе, ни другому смертному не удалось бы помешать этому». Этим политиком был Уильям Ф. Мак-комбс, председатель демократического национального комитета. Я не знаю, как воздержаться от заключения о том, что человек, способный столь буквально принимать на веру религиозные иллюзии и столь убежденный в особой личной интимности с Всемогущим, неспособен построить отношения с обычными смертными. Как известно каждому, вражеский лагерь в годы войны также имел Божьего избранника: немецкого кайзера. В высшей степени жаль, что позднее у противной стороны также появился свой избранник. Из этого ничего хорошего не получилось: уважения к Богу также не прибавилось.

Еще одна явная особенность президента, на которую он сам часто обращал внимание, во многом повинна в том, что мы не знаем, с чего начать постижение его личности, которая представляется нам экзотичной. В ходе длинной и трудной эволюции мы научились разграничивать внутренний мир нашей психики и внешний мир реальности. Этот последний мир мы можем понять только в процессе его наблюдения, изучения и систематизации сделанных открытий. В ходе проведения этой тяжкой работы нам было нелегко отказаться от объяснений, соответствующих нашим желаниям и подтверждающих наши иллюзии. Но такая победа над собой окупила себя с лихвой. Она привела нас к такому господству над природой, о каком мы не могли и мечтать.

Недавно мы начали применять аналогичную процедуру к содержанию мира нашей психики. Посредством этого еще больше возросли наше уважение к фактам реальности и наша самокритика. В этой области мы также рассчитываем на подобный успех. Чем более обширным и глубоким будет становиться наше знание психических процессов, тем большей властью мы будем обладать в отношении сдерживания и управления своими инстинктами. Вильсон же, наоборот, неоднократно заявлял, что голые факты не имеют для него никакого значения, что он высоко ценит только человеческие мотивы и мнения. Как результат такого отношения, его образу мышления было свойственно игнорирование фактов реального внешнего мира и даже отрицание их существования, если они противоречили его надеждам и чаяниям. Таким образом, у него не было побудительной причины уменьшить свое невежество путем изучения фактов. Для него ничто не имело значения, кроме благородных намерений. Когда он пересек океан для того, чтобы принести раздираемой войной Европе справедливый и прочный мир, он оказался в плачевном

положении благодетеля, который хочет восстановить пациенту зрение, но не знает строения глаза и не умеет оперировать.

Этот же способ мышления, вероятно, ответствен за ту неискренность, ненадежность и тенденцию отрицать правду, которые проявлялись в контактах Вильсона с другими людьми и которые всегда столь неприятно встречать у идеалиста. Настоятельная потребность говорить правду, должно быть, одобряется этикой, но она основана на уважении к фактам.

Я должен также выразить свою уверенность в том, что существовала очень тесная связь между отчуждением Вильсона от мира реальности и его религиозными убеждениями. Многое в его общественной деятельности очень напоминает отношение христианской науки к политике. Бог — это благо, болезнь — это зло. Болезнь противоречит природе Бога. Поэтому, так как Бог существует, болезнь не существует. Нет никакой болезни. Можно ли ожидать от такого целителя интереса к симптоматике и диагнозу?

Позвольте мне возвратиться к началу этих замечаний, к признанию моей антипатии к Вильсону, с тем чтобы сказать кое-что в его оправдание. Все мы знаем, что не несем полную ответственность за результаты наших действий. Мы действуем с определенным намерением; затем наше действие порождает результаты, которые противоречат нашим намерениям и не могли быть заранее предвидены. В силу этого мы часто пожинаем больше ненависти и недоверия, а иногда — больше похвал и почестей, чем заслуживаем. Но когда, как в случае с Вильсоном, человек достигает почти прямой противоположности того, чего он хотел достичь, когда он показывает себя прямой противоположностью той власти, которая «всегда желает зла и всегда творит добро», когда претензия освободить мир от зла оборачивается лишь еще одним подтверждением той опасности, которую может причинить фанатик общему благу, то не приходится удивляться тому недоверию, которое возникает у наблюдателя и которое делает симпатию невозможной.

Конечно, когда под влиянием Буллита я занялся более тщательным исследованием жизни президента, мое отношение к Вильсону претерпело известное изменение. У меня появилась по отношению к нему некоторая доля симпатии, но симпатии особого рода, смешанной с жалостью, такой, какую ощущаешь, читая Сервантеса, к его герою, наивному рыцарю из Ла-Манчи. И наконец, когда сравниваешь силу этого человека с величием той задачи, которую он взвалил на свои плечи, жалость становится столь громадной, что подавляет все другие эмоции. Поэтому, в конечном счете я могу просить читателя не отвергать эту работу, несмотря на мое предубежденное отношение к Вильсону. Хотя при написании этой книги не обошлось без участия сильных эмоций, все они тщательно прорабатывались и искоренялись. То же самое я могу сказать относительно Уильяма С.Буллита, соавтором которого по данной книге я являюсь.

Буллит, знавший Вильсона лично и работавший под его руководством (надо отметить, что в это время Буллит был ему предан со всем энтузиазмом молодости), подготовил краткие сведения о жизни и юности Вильсона. Что касается аналитической части этой книги, мы несем за нее равную ответственность.

Представляется уместным сделать некоторые дополнительные пояснения. Возможно, читатель будет возражать против того, что наша работа, представленная на его суд, называется «Психологическое исследование», хотя мы применяли метод психоанализа при исследовании нашей темы и неограниченно использовали психоаналитические гипотезы и термины. Такое представление сделано вовсе не в угоду предрассудкам публики. Наоборот, данное заглавие выражает наше убеждение в том, что психоанализ — это не что иное, как психология, одна из частей психологии, и что нет надобности извиняться за применение аналитических методов в психологическом исследовании, в котором изучаются более глубинные психические факторы.

Опубликование результатов такого исследования глубинных психических механизмов и предоставление их на суд публики до тех пор, пока жив данный индивид, определенно

недопустимо. То, что данный субъект согласится на публикацию при жизни, в равной степени мало вероятно. Терапевтический анализ проводится между врачом и пациентом при обещании секретности, при этом исключаются все посторонние. Однако, когда умирает индивид, чья жизнь и деятельность оказали большое влияние на настоящее и будущее, он становится, по общему согласию, подходящей темой для биографического исследования, и прежние ограничения более не имеют места. Затем может возникнуть вопрос о периоде посмертной неприкосновенности для биографического изучения, но такой вопрос редко когда-либо поднимался. Будет нелегко прийти к согласию относительно длительности такого периода и тем более к обеспечению его выполнения. Томас Вудро Вильсон умер в 1924 году.

Наконец, мы должны высказаться против ложного суждения о том, что мы написали эту книгу с единственной целью доказать, что Вильсон обладал патологическим характером и не был нормальным человеком и что мы стремились подорвать почтение к его достижениям. Нет! Это не являлось нашей целью. И даже если бы мы этого и хотели, мы не смогли бы, посредством написания данной книги, добиться такого результата. Ибо наша наука давно уже отказалась от веры в узкие рамки нормальности и от веры в резкую разграничительную черту между нормальным и анормальным в психической жизни. Все более тонкая техника диагностики показала нам всевозможные образцы неврозов там, где мы менее всего ожидали их обнаружить; так, что почти полностью верным становится утверждение о том, что невротические симптомы и запреты, до определенной степени, стали обычными для всех людей, живущих в условиях цивилизации. Нам даже кажется, что мы понимаем ту острую необходимость, которая породила это явление.

Далее, мы были вынуждены прийти к заключению, что для суждения о психических явлениях категория «нормальный — патологический» является такой же неадекватной, как и предшествующая ей всеохватывающая категория «хороший — плохой». Лишь в подавляющем меньшинстве случаев психические расстройства могут быть прослежены до воспалительных процессов или до введения токсических веществ в организм. И даже в этих случаях влияние данных факторов является косвенным.

В большинстве случаев количественные факторы вызывают лавину патологических результатов: такие факторы, как чрезмерно сильные стимулы, воздействующие на определенную часть аппарата психики, большая или меньшая выработка тех внутренних секреций, которые незаменимы для функционирования нервной системы, временные расстройства — слишком раннее или запоздалое развитие психической жизни.

Мы снова обнаруживаем ту разновидность количественной причинности, когда с помощью психоанализа изучаем то, что в настоящее время представляется нам элементарным материалом психического явления. Относительная сила любого из многих инстинктов, вырабатывающих психическую энергию, особая глубина одного из тех отождествлений, посредством которых обычно формируется характер, особенно мощное реактивное образование, в ходе действия которого вытесняются импульсы, — такие количественные факторы определяют конечную форму личности, наделяют ее определенной индивидуальностью и направляют ее активность в соответствующее русло.

В своем описании мертвого Брута шекспировский Марк Антоний говорит:

«...все стихии

Так в нем соединились, что природа

Могла б сказать: "Он человеком был!"»

В качестве примечания к этим словам поэта испытываешь искушение добавить, что элементы психической конституции всегда одни и те же. Все изменения в их совокупности происходят в результате их расположения в различных областях психической жизни и их

привязанности к различным объектам. Согласно определенному критерию, мы затем оцениваем индивида как нормальную, или патологическую, или как проявляющую патологические черты личность. Но такие критерии никоим образом не являются едиными, надежными или постоянными. Их трудно обосновать научным образом, ибо в своей основе они являются лишь практическими средствами, часто условного происхождения. «Нормальный» обычно означает просто «средний» или «близкий к среднему». Наше суждение о том, следует или нет какую-либо черту характера или действие считать патологическими, часто определяется на основании того, являются ли или нет они вредными для индивида или для общества, членом которого он является. Несмотря [1] *Ш е к с п и р У. ПСС в 8-ми тт. М., 1959, т.5, с.323.*
на неопределенность этих понятий, мы не можем в практической жизни обойтись без проведения различий между ними; но нас не должно останавливать, если устанавливаемое различие не удовлетворяет другим важным критериям.

Глупцы, мечтатели, страдающие от иллюзий, невротики и лунатики во все времена играли громадную роль в истории человечества, и не только тогда, когда они были знатного происхождения. Обычно они сеяли хаос, но не всегда. Такие лица оказывали далеко идущее воздействие на настоящее и будущее, они способствовали многим важным движениям культуры и совершали великие открытия. С одной стороны, они были способны к таким достижениям с помощью «неповрежденной» части их личности, то есть несмотря на свою анормальность, но, с другой стороны, часто именно патологические черты их характера, односторонность их развития, анормальная сила определенных желаний, некритическое и неограниченное следование какой-либо одной цели, давали им силу тащить за собой других и преодолевать всевозможные препятствия.

Великие достижения столь часто совершаются людьми с психическими отклонениями, что невольно испытываешь искушение предполагать, что они неотделимы друг от друга. Однако такому предположению противоречит тот факт, что во всех областях человеческого знания можно найти великих людей, удовлетворяющих требованиям нормальности.

Мы надеемся, что сделанные нами предположения и замечания снимут с нас подозрения в том, что в этой книге содержится еще что-либо, кроме психологического исследования Томаса Вудро Вильсона. Однако мы не можем отрицать в этом, как и в любом другом случае, что более интимное знание человека может способствовать более точной оценке его достижений.

Список действующих лиц

Эксон, Эллен Луиза, первая жена Вильсона.

Бейкер, Рей Стэннард, официальный биограф Вильсона. Директор отдела прессы американской делегации на Парижской мирной конференции.

Бальфур, Артур Джемс, премьер-министр Великобритании (1902 — 1906); министр иностранных дел (1916—1919).

Барух, Бернард М,, американский бизнесмен. Входил в состав американской делегации по ведению переговоров о мире, Париж (1919).

Бернсторф, Иоганн Генрих, граф, немецкий посол в Вашингтоне (1908 — 1917), пытавшийся способствовать лучшему взаимопониманию между США и Германией до вступления США в первую мировую войну. *Боунз, Джеймс,* дядя Вудро Вильсона. *Боунз, Жанет,* двоюродная сестра Вудро Вильсона. *Бриджес, Роберт,* друг и товарищ по учебе в Принстоне. *Брук, Фрэнсис Дж,,* первый друг Вильсона. *Брохэм, Герберт Б.,* писал передовицы для «Нью-Йорк тайме».

Брайан, Уильям Дженнингс, политический лидер демократов, участвовал в кампании по выдвижению кандидатуры Вильсона на пост президента в 1 912 году. Государственный секретарь США (1913 — 1915), ушел в отставку из-за потери симпатии к политике Вильсона после гибели

«Лузитании». *Клемансо, Жорж,* премьер-министр Франции, возглавлял французскую делегацию на Парижской мирной конференции.

Кливленд, Гровер, 22-й и 24-й президент США. *Кобб, Фрэнк,* главный редактор «Нью-Йорк уорлд». *Криль, Джордж,* американский журналист. *Дебс, Юджин В.,* американский социалист, часто выставлялся кандидатом в президенты. *Дизраэли, Бенджамин,* государственный деятель Великобритании.

Аодд, Уильям Э., историк.

Эберт, Фридрих, первый президент Германии. *Фош, Фердинанд,* маршал Франции, главнокомандующий союзными войсками (1918). *Голт, Эдит Боллинг,* вторая жена Вильсона. *Джерард, Джеймс В.,* американский адвокат. Посол США в Германии (1913 — 1917). *Гладстон, Уильям Ю,,* государственный деятель Великобритании, идол Вильсона.

Глинн, Мартин Х., издатель «Нью-Йорк тайме», активно участвовал в президентской кампании 1916 года. *Грейсон, Кэри Т.,* личный врач Вильсона в Белом доме. *Грей, сэр Эдуард,* министр иностранных дел Великобритании.

Хэйль, Уильям Байярд, доверенное лицо Вильсона в Мексике (1913).

Ханки, сэр Морис, офицер британской армии, государственное должностное лицо, секретарь на совещаниях «Четверки».

Гардинг, Уоррен Дж,, 29-й президент США, выступал против создания Лиги Наций.

Гарви, полковник Джордж, американский журналист, принимал участие в избрании Вильсона губернатором Нью-Джерси. Поддерживал избрание Вильсона в президенты в 1912 году, выступил против переизбрания Вильсона в 1916 году. Принимал участие в выставлении Гардинга кандидатом на пост президента от республиканцев.

Гиббен, Джон Гриэр, президент Принстона (1912 — 1932), вначале любимый, затем забытый друг Вильсона.

Хичкок, Гилберт М,, главный представитель президента Вильсона в сенате.

Гувер, Герберт, 31-й президент США.

Хауз, полковник Эдвард М., друг и доверенное лицо Вильсона. Личный эмиссар Вильсона в Европе (1914 — 1916), член американской комиссии по ведению мирных переговоров (1918 — 1919) и член комиссии по составлению устава Лиги Наций.

Хьюз, Чарльз Эванс, американский юрист, побежден Вильсоном на президентских выборах 1916 года.

Джонсон, Хирам, сенатор США от Калифорнии.

Жюссеран, Джин Жюлъ, французский посол в США.

Нокс, Филэндер Чейз, сенатор США (1917 — 1921), известен противодействием вступлению США в Лигу Наций.

Лансинг, Роберт, государственный секретарь (1915 — 1920).

Ллойд Джордж, Дэвид, премьер-министр Великобритании, руководил британской политикой до победы в войне и выработки условий мира.

Лодж, Генри Кэбот, председатель сенатского комитета по внешним сношениям, возглавлял оппозицию мирному договору и учреждению Лиги Наций.

Макаду, Уильям Г., зять Вильсона.

Маккормик, Вэнс К., советник Вильсона в американской делегации по ведению мирных переговоров.

Масарик, Томаш, первый президент Чехословакии. *Макс, принц Баденский,* начал в 1 918 году переговоры о перемирии.

Мезес, Сидней Эдвард, директор организации «Исследование» на мирной конференции.

Моргентау, Генри, американский посол в Турции. *Орландо, Витторио,* премьер-министр Италии, глава итальянской делегации на мирной конференции. *Орпен, сэр Уильям,* английский живописец. *Пэттон, Фрэнсис Л.,* президент Принстона (1888 — 1902).

Пуанкаре, Раймон, президент Франции, отличался консерватизмом и борьбой против пораженческих настроений. *Полк, Фрэнк Лион,* советник госдепартамента (1915 — 1919).

Рузвельт, Теодор, 2 6-й президент США. *Сайрэ, Фрэнсис Б.,* зять Вильсона. *Шарп, Уильям Грэйвз,* американский посол во Франции

(1914 — 1919).

Смете, генерал Ян Кристиан, премьер-министр Южноафриканского союза, участник мирной конференции.

Соннино, барон Джорджо Сидней, министр иностранных дел Италии и итальянский представитель на мирной конференции.

Тафт, Уильям Хоуард, 27-й президент США. *Тьюмалти, Джозеф П.,* личный секретарь Вильсона, когда тот был губернатором Нью-Джерси и президентом. *Тиррел, Уильям Джордж,* британский дипломат, посол

во Франции (1928 — 1934).

Ван Дейк, профессор английской литературы в Прин-стоне и посланник США в Голландии и Люксембурге. *Вест, Эндрю* Ф,, декан отделения аспирантуры, Прин-

стон (1901 — 1928).

Уайт, Генри, американский дипломат, член делегации США на мирной конференции, который выступал за вступление США в Лигу Наций. *Уайтлок, Брэнд,* посланник США в Бельгии (1913 — 1922).

Вильсон, Анна, сестра Вудро Вильсона.
Вильсон, Жанет Вудро, мать Вильсона.
Вильсон, преподобный Джозеф Раглес, отец Вильсона.
Вильсон, Джозеф Раглес, младший брат Вильсона.
Вильсон, Марион, сестра Вильсона.
Вудро, Генриетта, двоюродная сестра.
Вудро, Джеймс, дядя.
Вудро, преподобный Томас, дедушка.
Вудро, Томас, дядя.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ *ТОМАСА ВУДРО ВИЛЬСОНА,* НАПИСАННЫЕ *УИЛЬЯМОМ С.БУЛЛИТОМ*

28 декабря 1856 года в доме пастора пресвитерианской церкви Джозефа Раглеса Вильсона из Стэнтона, штат Виргиния, родился сын. Мальчика назвали Томас Вудро в честь отца его матери, который, подобно отцу младенца, также был пресвитерианским пастором.

Родители Томаса Вудро Вильсона были родом из Южной Шотландии. Его мать, пресвитерианка шотландского происхождения, родилась в Северной Англии. Родители его отца были шотландскими пресвитерианскими эмигрантами из Ольстера.

Отец мальчика Джозеф Раглес Вильсон считался красивым мужчиной. Высокого роста и крепкого телосложения, с ясными, глубоко посаженными глазами и широким красивым лбом, который венчала копна черных волос. Округленный подбородок по бокам был обрамлен темными бакенбардами. У него был чувственный рот, а также большой прямой нос. И только большие оттопыренные уши несколько портили его. В преклонные годы его прекрасные волосы сделались белыми, и он стал походить на полную старую леди. Он был тщеславным: гордился своей

внешностью, а еще больше своей способностью ясно излагать собственные мысли. Он питал страсть к словам, более заботясь об обрамлении своей мысли, чем о ее сути. Он выискивал в словаре необычные слова, составляя с ними роскошные фразы, чтобы придать блеск банальным рассуждениям. У смертного одра прихожанина он обычно говорил: «В его глазах не было мысли». Он писал проповеди и читал их с риторическими интонациями и отработанной жестикуляцией. Проповедовать с кафедры было для него недостаточно. Он неустанно проповедовал в своей семье, а также в кругу всех своих друзей и знакомых. Он служил в колледже Джефферсона, небольшом пресвитерианском учреждении в Пенсильвании, в качестве экстраординарного профессора риторики, будучи им по своей сути. В его жизни были две великие страсти: слова и его сын, которого он неизменно называл Томми.

Томми родился, когда его матери, Жанет Вудро Вильсон, было тридцать лет. Она была болезненной женщиной с некрасивыми чертами лица: длинным носом, выпуклыми глазами и широким, слабым ртом. Это было молчаливое и набожное создание. Ее отец, преподобный Томас Вудро — которому первому за пять столетий существования этой семьи суждено было покинуть Шотландию и переехать в Англию, — стал пастором в Карлейле. У него было восемь детей. Чтобы как-то сводить концы с концами, преподобный Томас Вудро был вынужден подрабатывать, преподавая в школе. В ноябре 1835 года его бедность стала столь невыносимой, что он решил эмигрировать с семьей в Америку. В то время Жанет, которая была пятым ребенком в семье, исполнилось 9 лет. Всю жизнь она вспоминала об этом путешествии с ужасом. Корабль был такой развалиной, что потребовалось целых два месяца, чтобы добраться из Ливерпуля в Нью-Йорк. С тех пор Джесси не любила и боялась моря. Ее мать так и не оправилась после этого путешествия. Спустя месяц она умерла. В попытке основать общину отец вместе с детьми отправился в Канаду. Его выбор остановился на местечке Броквилл, расположенном в пустынном месте. Но здесь семья задержалась недолго. Далее ее путь лежал в Чилликотэ, штат Огайо, где отец стал пастором первой пресвитерианской церкви. Жанет Вудро вела домашнее хозяйство, заботилась о малышах и изучала Библию, пока не вышла замуж за Джозефа Раглеса Вильсона. Она родила двух дочерей — Марион и Анну — перед тем, как дала жизнь будущему президенту Соединенных Штатов.

Томми Вильсон был здоровым ребенком. Когда ему исполнилось 4 месяца, мать написала своему отцу: «Ребенок здоров и прекрасно выглядит — он намного больше, чем были сестры в его возрасте. Очень пухленький. Все говорят нам, что он чудесный мальчик. А самое приятное — он ведет себя великолепно, доставляя нам минимум хлопот». Преподобный Томас Вудро, увидев младенца, заметил: «У этого малыша достаточно достоинств, чтобы стать членом Генеральной Ассамблеи».

Семья маленького Томми жила в Стэнтоне, штат Виргиния. Мальчику еще не исполнился год, когда преподобного Джозефа Раглеса Вильсона отозвали из Стэнтона и назначили проповедником первой пресвитерианской церкви в Огасте, штат Джорджия. Это было большим продвижением. Огаста была процветающим городом, примерно с двенадцатитысячным населением, включая рабов.

Приближалась Гражданская война. Тот факт, что Джозеф Раглес Вильсон был родом с Севера, мог бы принести много неприятностей ему и его семье; но этого не случилось, так как он стал стойким приверженцем Юга.

В Огасте Томми Вильсон превратился из толстого здорового младенца в болезненного маленького мальчика. Он не унаследовал ни крепкого телосложения отца, ни его приятных черт лица; зато ему «достались» выпуклые отцовские уши. Физическим сложением он походил на мать. У него были тусклые серые глаза и негустые белокурые волосы. Он едва перестал носить распашонки, как начал носить очки. Более того, его стали беспокоить приступы желудочных болей, которые продолжались далее всю жизнь. С ним нянчились отец, мать и две старшие сестры.

Из-за слабого здоровья родители не послали его в школу. Он выучил алфавит только в 9-летнем возрасте и научился читать лишь к 11 годам.

«Моим самым ранним воспоминанием, — сказал Вудро Вильсон 50 лет спустя, — является воспоминание о том, как я, 4-летним ребенком, вышел за ворота Дома моего отца в Огасте, штат Джорджия, и услышал, как кто-то из прохожих сказал, что выбрали м-ра Линкольна и что будет война. Я побежал спросить отца, что все это значит».

М-р Рей Стэннард Бейкер, официальный биограф Вильсона, имевший доступ ко всем семейным бумагам Вильсона, писал: «Бежать к отцу за разъяснениями по поводу любой неясности было привычной реакцией 1омми. Его отец был самой великой фигурой его юно-сти возможно, самой великой фигурой всей его Жизни... До достижения 40-летнего возраста Вудро Вильсон никогда не принимал какого-либо важного решения, не спросив предварительно совета отца. Их связывала огромная любовь — любовь и восхищение, и глубокое уважение». Профессор Уинтроп М. Даниельс, который очень близко знал Вильсона во время его учебы в Принстоне, писал на эту же тему следующее: «Я никогда не встречал такую сыновью любовь и уважение к отцу, как у м-ра Вильсона. Трудно сказать, являлось ли искреннее восхищение дарованием отца или неограниченная любовь к нему как к человеку более сильным ингредиентом в этой доминирующей страсти».

«Доминирующая страсть» — сильное выражение для описания чувства сына к отцу, но есть множество доказательств, подтверждающих, что это выражение точно описывает то чувство, которое Томас Вудро Вильсон питал к отцу. Его страстная любовь к отцу была основой его эмоциональной жизни. «Письма этих людей друг другу нельзя назвать ничем иным, кроме как любовными письмами, — писал м-р Бейкер. — «Мой драгоценный сын», «мой любимый отец», «дорогой мальчик», — писали они друг другу. При встрече они неизменно эмоционально целовались. Сын постоянно цитировал отца и рассказывал случаи из его жизни, пока приятелям не надоедало выслушивать всевозможные подробности о банальных поговорках его отца и его незначительных поступках. «Мой несравненный отец» — выражало действительное чувство сына к отцу. Для Томми Вильсона отец превосходил всех прочих отцов. Все, что говорил и делал отец, имело величайшую важность, так как это исходило от отца. Он считал отца не только самым мудрым человеком на свете, но также самым красивым. «Будь у меня лицо и фигура отца, тогда не имело бы никакого значения, что именно я говорю», — писал сын с обожанием».

Каждое обстоятельство жизни Томми Вильсона служило усилению естественного восхищения маленького мальчика своим отцом. Пастор являлся уважаемым лицом. Он был главным Божьим избранником: доводил слово Божье до прихожан. Он был всем тем, чем хотел быть его сын и чем он не был. Он был сильным и красивым, а его сын был хилым и уродливым. Отец был бесспорным главой в доме. Жена существовала только для обслуживания его желаний. Лучшая комната в доме была его рабочим кабинетом, заставленным книгами, там он сидел и постоянно курил длинную глиняную трубку в форме чаши. Он был душой дома. Отец обладал здоровьем и энергией. Он разговаривал, шутил, сочинял каламбуры. Жена была молчаливой, набожной, с чрезвычайно развитым чувством долга. Пять раз в день отец молился Богу, а семья, затаив дыхание, слушала его молитву. Дважды в день он читал семье Библию. А вечером руководил маленьким семейным хором. По воскресеньям он стоял на церковной кафедре и оттуда нес слово Божье людям. Обычно Томми Вильсон сидел с матерью и сестрами на четвертой скамье и пристально вглядывался в лицо своего «несравненного отца».

Естественно, что Томми был очень набожным ребенком. В течение всей своей жизни он молился, стоя на коленях, по утрам и вечерам. Каждый день он читал Библию. Он без малейших колебаний верил в бессмертие души и пользу молитвы. «Я не понимаю, как кто-либо может обходиться без молитвы в любом начинании», — писал он однажды. «Только посредством мо-

литвы он может обновить свой дух и облагородить свои замыслы. Бог — источник силы для каждого человека, И только посредством молитвы может он приблизиться к Творцу нашего духа». В трудных ситуациях он ощущал, как им «руководила разумная сила вне его». Он никогда не сомневался. Для него испытать минутное сомнение означало «усомниться в Отце». Когда его первая жена прочла Канта и стала задавать ему вопросы, он быстро заставил ее замолчать. Он как-то сказал своему врачу в Белом доме Кэри Т.Грейсону: «Когда дело касается религии, споры излишни». В заключение своей речи в Сан-Франциско 17 сентября 1919 года он сказал: «Я верю в божественное провидение. Если бы я в это не верил, я бы сошел с ума». Возможно, это было правдой. Отец любил сына столь же страстно. Он мог часами возиться с ним, порой так увлекаясь, что становился больше похож на шаловливого мальчугана, нежели на уважаемого священнослужителя. Он любил делиться с сыном своими мыслями, тем самым увеличивая его интеллектуальную зависимость от него. Так как маленький Томми не посещал школу, отец занимался с ним ежедневно, причем, не только дома, но и на улице, когда они прогуливались вдвоем. Потом они обычно подробно обсуждали все увиденное. Отец придавал большое значение развитию речи ребенка. Как только мальчик научился читать, они часами играли в «синонимы», по очереди пользуясь словарем. Иногда отец открывал какую-нибудь книгу и предлагал мальчику попытаться улучшить стиль автора. Сын проявлял большие способности, что еще больше притягивало к нему отца.

Отец скоро пришел к убеждению, что сын будет великим человеком, и не скрывал своей уверенности в этом ни от Томми, ни от других. Несмотря на скудный доход, который колебался от 1,5 до 4 тысяч долларов в год, он содержал сына до достижения им 29 лет. А Томми не возражал против этого.

Часто преподобный Джозеф Раглес Вильсон изливал перед сыном поток своих чувств. Например, когда он получил первую книгу сына «Конфессиональное правление», посвященную ему, он писал: «Мой драгоценный сын, я получил твою книгу и самым тщательным образом прочитал ее. Твое посвящение явилось для меня сюрпризом. Никогда ранее я не ощущал столь глубокой любви к тебе. Признаться ли тебе в этом? Я плакал и рыдал, испытывая сладкую боль. Благослови тебя Господь, мой благородный сын, за этот знак твоей любви».

Однако одновременно с любовными словоизлияниями отец прививал сыну положительные качества, которые отличали его от большинства современников и заставляли их чувствовать его моральное и интеллектуальное превосходство.

Хотя основным фактом в детстве Томми Вильсона было его общение с отцом, слабое тело привязало его к матери. Он нуждался в уходе. Мать, поглощенная домом, мало интересовалась жизнью. Томми был для нее целым миром. Его зависимость от матери была длительной. «Я вспоминаю, как льнул к ней, смешной маменькин сын, пока не стал большим и сильным парнем, — писал он жене в 1888 году, — но любовь к прекрасным женщинам пришла ко мне и вошла в мое сердце в годы детства. Если бы я не имел такой матери, которая наградила меня многими добродетелями, я не смог бы завоевать и, вероятно, не был бы достоин такой жены».

Несмотря на горячую любовь к матери, Томми страдал оттого, что унаследовал ее хилое тело, плохое зрение и робость. Он хотел походить на отца, а не на мать — быть Вильсоном, а не Вудро.

Сестры довершали ту группу лиц, которая окружала Томми в первые годы жизни. Марион была на б лет старше его, Анна — на 2 года. Из двух сестер он отдавал предпочтение Анне. Она была очаровательной маленькой девочкой с красивой улыбкой. Его первая жена походила на нее.

Брат, Джозеф Раглес Вильсон-младший, родился, когда Томми было уже 10 лет. Разница в возрасте и в характерах не способствовала их сближению. Неоднократно Томми пытался наладить отношения с маленьким Джозефом, но тот никоим образом не хотел всерьез принимать своего

брата. На самом же деле это был протест против доминирования отца и старшего брата. Когда Томми Вильсон стал президентом США, Джозеф работал в газете. Некоторые сенаторы, желая польстить президенту, предлагали назначить Джозефа секретарем сената. Президент отверг эти предложения, считая, что Джозеф не достоин занимать такую должность.

Болезненному, робкому, носящему очки и охраняемому отцом, матерью и сестрами, Томми Вильсону никогда не приходилось кулаками пробивать себе дорогу в жизни. Его эмоции удовлетворялись в церкви и дома. Музыка производила на него успокаивающее действие. Слушая гимны, он часто плакал, все более погружаясь в свои мысли.

Он больше любил играть с хорошо воспитанными девочками, чем с мальчиками, особенно со своими родными и двоюродными сестрами. Больше всех он обожал свою маленькую двоюродную сестру, Жанет Вудро Боунз. Однажды, когда ему было 1 1 лет, они играли в саду. Она была белкой, сидящей на дереве, а он индейцем-охотником, пытающимся застрелить ее. Игрушечная стрела поразила ее, и она упала на землю к его ногам. Она была без сознания. Он внес ее вялое тело в Дом, крича: «Я убийца. Это не было случайностью. Я убил ее!»

Линкольна избрали президентом, когда Томми Вильсону не было и 4 лет. Генерал Ли сдался в плен, когда Томми было 8 лет. Юг переживал тяжелое время. Позднее Томми говорил, что помнит только два инцидента войны. Однажды он сидел у ворот своего дома. Оборванная группа солдат-южан промаршировала мимо него по улице. Он прокричал им на жаргоне того времени: «Эй, Джо — вот твой мул!» Он также помнит превосходный запах супа из коровьего гороха, приготовленного матерью, когда нельзя было достать продуктов мирного времени.

Почему война оставила столь малый след в его памяти, представляется загадочным. Он был достаточно взрослым для того, чтобы запомнить больше. Отец стал яростным сторонником Юга. Одно время он служил капелланом в армии Конфедерации. С церковной кафедры он оправдывал систему рабства и право на самоопределение. В одно воскресенье он поднялся на кафедру и объявил, «что надвигается великая битва и он отпускает прихожан с благословением, чтобы они, мужчины, женщины и дети, смогли отправиться на фабрики, производящие боеприпасы, и помочь в производстве патронов». Само же здание пресвитерианской церкви было превращено в госпиталь. Церковный двор стал лагерем для пленных северян. Когда объявили о приближении Шермана, все население Огасты стало выносить хлопок из сараев и товарных складов на главную улицу в надежде, что Шерман сожжет лишь хлопок, а не весь город.

Возможно, но мало вероятно, что Томми Вильсона уберегали от всей этой суматохи. Он был чувствительным ребенком, настоящим «сгустком нервов», как называла его мать. Представляется более вероятным, что он видел все это, а впоследствии забыл, так как это не относилось лично к нему.

Гражданская война оставила шрамы в душах многих южан его поколения. Но его душа не пострадала. Он без горечи вспоминал, как в 9-летнем возрасте стоял у окна и смотрел, как солдаты северян везли в тюрьму пленного президента Конфедерации южан, Джеффер-сона Дэвиса, и одного из главных лидеров южан, Алек-сандера Стефенса. В душе он был не южанином, а шотландским пресвитерианцем, который случайно родился в Виргинии.

В возрасте 13 лет он первый раз пришел в школу. Бывший офицер армии Юга по имени Дерри открыл небольшую школу в Огасте. Здесь Томми Вильсон в первый раз начал меряться силами с другими мальчишками. Здесь же он получил единственную порку в своей жизни за то, что вместо школы отправился на цирковое представление.

Он плохо учился, значительно хуже многих других. «И не потому, что ему не хватало ума, а так как ему явно было не интересно учиться», — говорил преподаватель Дерри. Это суждение представляется справедливым. Отец развил у него интерес только к одной области: риторике.

Томми быстро подружился со своими одноклассниками. Они организовали бейсбольный

клуб под названием «Быстроногие». Заседания клуба проводились на чердаке сарая, расположенного за домом пастора, и, хотя Томми плохо играл в бейсбол, его избрали президентом. Он составил конституцию клуба и председательствовал на собраниях, сидя под большим портретом дьявола, вырезанного из плаката, рекламирующего дьявольскую ветчину. Позднее он рассказал Уильяму Байярду Хэйлю, которого он выбрал своим биографом, что «собрания клуба во многом напоминали парламентские заседания». Руководство клубом, осуществлявшееся Томми с помощью «Правил регламента» Роберта, говорит не только о том громадном влиянии экстраординарного профессора риторики на сына, но также о высоком положении пастора и его семьи в маленьком пресвитерианском мире. Пастор был проводником слова Божия в мир, а его сын — проводником идей отца на чердаке.

Томми Вильсон посещал школу Дерри более года. Затем отца назначили профессором теологической семинарии в Колумбии, Южная Каролина, где его дядя Джеймс Вудро был профессором.

Однако до того, как Томми покинул Огасту, он пережил нечто, что запомнил на всю жизнь. В Огасту приехал генерал Роберт Э. Ли. Томми стоял в толпе и смотрел ему в лицо. Он не забыл его величественного взгляда. Позднее он писал о Ли с восхищением. Он всегда считал, что он, Томми Вильсон, походил на него и на Вашингтона.

Томми Вильсону было 14 лет, когда он покинул Ога-сту, однако в последующие годы он никогда не упоминал об этом городе как о доме своего детства. Когда он вспоминал о своей молодости, он думал о Колумбии. «Мое очень счастливое детство в Колумбии», — писал он. Период жизни в Огасте был забыт. Колумбия представляла собой сожженные руины, когда туда приехала семья Вильсона. Пять лет тому назад Шерман сжег этот маленький город. Затем здесь поселились представители северных штатов и совместно с бывшими рабами-неграми, освобожденными теперь законодательной властью, сделали жизнь в городе отвратительной. Если Томми не ощутил страданий войны в то время, когда она велась, то он полностью познал в Колумбии те ужасы, которые может принести война и мстительный мир. Школа, в которой он учился, располагалась в сарае. Он видел, как пьяные негры и пришельцы с Севера сидели развалясь в здании государственной власти штата. Один из его товарищей по школе в то время описывает его как «обладающего огромным чувством собственного достоинства; он не походил на других ребят, у него была странная привычка уходить в себя». На самом деле он уходил от безобразной действительности в мир сновидений и фантазий. Он читал рассказы о море Мариета и Купера. Сам стал сочинять.

Но вскоре фантазии остались позади. Его потянуло к людям. Он жаждал новых встреч и знакомств. В то время в Колумбию приехал учиться на пресвитерианского пастора глубоко религиозный молодой человек по имени Фрэнсис Дж. Брук. Он был на несколько лет старше Томми Вильсона. Брук проводил религиозные собрания в своей комнате, а позднее в одноэтажном помещении конюшни, которое являлось церковью теологической семинарии. Томми с большим удовольствием посещал эти собрания. Он глубоко полюбил Брука и сохранил воспоминание о нем на всю жизнь. Когда много лет спустя он посетил Колумбию как президент Соединенных Штатов, то встал перед дверью конюшни, в которой проводились собрания Брука, и сказал: «У меня такое чувство, будто мне следует снять обувь. Это "святая земля"». И далее: «Самые благородные речи, которые мне когда-либо доводилось услышать, говорились с этой трибуны». 5 июля 1873 года Томми Вильсона приняли в члены первой пресвитерианской церкви Колумбии.

Начиная с этого времени и до своей кончины он верил, что находится в непосредственной связи с Богом. Он считал, что Бог избрал его для великой работы, что им «руководила разумная сила вне его». Он никогда не испытывал религиозных сомнений. Он был убежден в том, что будет служить орудием Бога и Бог сохранит его до тех пор, пока он не завершит свою работу. Он

никогда не сомневался в справедливости своих действий. Все, что он делал, было правильным, так как его направлял Бог.

Он подтянулся в учебе, стал более собранным и целеустремленным. Он повесил портрет британского премьер-министра Гладстона, «христианина и государственного деятеля», на стену за своей партой. Когда Жанет Вудро Боунз спросила, чей портрет висит на стене, он ответил: «Это Гладстон, величайший государственный деятель, который когда-либо жил на Земле. Я также собираюсь стать государственным деятелем».

Его отец и мать надеялись, что он продолжит дело отца, став пресвитерианским пастором. Но фигура Глад-стона встала между ним и карьерой пастора. Вероятно, христианин и государственный деятель представлялся ему еще большим проповедником, кафедрой которого была палата общин, а прихожанами — вся страна. А этот красивый «христианский государственный деятель» напоминал ему красивого отца. Для юного Томми быть христианским государственным деятелем значило, вероятно, быть более великим проповедником, чем отец. Государственная деятельность всегда представлялась ему напоминающей картину, в которой священнослужитель вещает слово Божие своей пастве. В конечном счете Белый дом стал его кафедрой, а мир — его паствой.

Осенью того года, когда он стал заниматься религиозной деятельностью, он и Брук выехали из Колумбии в колледж Дэвидсона, который в то время был бедным пресвитерианским учебным заведением, затерявшимся среди кукурузных полей в двадцати милях севернее Чарлотты, Северная Каролина. В семье восприняли как Должное, что он будет учиться на пастора. Его «очень счастливое детство в Колумбии» подошло к концу. Почему оно было «очень счастливым», должно оставаться до некоторой степени загадочным для мужчин с отличной от его конституцией. В городе не было веселья; он не испытал любви, мимолетной или глубокой. Его эмоции выражались в молитвах на сборах прихожан. Единственным источником его счастья был Брук. Он нашел человека, которым, как и своим отцом, мог восхищаться и которого мог глубоко любить.

Его карьера в Дэвидсоне была недолгой. Он учился ниже среднего уровня, много дебатировал и немножко играл в бейсбол. Большую часть времени он болел. В мае 1874 года болезнь желудка обострилась, и в следующем месяце он вынужден был покинуть Дэвидсон, никогда более не возвращаясь туда. Он вновь вернулся в свою семью, в Колумбию, но вскоре последовал за отцом в Уилмингтон, Северная Каролина, чтобы поздравить дядю с назначением его пастором первой пресвитерианской церкви.

С июня 1874 по сентябрь 1875 года Томми Вильсон оставался со своей семьей, изучая греческий язык и заботясь о своем больном теле. Образованный негр-дворецкий, служивший в его доме, описал его как «старого молодого человека»: «Внешними манерами м-р Томми походил на отца. Но нутром был вылитая мать. Она имела английские привычки... В сущности, Томми был хорошим и все такое прочее, но он не путался с другими мальчишками, дружил только с Джоном Беллами, — подобно матери, был немного отчужденным. Иногда Томми работал с отцом, и мне разрешали гулять с ним, а старый врач обычно говорил: «Итак, Дэйв, не позволяйте м-ру Томми вступать в драки или в какие-нибудь ссоры». Но в этом не было надобности. Он не был драчуном; но его маленький брат, м-р Джозеф, был настоящий мальчишка».

Несмотря на любовь родителей и на дружбу Беллами, Томми чувствовал себя очень несчастным. Он считал себя избранником Бога, предназначенным для выполнения громадной работы в этом мире, а ему приходилось бороться со своими головными болями, расстройством желудка, со слабым зрением и т. п. Одно время он начал сомневаться в своем призвании и даже подумывал стать моряком, но матери удалось отговорить его от этого.

Осенью 1875 года он, одержимый мыслью стать великим, уезжает учиться в Принстон. «Мы поступили в колледж без какой-либо определенной цели, однако про Вильсона этого сказать

было нельзя, он твердо знал, чего хотел», — вспоминал один из его сокурсников.

В Принстоне Вильсон ведет активную жизнь, посещает дискуссионный клуб, активно занимается спортом, с удовольствием учится. Однажды в библиотеке ему попалась на глаза подборка английского журнала «Джентлмэнз мэгэзин» за 1874 год. В апрельском номере он нашел статью, озаглавленную «Оратор». Томми Вильсон прочел эту статью и сразу же почувствовал, что он похож на «непревзойденных ораторов из палаты общин» Гладстона и Брайта. Он поведет за собой людей своими речами. Он завоюет мир своей моральной убежденностью и тщательным отбором слов и жестов. Томми тут же написал письмо отцу, сообщая о том, что наконец-то обнаружил, что «обладает рассудком».

Родители не очень-то обрадовались его открытию. Рухнули все их надежды на то, что сын станет пресвитерианским пастором. Отец до конца своих дней сожалел о том, что Томми свернул с пути служения Богу. Однажды, когда Томми прочел ему одно из своих ранних эссе, он вскочил и поцеловал сына, а затем воскликнул: «О мой мальчик, как бы я желал, чтобы ты встал на путь служения Богу». На протяжении всей жизни Вудро Вильсона основная часть интеллектуальных работ, написанных им, состояла из проповедей и статей на религиозные темы, он был христианином и государственным деятелем.

В Принстоне Вудро Вильсон зачитывается работами Уолтера Бэджгота об английской конституции и находит, что английская система правления ему более по душе, чем американская. Для оратора там было больше простора, В английской системе оратор, выступающий в палате общин, был центральной фигурой британской жизни, к его словам прислушивалась вся страна, от его успеха или неудачи зависела судьба правительства. В американской системе правление осуществлялось за закрытыми дверьми. Сенаторы и представители выступали перед пустыми креслами. Их речи редко, если вообще когда-либо, публиковались. Правительство могло идти от скандала к скандалу и оставаться у власти, пока не приходило время следующих выборов. Английская система правления превосходно подходила для той карьеры, которой он желал следовать. Американская система правления давала ему мало шансов на успех. Передач по радио не существовало, и над ораторами того типа, каким желал стать Томми Вильсон, посмеивались. Гладстона принимали всерьез. Он обладал громадной властью. Томми Вильсон хотел стать американским Гладстоном. Он считал, что не сможет силой слова вести за собой Америку, если не изменится система правления. Поэтому он начал убеждать американцев в необходимости изменения конституции. Он написал статью в защиту правительства и послал ее редактору «Интернэшнл ревью» Генри Кэботу Лоджу, Лодж одобрил статью. Позднее ему предстояло отклонить более важную статью, написанную Вильсоном.

Первые успехи вскружили Томми голову. Он перестал комплексовать по поводу своей внешности и даже начал петь в Гли-клубе.

Принстон в это время как раз начинал перерастать свои пресвитерианские начала, но все еще назывался колледжем Нью-Джерси. Основная масса студентов состояла из серьезных молодых людей, представителей среднего класса. Молодые отпрыски из богатых семей Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора и Юга держались от них на приличном расстоянии. Томми питал по отношению к ним отвращение и презрение, которое продолжалось всю его жизнь, но к сокурсникам, образ жизни которых походил на его, он испытывал нежную привязанность. Чарльз Тэлкотт и Роберт Бриджес стали его ближайшими друзьями.

Позднее Вильсон писал: «Я вспоминаю, как мы с Чарльзом Тэлкоттом (сокурсник и мой очень близкий друг) составили торжественное соглашение, что приложим все наши силы и способности для дела установления разделяемых нами общих принципов, что приобретенные нами знания, возможно, дадут нам власть и что, быть может, мы сможем повести за собой других, используя их в своих целях для претворения в жизнь наших идей. И нами отнюдь не руководил

чисто мальчишеский энтузиазм, хотя мы были ослеплены ребячьей самоуверенностью в своих способностях переделать мир по своему желанию. Все это происходило не так давно, и я до сих пор все еще ощущаю весь пыл и энтузиазм наших надежд и целей — да, это было не так давно, и во мне все еще жива частичка той веры, которая запала тогда в наши сердца».

Томми Вильсон стал лидером серьезно настроенных мужчин своего класса. Хотя он не играл в бейсбол, он был избран президентом бейсбольной ассоциации. Его уважали за глубокие знания трудов политических деятелей. «Когда он был студентом последнего курса, для него было таким же естественным говорить о Бёрке, Брохэме или Бэджготе, как для остальных из нас упоминать о Купере или Майн Риде, — писал его друг Брид-жес. — Он получал громадное удовольствие от чтения произведений тех писателей, которые использовали меткий и образный язык. Для него это не было схоластическим занятием. Для него оно было полно смысла. Он выуживал слова или фразы с пылом, достойным восхищения. Они неожиданно всплывали в его речи за клубным столом, иногда в виде шутки, иногда в пылу горячего спора. Его глаза светились, и всем становилось ясно, что он был победителем в споре».

Его страсть к выступлениям не удовлетворялась его участием в дискуссионном «Американском обществе Вигов». Он выработал и написал конституцию нового . дискуссионного клуба, в котором правление избиралось и переизбиралось, как в палате общин. Когда он имел возможность выступать, он выступал. Главным ораторским событием каждого года была дискуссия на приз Линде между командами «Вигов» и «Клио». Во время последнего года обучения в Принстоне Томми считался наилучшим спорщиком среди «Вигов», и ожидалось, что он завоюет для своей команды этот приз. Темой дискуссии было: «Свободная торговля несовместима с тарифной пошлиной». В клубе «Вигов» должна была состояться предварительная жеребьевка с целью определить защищаемую сторону спорщиками из «Вигов» в финальном состязании. Когда вытянули жребий, Томми Вильсон обнаружил, что он должен выступать в защиту тарифной пошлины. Он сразу же заявил, что не будет принимать участия в дискуссии, так как стоит за свободную торговлю. Без него команда «Вигов» потерпела поражение. Для победы своего клуба и своих друзей он не стал принимать участия в шутливом состязании, так как должен был защищать сторону, противную его убеждениям. Ораторское искусство стало для него святым призванием.

В июне 187 9 года он завершил образование в Принстоне и возвратился в Уилмингтон, Северная Каролина, где дома, часами стоя перед зеркалом, оттачивал свои жесты. С церковной кафедры своего отца он произносил речи.

«Профессия, которую я избрал, — политика, профессия, которой стал заниматься, — право. Я стал заниматься этим делом, так как считал, что оно приведет меня к заветной цели. В то время это был единственно верный путь; и в конгрессе до сих пор много адвокатов» — так писал Вильсон Эллен Эксон в 1883 году. Он решительно отказался осуществить надежду своего отца и стать пресвитерианским пастором и осенью 187 9 года поступил в юридическую школу Виргинского университета.

Это было прославленное учебное заведение, основанное Томасом Джефферсоном, который решил сделать его самым либеральным учебным заведением в мире. Томми Вильсон питал к Джефферсону глубокую антипатию, так как жизнь и принципы Джефферсона не были пресвитерианскими. Антипатия была настолько глубока, что за все время учебы Вильсона в университете он ни разу не посетил дом Джефферсона, находившийся поблизости. Одно время Вильсон считал, что «ему крайне наскучило благородное изучение закона». В декабре 1880 года он был вынужден покинуть университет из-за участившихся желудочных приступов, которые окончательно расшатали его здоровье.

Он приехал весь разбитый под родной кров в Уилмингтон, страдая от тяжелых головных

болей, расстройства кишечника и нервного переутомления. Это был период сомнений и разочарований. «Как может человек со слабым телом вообще куда-либо отправиться?» — спрашивал он себя. «Что касается моего здоровья, — писал он другу, — то теперь мне ясно, что прекращение учебы было самым благоразумным шагом, который я только мог совершить. Мой врач нашел, что мои пищеварительные органы сильно расстроены, и уверил меня в том, что, если бы я остался в университете и далее игнорировал лечение, я, возможно, получил бы хроническую язву желудка и обрек себя на очень печальное будущее». Он продолжал заниматься самостоятельно, гулял с отцом и матерью, обучал своего маленького брата Джозефа латинскому языку и чувствовал себя очень несчастным.

Единственным светлым лучом в его жизни была переписка с двоюродной сестрой Генриеттой Вудро. Генриетта, подобно матери Вильсона, была родом из Чилликотэ, Огайо. Она училась в женской семинарии, которая была основана в здании старой церкви Стэнто-на, Виргиния, где когда-то преподобный Джозеф Раглес Вильсон произносил свои молитвы. Здесь Вильсон и встретился с Генриеттой. Она была его первой любовью.

В течение всех 15 месяцев болезни ее письма поддерживали его. Летом 1881 года он навестил семью Генриетты Вудро в Чилликотэ и сделал предложение Генриетте. Она решительно отказала ему. С разбитым сердцем он возвратился в Уилмингтон и заявил родным, что Томас умер и родился Вудро.

Весной 1882 года после длительного лечения он почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы начать карьеру адвоката. Его не приняли в адвокатуру. Тем не менее он основал со своим другом по Виргинскому университету Э.И. Реником совместную фирму, открыв адвокатскую контору в Атланте, Джорджия. В октябре 1882 года он был принят в адвокатуру. Однако с карьерой что-то не ладилось. И весной 1883 года он оставил Атланту.

Вот что он писал по поводу своей неудачи в Атланте: «Здесь главным занятием человека, несомненно, является обогащение, а деньги нельзя делать, не применяя самые вульгарные методы. Трудолюбивого человека, занимающегося интеллектуальной деятельностью, объявляют непрактичным мечтателем».

В 1883 году Вильсон встречается с Эллен Луизой

Эксон дочерью пресвитерианского пастора из Роума, куда Вильсон ездил навестить дядю. Эллен была не только дочерью пастора, но также и хозяйкой в доме. Ее мать умерла, и она воспитывала троих малышей. Она была невысокого роста, румяной и обаятельной девушкой и до некоторой степени напоминала горячо любимую им сестру Анну. Эллен любила поэзию, прекрасно рисовала и надеялась сделать карьеру художницы. Она была строгих нравов, но широта ее кругозора и отсутствие предрассудков помогли ей открыть новые горизонты перед Вудро Вильсоном.

Впервые в жизни Вудро испытал настоящее чувство и попросил руки Эллен. В сентябре они уже были помолвлены, но в брак вступили лишь 2 года спустя. Ему все еще приходилось учиться зарабатывать на жизнь. Итак, он отправился в Балтимор изучать историю и экономику в Университет Джона Гопкинса, а она — в Нью-Йорк учиться живописи. Вудро тяжело переживал разлуку с любимой. В ее обществе он обретал то спокойствие и уверенность, которые ранее давала ему любовь матери. «Только я одна могу принести ему отдохновение», — сказала она однажды своей приятельнице. Это было правдой. Он мог часами дремать на ее плече. Он абсолютно доверял ей. Она никогда ни в малейшей степени не обманула его доверия. Она отвечала ему преданной любовью. Она защищала и направляла его, создавала ему такие условия, при которых его чувствительная натура могла функционировать наилучшим образом. Она давала ему мудрые советы в самые критические моменты его жизни и до некоторой степени смягчала силу его предрассудков и ненависти. Он всегда боялся слишком близко сходиться с людьми, был скрытен и

подозрителен. С ней он мог быть откровенен. Он засыпал ее любовными письмами, в которых, помимо своих чувств, описывал каждый свой шаг. Он стал столь же зависим от нее, как ранее зависел от матери. «Ты единственный человек в мире — за исключением моих родных, — с кем мне *не* нужно играть роль, с кем мне не приходится осторожничать; ты единственный человек в мире — без *какого-либо* исключения, — которому я могу сказать *все,* что у меня на душе». Так он писал ей в период их помолвки. Так все и оставалось в течение 29 лет их счастливого брака.

Она умерла в августе 1914 года, в тот момент, когда ему предстояло решать великие задачи. Эмоционально он был абсолютно разбит. Он хотел умереть, но не умер. Вместо этого год и 4 месяца спустя он снова женился. Он не мог обходиться без женщины, на груди которой он мог отдыхать. Но все это было впереди, а пока шел 1884 год. Вильсон поступил в Университет Джона Гопкинса, где с первых же дней обучения зарекомендовал себя с положительной стороны. Доктор Ричард Т. Эли пригласил его стать одним из его ассистентов в подготовке истории американской экономической жизни. В это же время он много пишет для журналов.

1 января 1884 года он писал Эллен Эксон: «Я начал новый год днем упорной работы над моим любимым конституционным исследованием. Моим честолюбивым желанием является оказание такого же влияния на американскую конституцию, какое оказал на английскую конституцию м-р Бэджгот». Он упорно работал над этой маленькой книжечкой под руководством профессора Адамса и назвал ее «Конфессиональное правление». Она положила начало его репутации человека большого ума.

Студенты Университета Джона Гопкинса часто отправлялись в Вашингтон, который находился в часе езды поездом от Балтимора, для знакомства с работой федерального правительства. Вудро Вильсон ни разу не съездил в Вашингтон. Его книга производила такое впечатление, будто он был очень близко знаком с работой конгресса. Такой уход от непосредственного контакта с людьми и событиями продолжался на протяжении всей его жизни. Он предпочитал черпать свои идеи из опыта других людей.

Успех книги окрылил его. Он был счастлив, но спустя несколько дней ходил «мрачный как туча». Это также стало характерным для него. Любой успех мог удовлетворить его лишь на мгновение.

Как обычно, под тяжестью работы его здоровье начало ухудшаться. Он пишет Эллен Эксон: «Крайне опрометчиво я вчера перетрудил свои глаза и в настоящее время страдаю от тупой головной боли, так что ничего не могу делать». Спустя два месяца он вновь жалуется невесте на плохое самочувствие: «Я не часто даю волю своим нервам, требуется лишь небольшая осмотрительность, чтобы сохранять свое здоровье и свободный дух для той смелой, радующей сердце работы, которой я горжусь». Очевидно, он написал эти строки, чтобы как-то подбодрить себя. Две недели спустя он почувствовал себя абсолютно разбитым и отправился домой «на исцеление».

По возвращении в университет он постоянно жаловался на странные головные боли, на свое слабое здоровье и нервное состояние. Но его переполняет «громадное честолюбие, страстное стремление совершить работу, которая обессмертит его имя». Об этом он пишет Эллен: «Неприятно и не очень-то удобно обладать сильными страстями... Я испытываю неприятное чувство, будто внутри меня находится вулкан. Мое спасение заключается в любви».

Всю свою жизнь он считал себя «страстной натурой», подверженной «сильным страстям», оставаясь к 2 8-летнему возрасту наверняка все еще девственником. Все сведения, которые нам удалось собрать, указывают на то, что его сексуальная жизнь была ограничена отношениями с его первой и второй женами. Когда он стал «хозяином» Белого дома, о его личной жизни ходило много сплетен. Так, его политические враги распространяли истории о его любовных связях с миссис Пек. Однако можно почти с уверенностью утверждать, что все эти истории являлись

выдумками людей, плохо знавших его характер.

Приближался день свадьбы. В попытке улучшить свою внешность он отрастил длинные, пушистые усы и короткие бакенбарды. Однако они не скрывали его крючковатый нос, выпуклые глаза, его острую челюсть и толстую, мясистую губу. Когда он послал одну из своих фотографий другу, то заметил, что «здесь передано удивительное сходство, фотография вышла ничуть не уродливее, чем я выглядел во время съемки». Всю свою жизнь он был крайне чувствителен по поводу своей внешности, но предпочитал держать это глубоко в себе. А вслух снова и снова повторял шуточные детские стишки:

Хотя про меня иногда говорят,
Что лучше, красивей другие стократ,
Лицо не печалит нисколько меня,
За ним ведь скрывается сущность моя,
Лишь люди поблизости сердят меня.

9 июня 1919 года, будучи президентом Соединенных Штатов, он неожиданно отказался позировать сэру Уильяму Орпену, пишущему его портрет. Вильсон поглядел на работу, которая была еще далека от завершения, и пришел в ужас. Художник был в отчаянии. Он умолял хотя бы еще об одном сеансе. Президент наотрез отказался. Вмешались друзья, убеждающие Вильсона сделать еще одну попытку. Они открыли, что его недовольство было вызвано тем, как Орпен нарисовал его уши. В результате небольших словесных заверений с обеих сторон Вильсон согласился еще на один сеанс, и Орпен «исправил свою ошибку».

Всю свою жизнь Вильсон не мог простить Теодору Рузвельту его слов о том, что он слишком похож на аптекаря, чтобы его можно было избрать президентом США.

Итак, еще раз вернемся к внешности Вильсона. Его уродливые черты еще больше портили очки, которые не примыкали ни к одной стороне его выдающегося вперед носа, и удивительно плохие зубы. Он никогда не курил, но его зубы быстро разрушались; так что, когда он улыбался, выставляя их напоказ, были видны желтые, коричневые и голубые пятна с проблесками золота тут и там. Его кожа по цвету напоминала замазку, к тому же она была покрыта нездоровыми пятнами. Его ноги были слишком короткими для его тела, так что сидя он выглядел лучше, нежели стоя.

Однако его осанка была прямой, и он умел в наиболее выгодном свете показать свое слабое тело. Ко времени своей женитьбы он приобрел привычку носить пальто, застегнутое до подбородка. Он жаловался в одном из писем Эллен Эксон: «Я уже привык к тому, что меня принимают за священника. По-видимому, в моем внешнем виде есть что-то, что заставляет очень многих людей заключать, что я выполняю роль миссионера того или иного рода, — хотя я так и не могу понять, что именно вызывает у них это чувство».

Он носил на лице холодную и бесстрастную маску, которую иногда снимал, чтобы мгновение посмотреть в глаза человеку или в объектив фотокамеры с выражением почти любовного отношения и понимания. Он всегда выступал перед публикой с этой вызываемой, интимной теплотой, что усиливало его влияние как оратора. В этой связи он писал Эллен Эксон 18 декабря 1884 года: «Когда я имею дело с собранием людей, то ощущаю такую власть, которую не всегда испытываю, когда беседую с каким-либо одним человеком. В первом случае чувство собственного достоинства, заставляющее меня быть сдержанным, мешает мне много меньше, чем во втором. Не испытываешь ни малейшего чувства унижения, когда пытаешься добиться расположения всей аудитории, совсем не то, когда пытаешься добиться расположения какого-либо одного человека».

Он был дисциплинированным во всех своих привычках. Его почерк был аккуратным, ровным, без каких-либо неряшливостей. Он редко употреблял алкоголь, и то лишь в мизерных количествах в целях лечения. Он никогда не курил, хотя его отец был заядлым курильщиком, и

говорил: «За свою жизнь отец выкурил табаку за нас обоих». В более поздние годы жизни он редко пил чай или кофе, придерживаясь строгой диеты. Он не играл в карты. Его отец считал игру в карты аморальной.

Он не занимался спортом или какими-либо играми. Он любил петь, а еще больше спорить и сочинять законы. Он также увлекался чтением произведений Уолтера Бэджгота, которого он называл «мой учитель Бэджгот».

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ *ТОМАСА ВУДРО ВИЛЬСОНА,* ПРОВЕДЕННОЕ *УИЛЬЯМОМ С.БУЛЛИТОМ* И *ЗИГМУНДОМ ФРЕЙДОМ*

I

О Томасе Вудро Вильсоне было написано много книг. В основном это были воспоминания о нем его друзей. Однако до сих пор Вильсон остается, даже для его биографов и близко знавших его людей, противоречивым характером, загадкой. 10 июня 1919 года, во время последнего месяца работы мирной конференции, полковник Эдвард М. Хауз записал в своем дневнике: «Мне кажется, что я нигде более не встречал человека, чья внешность столь разительно меняется от часа к часу. И это касается не только его лица. У него один из самых сложных характеров, с каким я когда-либо сталкивался. Он столь противоречив, что в его адрес трудно высказать какое-либо суждение». К этому заключению в конечном счете пришли все близко знавшие Вильсона люди.

У Вильсона действительно был сложный характер, и будет нелегко найти ключ к тому единству, которое скрывается за явными противоречиями этого характера. Более того, нам не следует обольщаться ложными надеждами. Мы никогда не сможем провести исчерпывающий анализ его характера. Мы ничего не знаем о многих сторонах его жизни и его натуры. Те факты, которые нам известны, представляются менее важными, чем те, которых мы не знаем. Все то, что нам хотелось бы узнать, могло бы быть открыто только в том случае, если бы он был жив и подвергался психоанализу. Он мертв. Никто никогда не узнает этих фактов. Поэтому мы не можем проанализировать решающие события его психической жизни. Вследствие этого мы не можем называть эту работу психоанализом Вильсона. Данная работа является психологическим исследованием, основанным на доступном в настоящее время материале, и ничем большим.

С другой стороны, мы не хотим недооценивать имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Нам известно о многих аспектах жизни и характера Вильсона. Нам приходится отказаться от надежды провести исчерпывающий анализ; тем не менее нам достаточно многое известно о его личности, чтобы оправдать нашу надежду на то, что нам, возможно, удастся наметить основной путь его психического развития. К тем фактам, которые нам известны о нем как об индивиде, мы добавим новые, которые, как открыл психоанализ, справедливы для всех людей. В конце концов, Вильсон был одним из нас и подчинялся тем же законам психического развития, что и другие люди, а всеобщность этих законов была доказана психоанализом на громадном количестве индивидов.

Говоря это, мы не имеем в виду, что психоанализ открыл последние загадки человеческой жизни. Образно выражаясь, психоанализ открыл дверь, ведущую к душевной жизни человека, и позволил нам узнать о существовании немногих объектов, расположенных рядом с этой дверью, хотя те объекты, которые расположены в большей глубине, все еще окутаны мраком. Психоанализ позволил нам немного осветить многое неизвестное, так что теперь мы в состоянии различать контуры определенных объектов в темноте. Мы можем описать определенные механизмы,

которые используются глубинными пластами психики, описать которую в целом мы не можем. Наша наука еще очень молода, и дальнейшие исследования, несомненно, докажут, что те контуры, по которым мы в настоящее время пытаемся различать эти объекты, не были окончательно истинными. Но наше ожидание того, что позднее придется изменить некоторые детали современных концепций, не должно служить нам помехой для использования этих концепций в настоящее время. Работа Ньютона не объявлялась бессмысленной, потому что после него был Эйнштейн; и если бы не было Ньютона, то, возможно, не было бы и Эйнштейна. Поэтому мы будем, как само собой разумеющееся, применять определенные теоремы, разработанные психоанализом на основании открытых им фактов, которые он в настоящее время требует принимать на веру. Представляется необходимым привести, как можно в более сжатом виде, некоторые из этих концепций и предположений перед тем, как мы начнем исследовать ту психологическую проблему, которая представлена характером Вильсона. Мы начинаем с аксиомы о том, что в психической жизни каждого человека с момента его рождения действует активная сила, которую мы называем либидо и определяем как энергию Эроса.

Либидо должно где-то размещаться. Мы полагаем, что оно «наполняет» определенные области и части нашего аппарата психики, как электрический ток заполняет батарейку или «аккумулятор»; что, подобно электрическому заряду, либидо подвержено количественным изменениям; что при задержке разрядки оно вызывает напряжение, пропорциональное количеству заряда, и ищет выхода; далее, что оно постоянно питается и снова поставляется физическими генераторами. Либидо вначале накапливается в любви к себе — нарциссизме. Эта фаза хорошо видна у младенца. Его интерес ограничен актами и продуктами своего тела. Он находит все источники удовольствия в себе. Конечно, даже неотнимаемый от груди, ребенок имеет объект любви, материнскую грудь. Он может, однако, путем интроекции сделать этот объект частью себя и относиться к нему как к части себя.

Мы противопоставляем нарциссизму объектную любовь. Иногда состояние, сходное с нарциссизмом новорожденного, сохраняется взрослым, который в этом случае кажется нам ужасным эгоистом, неспособным любить кого-либо или что-либо, кроме себя; но обычно в ходе жизни часть либидо направляется на внешние объекты. Другая часть продолжает прочно держаться себя. Нарциссизм является первым пристанищем либидо и остается его самым гостеприимным домом. У разных индивидов пропорция между нарцисстической и объектной любовью очень сильно варьирует; основной заряд либидо может размещаться в себе или в объектах, но ни один человек не обходится полностью без любви к себе.

Наша вторая теорема гласит: все человеческие существляется являются бисексуальными. Каждый индивид, является ли он мужчиной или женщиной, состоит из элементов мужественности и женственности. Психоанализ установил этот факт так же прочно, как химия установила наличие кислорода, водорода, углерода и других элементов во всех телах органического происхождения.

Когда приходит конец первой фазе чистого нарциссизма и объектная любовь начинает играть свою роль, либидо начинает наполнять три «аккумулятора»: нарциссизм, мужественность и женственность. Под выражением женственности мы понимаем все те желания, которые характеризуются пассивностью, основной потребностью быть любимым и склонностью подчиняться другим, что находит свое выражение в мазохизме, желании, чтобы тебе причиняли боль другие. С другой стороны, мы называем мужественными все желания, которые служат проявлением активности характера, подобно желанию любить и желанию достичь власти над другими людьми, контролировать внешний мир и изменять его в соответствии со своими желаниями. Поэтому мы связываем мужественность с активностью, а женственность — с пассивностью.

Основными объектами любви, которые ребенок находит, являются его мать и отец или их

заместители, Его самые ранние отношения с родителями являются пассивными по своей природе: ребенок нянчится и ласкается ими, управляется согласно их желаниям и наказывается ими. Либидо ребенка сначала разряжается через эти пассивные отношения. Затем можно наблюдать реакцию со стороны ребенка. Он желает стать активным по отношению к ним, ласкать их, командовать ими и отомстить им за себя. Вследствие этого, вдобавок к нарциссизму, для его либидо открыты четыре выхода: через пассивность к своему отцу и матери и через активность по отношению к ним. Из этой ситуации развивается Эдипов комплекс.

Для того чтобы объяснить Эдипов комплекс, мй должны ввести аксиому психоанализа, предположение из теории инстинктов, которое объявляет, что в психИ' ческой жизни человека два основных инстинкта являются активными: Эрос, то есть любовь в самом шире ком смысле этого слова, чью энергию мы назвали либидо, и второй инстинкт, который мы назвали, в соответствии с его конечной целью, инстинктом смерти. Инстинкт смерти представляется нам как импульс к разрушению. Он является противником Эроса, который всегда пытается создавать все большие и большие объединения, совместно связанные либидо. Оба инстинкта с самого начала одновременно наличествуют в психической жизни и редко когда-либо проявляются в чистом виде, а являются, как правило, перемешанными в различных пропорциях.

Поэтому то, что представляется нам мужественностью или женственностью, никогда не состоит из чистого либидо, а всегда несет с собой добавочный элемент желания нападать и разрушать. Мы предполагаем, что этот дополнительный элемент является намного сильнее в случае мужественности, чем в случае женственности.

Позвольте нам еще раз подчеркнуть тот факт, что каждая зарядка либидо приносит с собой некоторую долю агрессии и возвращение к Эдипову комплексу. Мы будем, однако, обсуждать лишь Эдипов комплекс мальчика.

Мы отмечали, что либидо ребенка заполняет 5 «аккумуляторов»: нарциссизм, пассивность по отношению к матери, пассивность по отношению к отцу, активность по отношению к матери и активность по отношению к отцу — и начинает разряжаться через эти желания. Конфликт между этими различными течениями либидо порождает Эдипов комплекс маленького мальчика. Вначале ребенок не ощущает никакого конфликта: он находит удовлетворение в разрядке всех своих желаний и не обеспокоен их несовместимостью. Но постепенно для маленького мальчика становится затруднительным примирять свою активность по отношению к отцу и матери со своей пассивностью по отношению к ним либо из-за возрастания интенсивности его желаний, либо из-за возникающей потребности объединить, или синтезировать, все эти расходящиеся потоки либидо.

Для маленького мальчика особенно трудно примирить свою активность по отношению к матери с пассивностью по отношению к отцу. Когда он желает полностью выразить свою активность по отношению к матери, он встречает на своем пути отца. Тогда он желает Избавиться от отца как от помехи, мешающей обладанию матерью; но, с другой стороны, заряд либидо, размещенный в пассивности по отношению к отцу, заставляет его желать подчиниться отцу, даже вплоть до желания стать женщиной, своей собственной матерью,чье место по отношению к отцу он желает занять. Из этого источника развивается впоследствии отождествление с матерью, которое становится постоянным ингредиентом в бессознательном поведении мальчика.

Желание маленького мальчика избавиться от отца становится несовместимым с его желанием быть пассивным по отношению к отцу. Эти желания ребенка вступают в конфликт. Поэтому нарушается разрядка либидо изо всех этих «аккумуляторов», за исключением нарциссизма, и ребенок находится в состоянии конфликта, который мы называем Эдиповым комплексом.

Разрешение Эдипова комплекса является самой трудной проблемой, с которой лицом к лицу сталкивается мальчик в своем психическом развитии. В случае маленького мальчика страх

поворачивает большую часть либидо от матери к отцу, и его основной проблемой становится несовместимость его желания убить отца с его в равной степени сильным желанием полностью подчиниться ему.

Все лица мужского пола используют один метод решения основной дилеммы Эдипова комплекса: отождествление с отцом. Будучи в равной степени неспособен убить отца или полностью подчиниться ему, маленький мальчик находит выход, который примерно равен устранению отца и одновременно уходу от убийства. Он отождествляет себя с отцом. Вследствие этого он удовлетворяет как свои нежные, так и враждебные желания по отношению к отцу. Он не только выражает любовь к отцу и восхищение им, но также устраняет отца путем включения его в себя, как если бы он совершил акт каннибализма. С этого времени он сам становится великим обожаемым отцом.

Этот ранний шаг отождествления с отцом делает понятным более позднее честолюбивое стремление превзойти отца и стать более великим, чем отец, которое мы столь часто наблюдаем в юности. Тот отец, с которым маленький мальчик отождествляет себя, не является тем отцом, каков он есть в реальной жизни и каким он признается позднее сыном, но является отцом, чье могущество и добродетели достигли громадных размеров, а чьи слабости и ошибки отрицаются. Он является таким отцом, каким он представлялся маленькому мальчику. Позднее по сравнению с этой идеальной фигурой действительный отец неизбежно будет казаться малой пешкой; и когда юноша желает превзойти отца, он просто поворачивает от реального отца к отцовской фигуре своего детства.

Этот всемогущий, всемудрый, обладающий всеми добродетелями отец детства в результате его интроеци-рования ребенком становится внутренней психической силой, которую в психоанализе мы называем Идеал-Эго или Супер-Эго.

Супер-Эго проявляет себя на протяжении всей последующей жизни мальчика через свои приказы и запреты. Его негативная запрещающая функция хорошо известна всем нам как совесть. Его позитивная управляющая сторона является, возможно, менее заметной, но определенно более важной. Она находит выражение через все сознательные и бессознательные чаяния индивида. Так из неудовлетворенного желания мальчика убить отца возникает отождествление с отцом, Иде-ал-Эго и Супер-Эго.

Конечно, образование Супер-Эго не решает все трудности Эдипова комплекса, но оно порождает «аккумулятор» для определенного количества оттока части либидо, которое первоначально заряжало агрессивность по отношению к отцу. Однако в обмен на это Супер-Эго становится источником новых трудностей, с которыми начиная с этих пор приходится иметь дело Эго. Ибо Супер-Эго на всем протяжении оставшейся жизни предостерегает, запрещает, вытесняет и пытается изолировать и отвести от целей все те либидинозные желания, которые не удовлетворяют его идеалам. Во многих людях эта борьба в Эго между либидо и Супер-Эго не является жестокой либо из-за того, что либидо является слабым и легко подчиняется Супер-Эго, либо из-за того, что Супер-Эго является столь слабым, что оно может лишь смотреть, в то время как либидо идет своим путем, или из-за того, что идеалы Супер-Эго не превышают возможностей человеческой природы и тем самым не требуют от либидо большего, чем свойственно либидинозным влечениям данного индивида. Последняя разновидность Супер-Эго приятна для человека, обладающего им; но она имеет тот недостаток, что порождает очень заурядных людей. Супер-Эго, которое не требует многого от либидо, получает немногое; человек, ожидающий от себя немногого в жизни, получает это немногое.

В качестве противоположной крайности выступает Супер-Эго, идеалы которого столь грандиозны, что оно требует от Эго невозможного. Супер-Эго такого рода порождает мало великих людей, но много психотиков и невротиков. Тот путь, каким развивается такое Супер-Эго,

легко понятен. Мы отмечали, что у каждого ребенка имеется преувеличенное представление о величии и мощи отца. Во многих случаях такое преувеличение столь велико, что тот отец, с которым маленький мальчик отождествляет себя, образ которого становится его Супер-Эго, превращается в самого всемогущего Отца — Бога. Такое Супер-Эго постоянно требует от Эго невозможного. Не имеет значения, чего Эго может действительно достичь в жизни. Супер-Эго никогда не удовлетворяется достигнутым. Оно постоянно требует: ты можешь сделать невозможное возможным! Ты являешься любимым сыном Отца! Ты сам являешься Отцом! Ты — Бог!

Супер-Эго такого сорта не является редкостью. Психоанализ может подтвердить, что отождествление отца с Богом является обычным, если не общим, явлением в психической жизни. Когда сын отождествляет себя с отцом, а своего отца — с Богом и делает такого отца своим Супер-Эго, он чувствует, что внутри него есть Бог, что он сам станет Богом. Все, что он делает, должно быть справедливым, так как сам Бог делает это. То количество либидо, которое заполняет эту идентификацию с Богом, становится столь огромным у некоторых людей, что они теряют способность признавать существование фактов в мире реальности, которые противоречат такому отождествлению. Они кончают в сумасшедших домах. Но тот человек, Супер-Эго которого построено на этом предположении, который с уважением относится к фактам и реальности, может, если он обладает способностью, совершить великие дела в мире. Его Супер-Эго требует многого и получает многое.

Примирение себя с миром реальности является, естественно, одной из основных задач каждого человека. Эта задача нелегка для ребенка. Ни одно из влечений его либидо не может найти полного удовлетворения в реальном мире. Каждому человеку (который живет в мире) приходится достигать такого примирения с миром реальности. Тот, кому абсолютно не удается выполнить эту задачу, впадает в психоз, слабоумие. Тот, кто может достичь только частичного и потому ненадежного решения конфликта, становится невротиком. И только тот человек, который достигает полного примирения, становится нормальным здоровым человеком. Конечно, мы должны добавить, что такое разрешение конфликта никогда не является столь полным, что оно не может быть разрушено, если на человека обрушится достаточное количество внешних несчастий. Поэтому мы вполне можем сказать, что все люди являются более или менее невротичными. Тем не менее у некоторых людей разрешение этого конфликта покоится на таком прочном фундаменте, что они могут выдержать огромные несчастья, не впадая в невроз, в то время как для других достаточна лишь малая толика невзгод, чтобы вынудить их развить невротические симптомы.

Каждое человеческое Эго является результатом попытки примирения всех этих конфликтов: конфликтов между противоречивыми влечениями либидо и влечениями либидо с требованиями Супер-Эго и с фактами реального мира человеческой жизни. В конечном счете устанавливаемый тип примирения определяется относительной интенсивностью врождённой мужественности и женственности у данного индивида и зависит от тех переживаний, которым он подвергается в детстве. Конечным продуктом всех этих попыток примирения является характер.

Объединение влечений либидо друг с другом и с требованиями Супер-Эго, а также с требованиями внешнего мира является, как мы уже сказали, нелегкой задачей для Эго: все влечения должны быть удовлетворены тем или другим образом. Супер-Эго настаивает на своих требованиях, и нельзя избежать адаптации к реальности. Для выполнения этой задачи Эго применяет, когда непосредственное удовлетворение либидо невозможно, три механизма: вытеснение, отождествление и сублимацию.

Вытеснение является способом отрицания существования инстинктивного желания, которое требует Удовлетворения, обращаясь с ним, как если бы оно не существовало, изгоняет

его в бессознательное и забывает о нем.

Отождествление пытается удовлетворить инстинктивное влечение, трансформировать само Эго в желаемый объект, так что Эго представляет одновременно и желающего субъекта, и желаемый объект.

Сублимация является способом дать инстинктивному влечению частичное удовлетворение путем замены недостижимого для него объекта родственным объектом, который не отвергается Супер-Эго или внешним миром: таким образом инстинктивное влечение переносится со своей приносящей наибольшее удовлетворение, но недопустимой цели или объекта на такую цель или объект, которые, возможно, приносят меньшее удовлетворение, но более легко достижимы.

Вытеснение является наименее эффективным из этих способов достижения желаемого примирения конфликта, так как невозможно, в конечном счете игнорировать инстинктивные влечения. В конце концов, давление либидо становится слишком большим, вытеснение рушится и либидо прорывается наружу. Более того, давление вытесненного либидо очень сильно возрастает вследствие вытеснения, так как ему не только не дают разрядки, но также удаляют от смягчающего воздействия рассудка, который считается с реальностью. Вытеснение может иметь успех в том, что либидо в конечном счете не разряжается по пути к своей первоначальной цели, но оно вынуждено пробивать новый выход и извергается на другой объект.

Например, мальчик, полностью вытеснивший свою враждебность к отцу, не освобождается, таким образом, от инстинктивного желания убить отца. Наоборот, под влиянием плотины вытеснения его агрессивность против отца возрастает до тех пор, пока не становится слишком сильной для сдерживания. Вытеснение рушится, его враждебность к отцу прорывается наружу и с силой направляется либо против отца, либо против заместителя отца.

Враждебность по отношению к отцу неизбежна для любого мальчика, который претендует хоть на малейшую мужественность. А если мужчина в де-тстве полностью вытеснил этот инстинктивный импульс, он неизбежно в более поздней жизни будет развивать враждебные отношения с представителями отца. Он будет проявлять свою враждебность безотносительно к тому, заслуживают это представители отца или нет. Они будут вызывать его гнев из-за какой-либо мелочи, которая тем или иным образом напомнит ему об отце. В таких случаях его враждебность проистекает почти исключительно от него самого и почти не имеет внешнего источника. Если же случается так, что у него вдобавок имеется реальная причина для враждебности, то его эмоциональная реакция становится чрезмерной и его враждебность превышает всякую соразмерность с внешней причиной. Как правило, для такого человека трудно поддерживать дружеские отношения с другими мужчинами равного положения, способностей и власти. Для него будет невозможно сотрудничать с людьми, стоящими выше его по положению, способностям и власти: он вынужден ненавидеть таких людей.

Мы не можем закончить обсуждение темы вытеснения, не обратив внимания на то, какие способы применяет Эго для проведения индивидуальных актов вытеснения. Для этой цели Эго использует реактивные образования, обычно путем усиления влечений, которые противостоят тем влечениям, которые требуется вытеснить. Так, например, из вытеснения пассивности к отцу может развиться чрезмерная мужественность, которая может проявлять себя в самонадеянном отвержении каждого представителя отца. Психическая жизнь муж чины является крайне сложной вещью. Реактивные образования против вытесненных инстинктивных влечений играют огромную роль в конструировании характера, определяемого двумя основными отождествлениями с отцом и матерью.

Тот способ отождествления, который применяет Эго для удовлетворения влечений либидо, является очень полезным и многократно используемым механизмом. Мы уже объясняли, как отождествление с отцом и Супер-Эго развивается из агрессивности по отношению к отцу;

множество других отождествлений применяется каждый день всеми людьми. Ребенок, у которого отняли котенка, может компенсировать свою потерю этого объекта любви путем отождествления себя с котенком: он будет ползать, мяукать и есть с пола, как котенок. Ребенок, который привык «кататься» на плечах отца, «играя в лошадку», может (если отец долгое время отсутствует) посадить на плечи какую-нибудь куклу и носить ее, как носил его отец, таким образом представляя себя отцом. Мужчина, потерявший любимую женщину, может (пока не найдет новой любви) пытаться заменить потерянный объект любви собой. Мы увидим поучительный пример действия такого механизма в жизни Вильсона. Мужчина, чья пассивность по отношению к отцу не может найти непосредственной разрядки, часто помогает себе путем двойной идентификации. Он отождествляет себя со своим отцом и находит молодого человека, которого отождествляет с собой; затем он начинает проявлять по отношению к этому молодому человеку такую любовь, которую заставляет желать от своего отца его неудовлетворенная пассивность по отношению к отцу. Во многих случаях мужчина, пассивность которого по отношению к отцу не находит какого-либо непосредственного выхода, разряжает себя посредством отождествления с Иисусом Христом. Психоанализ обнаружил, что такое отождествление имеется у абсолютно нормальных лиц.

Есть еще один путь окончательного разрешения проблемы отца в Эдиповом комплексе, который ведет через двойное отождествление. Когда мальчик становится мужчиной и отцом сына, он отождествляет сына с собой как с ребенком, а себя — с отцом. Его пассивность по отношению к отцу находит тогда разрядку посредством его отношений с сыном. Он проявляет к сыну ту любовь, которую страстно желал получить в детстве от отца. Такое решение основной дилеммы Эдипова комплекса является единственным нормальным решением, предлагаемым природой; но для него требуется, чтобы у мужчины был сын. Таким образом, пассивность по отношению к отцу добавляется во все другие мотивы, питающие желание иметь сына.

Мы уже упоминали о том, что отождествление с матерью возникает от пассивности по отношению к отцу. Теперь мы должны обратить внимание на усиление такого отождествления, которое имеет место, когда во время расщепления Эдипова комплекса на составляющие мальчик отказывается от матери как от объекта любви. Он переносит часть своих активных и пассивных желаний по отношению к матери на других женщин, которые являются ее заместителями; но эти желания никогда полностью не удовлетворяются, и отождествление с матерью является результатом накопления этого неудовлетворенного либидо. Используя уже описанный нами выше механизм, ребенок компенсирует потерю им своей матери путем отождествления себя с ней. Затем, на всем протяжении своей последующей жизни, он будет проявлять по отношению к другим мужчинам, которые напоминают ему о его собственном детстве, большее или меньшее количество любви, которую ребенком желал получить от матери.

Сублимация, третий способ, применяемый Эго для примирения своих конфликтов, включает в себя, как мы уже отмечали, замену первоначальных объектов либидо другими, которые не подвергаются осуждению со стороны Супер-Эго или общества. Такая замена достигается посредством перенесения заряда либидо с одного объекта на другой. Например, мальчик поворачивает часть своего либидо от матери к своим сестрам или подружкам сестер, а затем — к женщинам вне его семьи, в которых он влюбляется, до тех пор, пока, следуя этим путем, он в конечном счете не находит себе жену. Чем больше его жена напоминает ему о матери, тем большим будет отток его либидо в этот брак; но многие инстинктивные садистские импульсы, которые имеют тенденцию разрушить брак, также сопутствуют таким материнским взаимоотношениям.

Человеческие индивиды применяют многочисленные сублимации для разрядки либидо, и этим сублимациям мы обязаны всеми высшими достижениями цивилизации. Неудовлетворенные

сублимированные желания либидо породили искусство и литературу. Само человеческое общество скрепляется сублимированным либидо; пассивность мальчика по отношению к отцу трансформируется в любовь к своим приятелям и в желание служить человечеству. Если бисексуальность человеческих чувств и индивидов временами представляется огромным несчастьем и источником бесчисленных трудностей, мы должны помнить, что без нее человеческое общество вообще не могло бы существовать. Если бы мужчина являлся олицетворением только агрессивной деятельности, а женщина — только пассивной, человеческий род уже давным-давно прекратил бы свое существование, так как мужчины взаимно истребили бы друг друга.

Перед тем, как мы завершим краткое представление фундаментальных принципов психоанализа, представляется разумным описать еще некоторые из открытий.

Каждое препятствие в разрядке либидо вызывает накопление психической энергии, и возрастание давления в затрагиваемом «аккумуляторе» может распространиться на другие «аккумуляторы». Либидо всегда ищет места для накопления и разрядки, оно не может сдерживаться постоянно или когда его заряд превышает определенный предел. Если оно не может найти места для накопления или разрядки путем использования одного «аккумулятора», оно размещает себя и разряжается посредством использования других «аккумуляторов».

Интенсивность, или, продолжая наше сравнение, количество либидо, сильно варьирует у разных индивидов. Некоторые из них обладают очень могущественным либидо, другие — очень слабым. Либидо отдельных индивидов может быть сравнимо с электрической энергией, порождаемой крупной электростанцией, в то время как либидо других может напоминать слабый ток, порождаемый магнето автомобиля.

Либидо всегда будет отказываться от иного выхода, если свободен выход, лежащий ближе к первоначальным инстинктивным влечениям, при условии, что сопротивление Супер-Эго и внешнего мира не является большим, чем в случае иного выхода. Например, оно всегда готово отказаться от сублимации, если может найти другой объект, более близкий к первоначальному объекту либидо.

Закономерно то, что человек переносит значительную долю ненависти на лицо, к которому он наиболее привязан, а любви на лицо, которое ненавидит. То или другое из этих антитетических инстинктивных влечений вытесняется либо целиком, либо частично в бессознательное. Мы называем это принципом амбивалентности.

Рождение меньшего брата вызывает определенную реакцию у маленького мальчика: он чувствует себя «преданным» отцом и матерью. Укор за такое «предательство» и ненависть по отношению к своим родителям могут затем быть им трансформированы либо полностью, либо частично по отношению к брату. Ребенок, развивающийся нормально, освобождается от такой ненависти и чувства «предательства», совершенного по отношению к нему, путем типичной идентификации: он как бы становится отцом появившегося ребенка, а его «превращает» в себя. Но при менее нормальном развитии упрек в «предательстве» продолжает оставаться и относиться к брату, таким образом, старший брат на протяжении всей своей жизни продолжает опасаться, что те из его друзей, которые напоминают ему меньшего брата, повторят по отношению к нему акты «предательства».

Чувство «предательства», описанное выше, происте-кает от обманутых надежд в отношении удовлетворения_как активных, так и пассивных влечений либидо: но из вытеснения пассивности по отношению к отцу может возникнуть нечто, намного более серьезное. Оно может привести мужчин к форме преследования, свойственной паранойе: мании преследования. Как правило, страдающий от мании преследования верит в то, что он преследуется и «предается» тем лицом, которого больше всего любит. Мания предательства и преследования часто не имеет никакой фактической основы, а проистекает единственно из потребности убежать от любимого

человека, так как тот возбуждает, но не удовлетворяет пассивность данного индивида. Если страдающий верит в то, что лицо, которое он любит, «предает» и преследует его, тогда на смену любви приходит ненависть и он способен убежать от любимого человека. Легко проследить все случаи неоправданного Недоверия и мании преследования к вытесненной пассивности по отношению к отцу.

Всевозможные крушения планов и несчастья имеют тенденцию вновь возвращать либидо к прежним местам обитания, например возвращать либидо от сублимаций к его первоначальным объектам влечения. Мы называем это регрессией.

В ходе человеческой жизни психическое развитие вместо продолжения своей эволюции может внезапно останавливаться и заканчиваться. В таком случае некоторое травматическое переживание заполняется либидо, загоняя его в те «аккумуляторы», которых оно придерживается вплоть до самой смерти или душевного распада личности. Мы называем это фиксацией.

Теперь, когда мы изложили некоторые открытия психоанализа, мы будем пользоваться ими как аксиомами при проведении психологического исследования личности Томаса Вудро Вильсона. До сих пор мы излагали факты, справедливые для всех мужчин, рожденных в этом мире; давайте теперь обратимся к тому человеку, который родился в доме пастора в Стэнтоне, штат Виргиния, 28 декабря 1856 года и провел детство в Огасте, штат Джорджия.

Читатель, несомненно, ожидает, что мы начнем обсуждение характера Вильсона с точной оценки мощи его либидо. Мы с удовольствием провели бы такой подсчет, если бы нам было известно о Вильсоне больше фактов, чем мы располагаем. К сожалению, мы не имеем о нем достаточных сведений, чтобы подтвердить фактами любую подобную оценку. Либидо манифестирует себя только в выходах своей энергии. Для оценки силы либидо необходимо знать все выходы. Кроме того, необходимо знать, какая часть либидо остается связанной с интрапсихическими процессами. Некоторое количество либидо остается связанным таким образом у всех мужчин. Оно может быть и небольшим, и очень большим. Например, либидо индийского отшельника может быть сильным, однако оно находит выход лишь посредством созерцания. У нас нет каких-либо данных, на которых мы смогли бы обосновать оценку количества либидо Вильсона, которое остается связанным таким образом, и мы ничего не знаем о многих других выходах его либидо во внешний мир.

Поэтому попытка подсчитать мощь его либидо посредством изучения его разрядок через те немногие выходы, которые нам известны, была бы неразумной, как неразумной была бы попытка подсчитать количество электричества, вырабатываемого центральной электростанцией крупного города, путем подсчета той электроэнергии, которая потребляется несколькими домами и фабриками. Мы не можем точно подсчитать величину его либидо и не желаем вдаваться в догадки относительно его общей силы.

Читатель, конечно, сочтет нас слишком осторожными и придет к собственным заключениям относительно мощи либидо Вильсона. Возможно, он отметит тот факт, что Вильсон, почти наверняка, оставался девственным до своего первого вступления в брак, то есть до двадцати восьми с половиной лет, и сделает заключение, что либидо Вильсона было крайне слабым. Прежде чем принять такое поспешное заключение, читателю следует припомнить несколько фактов: первое, что либидо может находить разрядку тысячами других способов, отличных от прямого сексуального выражения; второе, что в физическом отношении Вильсон был слабым и, предположительно, не испытывал сильного соматического давления, нуждающегося в разрядке; третье, что «идеал чистоты» был частью Супер-Эго Вильсона и мог, в некоторой степени, помогать ему отводить разрядку либидо от непосредственного сексуального выхода.

С другой стороны, читатель, размышляющий о частых замечаниях Вильсона по поводу «интенсивности» его чувств, может испытывать искушение заключить, что либидо Вильсона было

очень сильным. Но такое ощущение интенсивности на самом деле имеет мало об-Щего с мощью либидо. Оно просто сопровождает определенные влечения либидо и может вызываться отводом этих индивидуальных влечений из-под контроля Эго или переполнением их энергией либидо вследствие Нерешенного конфликта. Невротик или психотик, суммарное либидо которого невелико, может проявлять большую интенсивность, чем любой нормальный мужчина. Нормальный мужчина с очень мощным либидо не °Щущает и не проявляет какой-либо интенсивности Чувств, если в его Эго нет нерешенных конфликтов.

Когда Вильсон писал: «Я слишком чувствительный», он указывал скорее не на то, что обладает могучим либидо, а на то, что внутри него существует нерешенный конфликт между противоположными влечениями; скорее не на то, что его желания были сильными, а на то, что его Эго не нашло удовлетворительного решения Эдипова комплекса.

Если читатель, размышляющий над огромной любовью Вильсона к отцу, над его пристрастием к публичным выступлениям и его сильной ненавистью ко многим мужчинам, будет пытаться вывести из этих данных заключение о том, что либидо Вильсона было очень интенсивным, ему следует вспомнить, что многие мужчины кажутся обладающими могучим либидо, достигая видимости этого путем направления потока либидо по немногим каналам; но психоанализ таких людей часто показывает, что на самом деле их либидо является слабым и что посредством такой концентрации большая часть психической жизни остается без достаточного тока либидо, необходимого для адекватного ведения этой стороны жизни. Мы ничего не знаем о богатстве внутренней жизни Вильсона, но мы точно знаем, что та часть его либидо, которая выходила во внешний мир, была сконцентрирована на немногих вещах. Диапазон его интересов был крайне узок. Более того, внутри этого узкого диапазона интересов он еще больше сконцентрировал поток своего либидо. Одной из самых поразительных черт характера Вильсона было то, что он назвал своим «узконаправленным разумом». Для него было невозможно направлять свой интерес сразу на несколько интеллектуальных целей. То есть, иначе говоря, одна интеллектуальная цель была достаточна для того, чтобы забрать всю энергию его либидо, которое разряжалось через его интеллектуальные интересы. А это вполне могло объясняться тем, что его либидо было столь слабым, что для того, чтобы достичь какой-либо интеллектуальной цели, ему приходилось сосредоточивать энергию своего либидо на этом объекте. Поэтому разумнее будет не делать каких-либо заключений. И давайте не будем стыдиться признать наше невежество. Научиться говорить «Я не знаю» является началом интеллектуальной целостности.

Какой бы неудовлетворительной ни могла показаться читателю такая неопределенность, настоятельно необходимо подчеркивать тот факт, что вопрос о мощи либидо Вильсона не имеет первостепенной важности для целей данного исследования. Мы главным образом пытаемся понять то частное примирение противоположных влечений либидо, которого достигло его Эго, то есть, другими словами, его характер. Мы можем проследить ход его либидо, не зная его точной силы. Давайте поэтому просто предположим, что его либидо не было ни чрезмерно сильным, ни чрезмерно слабым, и продолжим рассмотрение существенно важного вопроса о тех выходах, посредством которых разряжалось его либидо.

Либидо маленького Томми Вильсона, подобно либидо любых других человеческих существ, вначале начало накапливаться в нарциссизме и находить разрядку в любви к себе. Было бы очень необычным, если бы Томми, единственный сын своих родителей, болезненный, оберегаемый, балуемый и любимый отцом, матерью и сестрами, избежал чрезмерного сосредоточения интереса на себе. На самом деле он всегда чрезмерно любил себя. Все имеющиеся у нас факты говорят о том, что он всегда восхищался собой или грандиозностью своих планов.

Более того, как мы увидим позднее, для того чтобы быть счастливым, ему нужно было иметь похожего на него человека для проявления своей любви к нему. Посредством такой любви

он давал дополнительный выход огромному заряду своего либидо, который размещался в нарциссизме. Несомненно, большая доля его либидо на протяжении всей его жизни продолжала Разряжаться через нарциссизм — используя для такой Разрядки даже часть либидо, которое разряжалось посредством объектной любви.

Существуют две формы выбора объекта: по опорному типу и нарцисстический. При выборе объекта по опорному типу либидо непосредственно направлено на АРугого человека: на мать или отца ребенка, на его брата или сестру или постороннее лицо. Такой объект ценен самам по себе, своей собственной личностью, которая может быть совершенно отличной от личности ребенка. Такую разновидность выбора объекта мы называем любовью «опорного» типа, потому что ребенок вначале «основывается», или «опирается», в своих сексуальных влечениях на инстинкты самосохранения и выбирает объектами своей любви тех лиц, которые удовлетворяют его физические потребности. С другой стороны, при нарциссическом типе выбора объекта либидо ребенка направлено к другому лицу, которое тем или иным образом похоже на него. Он любит ту часть себя, которую видит в данном объекте. Он любит объект не за те качества, которыми тот отличен от него, а лишь за те качества, которыми объект походит на него. Поэтому через любовь к объекту он любит себя, и его нарциссизм находит таким окольным путем дополнительный выход.

Позднее мы увидим, что Вильсон часто пользовался нарциссическим типом выбора объекта. Тем не менее он не был одним из тех несчастных, либидо которых находит разрядку лишь через нарциссизм. Его нарциссизм, сохранившийся с детства, содержал, возможно, больший, чем обычно, но не чересчур огромный заряд либидо. Значительная доля его либидо находила выход, как у всех нормальных людей, посредством активных и пассивных объектных отношений.

Нет необходимости заново перечислять факты из детства Вильсона, которые были приведены ранее. Просто вспомним об одном факте его жизни, который превосходит по важности все прочие: отец Томми Вильсона был для него огромным объектом любви. Отец был великой фигурой его детства. Действительно, по сравнению с ним мать выглядела очень жалко. Ясно, что намного большее количество либидо Вильсона находило выход посредством его отношений с отцом, чем с матерью. Поэтому нам следует ожидать, что задача его Эго относительно примирения конфликтных влечений по отношению к отцу была намного более трудной, чем аналогичная задача по отношению к матери. Так оно и было. Его Эго легко примирило его конфликтные влечения по отношению к матери. Его отношения с женщинами стали нормальными и обычными (ничем не примечательными); но его Эго никогда не удалось примирить его противоречивые влечения по отношению к отцу.

Возможно, читатель сочтет нужным возразить, что Вильсон не испытывал противоречивых влечений по отношению к отцу. Что никогда в своей жизни ни мыслью, ни словом или действием он не выразил враждебность по отношению к отцу. Что, в то время как необычно большая доля либидо Вильсона заряжала его пассивность по отношению к отцу, его агрессия к отцу не имела никакого либидинозного заряда. Ответ на такое возражение прост: Вильсон был человеком и подчинялся тем же законам развития, что и все другие люди. Конечно, он не был одним из тех несчастных мужчин, которые рождаются без малейшей мужественности. И анализ тысяч мужчин доказал, что либидо заряжает как агрессивные, так и пассивные влечения по отношению к своим объектам любви. Не может быть никакого сомнения в том, что та доля либидо Вильсона, которая заряжала его пассивное отношение к отцу, была огромной. Поэтому мы обязаны заключить, что значительная доля его либидо, должно быть, размещалась в агрессивности по отношению к отцу. Если мы не можем найти в его жизни какого-либо прямого выражения враждебности по отношению к отцу, мы должны искать свидетельства косвенного выражения такой враждебности. Мы знаем, что он должен был испытывать враждебность по отношению к отцу и выражать ее тем или иным способом. Что касается фактов, то почти все необычные черты характера Вильсона

развились из вытеснений, отождествлений и сублимаций, посредством которых его Эго пыталось примирить его агрессивность с непреодолимой пассивностью по отношению к отцу. Отношение Вильсона к отцу и к отцовским представителям поэтому будет занимать большую часть исследования его характера.

Эго маленького Томми Вильсона не испытывало особых затруднений в примирении его противоречивых влечений по отношению к матери. Эти влечения не были слишком сильными: основные заряды его либидо были сосредоточены в его влечениях по отношению к от-Цу. Более того, к счастью для него, у него были родные и двоюродные сестры, на которых его Эго легко могло перенести те влечения, которые первоначально были Направлены на мать.

Маленькие мальчики, у которых есть сестры, имеют громадное преимущество. Сестры образуют тот мост, по которому либидо мальчика легко может быть перенесено от матери к женщинам, находящимся вне круга семьи. Эго маленького мальчика, у которого нет сестры, вынуждено заставлять его либидо одним прыжком преодолеть пропасть между матерью и внешним миром. Как мы уже указывали, маленький мальчик, имеющий сестру, как правило, переносит на нее часть либидо, которое было привязано к матери, а через сестру — на подружек сестры. Таким образом, путем легких перенесений его либидо достигает женщин вне круга семьи. Эго маленького мальчика, у которого нет сестры, вынуждено переносить его либидо непосредственно от матери к некой женщине вне семейного круга, что является намного более трудной задачей и для многих мужчин представляет непреодолимую трудность. Либидо таких мужчин может оставаться фиксированным на матери в течение всей их жизни. Они неспособны отделить себя от матери. Если сын по тем или иным причинам лишается матери, он нередко отождествляет себя с ней, проявляя по отношению к людям, которые похожи на него, ту любовь, которую он желал получить от своей матери.

Томми Вильсону особенно повезло. Путь к женщинам вне круга его семьи был для него очень легким и беспрепятственным благодаря существованию не только родных сестер, глубоко любивших его, заботившихся о нем и игравших с ним, но также благодаря маленьким двоюродным сестрам. Большая часть его либидо остается привязанной к матери на всем протяжении его детства и юности, но часть либидо была перенесена на сестер. Пассивность по отношению к матери, по-видимому, была развита у него сильнее и продолжалась в течение очень длительного времени, возможно, дольше, чем активность по отношению к ней.

Тот факт, что вскоре после смерти первой жены, с которой он прожил в браке 29 лет, Вильсон женился вновь, не должен вызывать у кого-либо сомнений в его любви к Эллен Эксон. Опыт учит, что мужчины, бывшие счастливы в браке, склонны снова вступать в брак. Тем не менее та быстрота, с которой он женился во второй раз, указывает на то, сколь важным для него было иметь замену матери.

Его активность по отношению к матери, и совместно с такой активностью, конечно, некоторая доля пассивности, по-видимому, перешла в раннем возрасте на его старших сестер, особенно на сестру Анну, которая была двумя годами старше его. Он наслаждался игрой с сестрами и их подружками, особенно с маленькой двоюродной сестрой, носившей имя его матери: Жанет Вудро Боунз.

Та степень, до которой одинаковые имена вызывают отождествления в бессознательном, едва ли может быть оценена теми, кто специально не исследовал эту тему. Почти наверняка маленький Томми Вильсон отождествлял Жанет Вудро Боунз со своей матерью, Жанет Вудро, и перенес на нее значительную долю либидо, которая первоначально была направлена на мать.

Перед тем, как мы начнем рассматривать период его юности и более поздние отношения с женщинами, давайте вернемся к его детскому отношению к отцу. Оно было совершенно иным.

Факты, приведённые выше, являют собой примечательную картину обожания Вильсоном

своего отца. Многие маленькие мальчики восхищаются своими отцами; но немногие восхищаются ими столь чрезмерно и безоговорочно, как это было в случае Томми Вильсона.

Когда мы пытаемся найти свидетельство прямого выражения Томми Вильсоном враждебности к отцу, мы видим, что на протяжении всех 6 8 лет его жизни не было ни одной враждебной мысли или действия, направленных против отца. Отец был его наставником и советчиком до самой своей смерти. И до конца своих дней Вильсон продолжал говорить об отце с любовью и восхищением. Лишь в выборе профессии он отказался подчиниться воле отца, который хотел, чтобы он стал пастором, а не государственным деятелем. Мы будем позднее обсуждать это решение, а на данный момент попросим читателя повременить с суждением по этому поводу, с намеками на то, что даже это решение, возможно, отнюдь не являлось выражением его враждебности к отцу, а, напротив, выражало восхищение «несравненным отцом» его детства. Что же тогда стало с враждебностью Томми Вильсона по отношению к отцу?

Как указывалось ранее, Эго использует три способа примирения противоречивых влечений: вытеснение, отождествление и сублимацию — и окончательный способ примирения, избранный Эго, зависит от силы первоначальной врожденной мужественности или женственности и от событий, имевших место в детстве. Томми Вильсон в детские годы жизни имел всемогущего отца: сильного, красивого, который постоянно поучал его, целовал, обнимал, молился за него и управлял им как представитель Бога на земле. Если бы мужественность мальчика была более сильной, чем женственная сторона его натуры, он бы нашел гнет такого отца непереносимым; он стал бы ненавидеть такого отца, как столь многие сыновья священников ненавидят своих отцов. Но в действительности женственность была намного сильнее в Томми Вильсоне, чем мужественность, по крайней мере в этот период его жизни. Доля его либидо, заряжавшая пассивность по отношению к отцу, была много больше, чем та доля его либидо, которая заряжала его агрессивность по отношению к отцу; и очевидно, его Эго использовало способ вытеснения для разрешения конфликта между его огромной пассивностью и относительно слабой агрессивностью. Его агрессивность по отношению к отцу была вытеснена. Несомненно, некоторая доля его агрессивности нашла пристанище в Супер-Эго, но никакая доля его агрессивности никогда не разряжалась через прямую враждебность по отношению к отцу.

Мы указывали на то, что вытеснение является наименее эффективным из всех методов примирения, используемых Эго, потому что вытесненное влечение продолжает искать разрядки и неуязвимо для критики рассудка, так как оно вытеснено из сознания, и что вследствие изоляции такого влечения и его отхода от сдерживающего влияния рассудка оно накапливает огромное количество либидо. Мы видим, что та доля враждебности Томми Вильсона к отцу, которая была столь сильно вытеснена и ни разу не разряжалась непосредственно против отца, а продолжала искать разрядки, в течение его жизни много раз, прорывалась наружу против других людей. На всем протяжении своей жизни ему было трудно поддерживать дружественные отношения с мужчинами, обладавшими более развитым интеллектом или занимавшими более высокое положение, поэтому он предпочитал окружать себя женщинами или мужчинами, стоящими ниже его по уму и общественному положению.

Та доля его агрессивности по отношению к отцу, которая находила выход посредством отождествления с отцом, создала у него крайне могущественное и возвышенное Супер-Эго. Мы уже упоминали о том, как обычно маленький мальчик заменяет свое желание убить отца другим способом преодоления отца, посредством отождествления себя с отцом, и как такое отождествление порождает Супер-Эго. Томми Вильсон Думал мыслями отца, повторял его слова, подражая ему, произносил речи с церковной кафедры перед воображаемыми прихожанами, одевался в юности так, что его часто ошибочно принимали за пастора, и женился, подобно отцу, на женщине, рожденной и воспитанной в доме пресвитерианского пастора.

Он никогда не освободился от такого отождествления с отцом. Его достоинства и недостатки остались точь-в-точь такими же, как у отца. Он не мог представить себя совершеннее, чем отец. Наиболее полно отец выражал себя в чтении проповедей, произносимых с церковной кафедры. Томми Вильсон также выражал себя в проповедях, читаемых с кафедры, какой для него был Белый дом. Отец пел, Томми тоже пел. Отец читал по вечерам своей семье, и в этом Томми следовал ему. Все, что делал отец, имело для него смысл делать. Все, чего он не делал, не стоило делать. Отец очень много курил. Томми не курил никогда. «Отец за свою жизнь выкурил столько, что хватит на нас обоих», — объяснял он. Так что даже в этом случае, хотя ему не удалось скопировать отца, он все же очень ясно выразил свое чувство — он и отец одно целое: полнейшее отождествление. Он повторил жизнь отца, только с большим размахом.

Представление в его бессознательном о «несравненном отце», развившееся из детских преувеличений достоинств отца, которое стало его Супер-Эго, оказывало На него громадное влияние в ходе всей последующей Жизни. Действительно, его карьера представляет исключительный интерес как пример той мощи возвышенного Супер-Эго, которая позволяет слабому в физическом отношении мужчине добиться высокого положения в обществе.

Мы уже описывали, как большинство маленьких Мальчиков, при гораздо более слабых побудительных причинах, чем у Томми Вильсона, столь значительно преувеличивают в своем бессознательном могущество и добродетели отца, что отождествляют его со Всемогущим, Всеблагим Отцом, Господом Богом, и посредством такого отождествления делают такого «всемогущего» отца своим Супер-Эго. Это, несомненно, имело место в случае маленького Томми Вильсона. Да и вряд ли могло быть иначе. Маленький мальчик, глядя, как отец, которого он считал самым красивым человеком на земле, читает проповедь и слушая, как слова Бога сходят с его уст, едва ли мог избежать отождествления отца со Всемогущим. Тот Бог, которого боготворил Томас Вуд-ро Вильсон до конца своих дней, был преподобным Джозефом Раглесом Вильсоном, «несравненным отцом» его детства. До 10-летнего возраста он был единственным любимым Сыном этого Бога. Отождествление себя со спасителем человечества, которое стало столь важной и видной чертой его характера в последующие годы жизни, по-видимому, произошло вследствие неизбежного заключения в его бессознательном в первые годы жизни следующего: если его отец — Бог, то он единственный любимый Божий Сын — Иисус Христос.

Мы увидим, как последствия этих отождествлений проявлялись на всем протяжении его жизни; нам представляется разумным, хотя опережать ход событий не в наших правилах, отметить здесь два неизменных результата обладания Супер-Эго, построенным на образе Всемогущего. Как мы уже указывали, такое Супер-Эго никогда не может быть удовлетворено. Не имеет значения, чего может достичь несчастный обладатель такого Супер-Эго, он всегда будет чувствовать, что сделал недостаточно много. Он не будет получать никакой радости от выполненной работы, всегда будет недоволен собой, и его будет преследовать мысль о том, что он не оправдал своих надежд. Он никогда не сможет завершить то, чего требует от него Супер-Эго, так как оно требует невозможного. Такая неудовлетворенность собой была одной из характерных черт Вильсона на протяжении всей его жизни. Когда он завершал что-то, то получал от этого лишь минутную радость. Почти сразу же его начинала тревожить мысль о том, что он должен достичь большего. А это неизменно является внешним признаком слишком возвышенного Супер-Эго.

Вторым результатом делания Бога своим Супер-Эго является то, что такой ребенок ощущает, что внутри него есть Бог. В своем бессознательном он сам является Богом. Все, что он делает, справедливо, так как это делает Бог. Томми Вильсон мог оправдывать многие свои странные действия вследствие такого бессознательного убеждения. Что бы он ни делал, должно было быть правильным, так как это делал Бог. Иногда он признавал, что заблуждался. Но никогда не признавал, что поступил несправедливо. Его Супер-Эго не позволяло делать таких признаний.

Он скорее предпочитал забыть или исказить факты, полностью уйти от мира реальности и построить в своем воображении факты, удовлетворяющие требованиям его Супер-Эго.

Нет ничего необычного в том, что обладание таким Супер-Эго приводит одних мужчин к величию, а других — к неврозу и психозу. Его требования ненасытны; и если они не удовлетворяются в достаточной степени, такое Супер-Эго мучает своего несчастного обладателя. Поэтому обладатель такого Супер-Эго вначале пытается удовлетворить требования Супер-Эго посредством действительных свершений и часто достигает очень многого; если же его достижения недостаточно удовлетворяют Супер-Эго, оно снова начинает мучить его. Он не может достичь больше того, чего достиг. Поэтому для того, чтобы избежать упреков своего Супер-Эго, он придумывает мнимые свершения. Он разрушает мир фактической действительности. Он может стать психотиком. Если он прочнее придерживается реальности, он просто страдает от упреков своего Супер-Эго и становится невротиком. Таким образом, мужчина, который делает Бога своим Супер-Эго, взбирается на острый гребень горы величия, опасно балансируя между пропастью невроза, с одной стороны, и пропастью психоза, с другой. Если ему повезет, то до конца жизни он Не свалится ни в ту, ни в другую пропасть. Мы увидим, Как Супер-Эго маленького Томми Вильсона заставляло его карабкаться вверх по этой отвесной скале, как Много раз он был близок к неврозу, как под конец своей карьеры он почти впал в психоз.

Перед тем, как мы начнем обсуждать Вильсона как юношу и как мужчину, мы должны закончить исследование его детских влечений. Но прежде мы должны поговорить о его пассивности по отношению к отцу. Мы надеемся, что во время нашего обсуждения этого элемента в натуре Вильсона читатель будет помнить, что его собственный характер, и характер любого другого человека, столь же прочно основывается на бисексуальности, как и характер Вильсона. Прошло немало времени с тех пор, когда люди испытывали чувство стыда при созерцании обнаженного тела. В наше время мало у кого подобное зрелище вызывает возбуждение. Однако упоминание о бисексуальной природе человека все еще представляется для невежественных людей чем-то скандальным. Стоит напомнить, что бисексуальность является одним из фактов человеческой природы, который сам по себе должен был бы возбуждать не больше эмоций, чем тот факт, что 99% человеческого тела состоит из воды. Если бы человеческие существа не были бисексуальными, они не были бы людьми. Рождение бисексуальным является таким же нормальным, как рождение с двумя глазами. Мужчина или женщина без элемента бисексуальности были бы такими же нечеловеческими существами, как циклопы. Подобно художнику, который, используя одни и те же краски, может создать шедевр или уродливую картину, Эго может комбинировать первоначальную мужественность и женственность человека для формирования либо прекрасного, либо уродливого характера. Законно высказывать мнение о конечном продукте, картине или характере. Абсурдно осуждать их составные элементы. Мужественность может породить героизм или преступление. Можно хвалить или ругать те результаты, которые произвело Эго из первоначальной мужественности и женственности, но нет ничего, достойного похвалы или порицания, в простом существовании этих элементов. Они существуют. Это все. Когда Маргарет Фюллер, «великая жрица новоанглийского трансцендентализма», заявила, что она «принимает вселенную», Карлейль заметил, что ей ничего иного не остается делать. Подобно вселенной, приходится признавать бисексуальность человечества.

Те выходы энергии, которые использовало Эго Вильсона для его пассивности по отношению к отцу, были выходами, одобрявшимися его Супер-Эго. Его основная разрядка энергии шла через прямое подчинение воле отца. Он делал то, чего хотел от него отец, и не делал того, что не нравилось отцу. Он без сомнения принимал высказываемые им мысли и, следовательно, его лидерство. Каждую проблему в своей жизни он предоставлял на рассмотрение отцу. До 29-летнего возраста он зависел от отца в финансовом отношении. Отец хотел, чтобы сын

стал хорошим добродетельным пресвитерианцем. Таким он и стал. Его отец прививал сыну любовь к риторике. Сын стал прекрасным оратором.

На протяжении всей жизни Вильсона большая часть его либидо находила выход посредством произнесения речей. Его громадный интерес к произнесению речей показался бы удивительным, если бы не было очевидно, что через это Вильсон находил выход не только своей пассивности, но также, посредством отождествления, своей активности по отношению к отцу. Когда он говорил, он делал то, что хотел от него отец, но, посредством отождествления, он становился также своим отцом. Преподобный Джозеф Раглес Вильсон являлся по своей сути оратором. Поэтому произнесение речей давало Томми Вудро Вильсону возможность выражения двух его сильнейших влечений.

Некоторое количество пассивности Вильсона по отношению к отцу находило выход посредством прямого подчинения отцу, но то подчинение, которого он желал достичь в своем бессознательном, было намного более глубоким и специфичным, чем то подчинение, которое он мог достичь в жизни. Поэтому он искал другие пути для подчинения. Он нашел выход, полностью одобренный его Супер-Эго, через подчинение Богу, который представлял в его бессознательном отца. Всю свою жизнь он наслаждался ежедневно актами подчинения этому Богу: утренние Молитвы, вечерние молитвы, хвалы Богу перед каждым принятием пищи и ежедневное чтение Библии. Более того, его потребность подчиняться Богу была столь велика, что ни разу в жизни он не позволил себе испытать религиозные сомнения. Испытывать сомнения значило бы лишиться этого выхода, который был нужен ему для выражения своей пассивности. «Бог является источником силы каждого человека, и только посредством молитвы он может поддерживать тесную связь с Властителем его духа», — говорил он. Вильсон по крайней мере дважды говорил: «Я верю в божественное провидение. Если бы я в него не верил, я бы сошел с ума». Постольку, поскольку он относил это на свой счет, нет никаких оснований подозревать его в неискренности. Посредством его ежедневных подчинений Богу, который представлял в его бессознательном отца, находила выход такая огромная доля его пассивности по отношению к отцу, что, вероятно, для него было бы невозможно найти другой адекватный и приемлемый способ такой разрядки. Действительно, если бы он не мог ежедневно выказывать покорность Богу, он, возможно, убежал бы от мира реальности в паранойю и развил «манию преследования»; вместо Белого дома он вполне мог бы попасть в «желтый» дом.

Посредством отождествления с матерью Вильсон находил еще один выход своей пассивности по отношению к отцу. Мы недостаточно знаем о Вильсоне для того, чтобы сделать какой-либо подсчет сравнительной важности его отождествления с матерью. Нам известно лишь то, что он отождествлял себя с матерью. Несмотря на свое сознательное желание быть похожим на отца, Вильсон походил на свою мать не только в физическом отношении, но также характером. Он не только имел ее тощее слабое тело, но также ее жестокость, робость и отчужденность. Его чувства часто «походили на чувства матери», и он знал это. Вот его поразительное признание Дадли Филду Мэлоуну: «Когда я чувствую себя плохо, раздражен и нахожусь в подавленном состоянии и мне кажется, что все идет не так, тогда я ощущаю в себе преобладание характера матери. Но когда жизнь представляется мне веселой, приятной и великолепной, тогда я знаю, что та часть моего отца, которая есть во мне, взяла верх». Обычно он чувствовал себя плохо, был раздраженным и подавленным.

Если бы Вильсон был жив и подвергся психоанализу, то мы, несомненно, обнаружили бы, что отождествление с матерью сыграло важную роль в его жизни. Не обладая такими сведениями, мы должны ограничиться замечанием о том, что мы найдем доказательства его отождествления себя с матерью при рассмотрении более поздних стадий его жизни. Доступные нам факты позволяют лишь сказать, что он, подобно всем другим мужчинам, отождествлял себя с матерью и

что посредством такого отождествления находила выход некоторая доля его пассивности по отношению к отцу.

Другой важной связью, относительно которой у нас почти нет данных, является его отношение к своему брату Джозефу. Когда родился Джозеф, Томасу было 10 лет. Поэтому, несмотря на замедленное развитие, он уже прошел наиболее важные стадии психического развития. Почти все дети к концу 6-го года жизни достигают некоторого примирения конфликтов Эдипова комплекса и вступают в период латентной сексуальности, который обычно продолжается до наступления юности. Вследствие этого большая часть 10-летних мальчиков к моменту рождения младшего брата сравнительно легко принимают младенца. Как правило, старший брат становится в своем бессознательном отцом младшего брата, а также отождествляет себя с младшим братом. Так что в этом отношении он играет роль отца по отношению к себе: для старшего брата младший брат представляет его самого в детские годы. Через пассивность младшего брата (его самого в детстве) он находит выход собственной пассивности по отношению к отцу.

Здесь неизбежно наличествует элемент враждебности. Младший брат является соперником в борьбе за любовь отца и матери; и рождение младшего брата, как мы уже отмечали, дает начало ощущению того, что тебя «предали». Обычно ни враждебность к младшему брату, ни ощущение «предательства» не являются сильно Выраженными в случае нормального развития мальчика, который вступил в латентный период до рождения Младшего брата. Для него не представляет больших затруднений принять отцовскую роль по отношению к Младенцу описанным нами образом, и он либо сохраняет такое отношение на протяжении всей своей жизни, либо следует такому образцу поведения в своих отношениях с младшими представителями мужского пола, которые напоминают ему брата.

У нас нет никаких данных об эмоциях Томми Вильсона по поводу рождения брата Джо и очень мало данных об их последующих отношениях. Мы знаем, что одно время Томас Вудро Вильсон занимался с младшим братом, как в свое время он обучался отцом, что он различным образом помогал брату. Он писал: «Я страстно люблю своего брата» — и в то же время, будучи президентом, отказался назначить брата на министерский пост и не позволил ему стать секретарем сената. Обладая столь скудными сведениями, мы с радостью бы опустили эту связь, не пытаясь обсуждать ее, но мы должны предположить, что Джо Вильсон играл намного более важную роль в эмоциональной жизни Томаса Вудро Вильсона, чем это осознавалось каждым из братьев в отдельности.

В дальнейшей жизни Томас Вудро Вильсон всегда испытывал потребность в «младшем брате», то есть ему нравилось играть роль отца при молодом и физически более слабом мужчине, предпочтительно — блондине. Возможно, образец этих отношений был основан на тех эмоциях, которые возникли у 10-летнего Томми Вильсона в связи с рождением младенца Джо. Мы отмечали, что обычно старший брат отождествляет себя с младшим братом и играет роль отца по отношению к себе и что вдобавок к этому чувства враждебности, недоверия и ощущение «предательства» могут сопровождать эти нежные отношения. Для самых дружеских отношений Вильсона были характерны как раз такие проявления. Он глубоко любил Джона Гриэра Гиббена и полковника Хауза до тех пор, пока они сохраняли по отношению к нему поведение подчиняющегося младшего брата. В конечном счете он пришел к заключению, что они оба «предали» его, и проклял их, как иуд. Мы видели, что такое параноидальное ощущение «предательства» всегда проистекает от пассивности по отношению к отцу и что оно часто связано с рождением младшего брата. Поэтому мы можем предположить, что рождение Джо Вильсона дало начало двум важным характерным чертам личности его брата Томаса Вудро Вильсона. Во-первых, рождение Джо могло ознаменовать начало склонности Вильсона к установлению дру-ясеских

отношений, в которых он играл роль отца по отношению к более молодому и физически слабому мужчине, представлявшему его самого. Во-вторых, рождение брата, возможно, дало начало его склонности защищаться от собственной пассивности с помощью параноидального механизма. Короче говоря, его маленький брат Джо, возможно, был первым горячо любимым «предателем», которого повторили много лет спустя в его бессознательном Гиббен и Хауз. Первоначально вовлеченной эмоцией была, конечно, пассивность Томми Вильсона по отношению к отцу, но, по всей видимости, она перешла на его друзей через его брата Джо. Заслуживает внимания тот факт, что самое необоснованное недоверие в жизни Вильсона — его недоверие к своему секретарю в Белом доме Джозефу П. Тьюмалти — было проявлено по отношению к молодому, физически более слабому блондину по имени Джо. Для бессознательного Вильсона он вполне мог представлять собой Джо Вильсона. Человеческие действия часто определяются намного более абсурдными отождествлениями, чем это.

Когда рассматриваешь дальнейшие отношения Вильсона со своим братом, Гиббеном, Хаузом, Тьюмалти и другими, испытываешь побуждение заключить, что рождение младенца Джо Вильсона, по всей вероятности, возбудило в 10-летнем Томми Вильсоне намного более сильные эмоции, чем обычно встречаются у мальчика его возраста в подобной ситуации. Его сверхъяростная реакция, несомненно, была вызвана его огромной пассивностью по отношению к отцу, которая неизбежно заставляла его относиться к своему брату, смещающему его с занимаемого им положения единственного любимого сына отца, с чрезмерной враждебностью. Представляется ясным, что в 10-летнем возрасте пассивность Вильсона по отношению к отцу все еще была его доминирующим влечением и что часть этого потока либидо, сопровождаемая сильной враждебностью и параноидальным ощущением того, что тебя «предали», наполнила его отношение к своему брату Джо.

Еще одним выходом пассивности Вильсона по отношению к отцу было его отождествление себя с Иисусом Христом. Такое отождествление, вероятно, было основано на соотносящемся отождествлении им своего отца с Богом, но, по-видимому, оно не аккумулировало большой заряд либидо до наступления юности. Поэтому на данный момент мы отложим обсуждение этого отождествления.

А теперь еще раз мельком взглянем на распределение либидо Вильсона в детстве. Мы отмечали, что его любовь к себе была огромной, что отец, а не мать был его основным эмоциональным объектом привязанности, что его отношения с женщинами обещали быть нормальными и обычными, что часть его активности по отношению к отцу была вытеснена, а часть — породила возвышенное Супер-Эго и что его пассивность по отношению к отцу была доминирующей эмоцией, требовавшей многих разрядок, среди которых были подчинение своему отцу и Богу и отождествление себя с матерью и с братом Джо. Перед тем как мы начнем рассматривать юношеский период жизни Вильсона и его взрослую жизнь, давайте на мгновение взглянем на него как на ребенка в целом.

Томас Вудро Вильсон был довольно трогательным маленьким мальчиком, который у всех вызывал симпатию и жалость: слабый, болезненный и нервный, замедленный в своем развитии ребенок, с плохим зрением, страдающий расстройствами желудка и головными болями. То, что он был нервным, не представляется чем-то исключительным. Нервозность не является видимым признаком внутреннего конфликта, который Эго не смогло решить. И, не говоря уже о многих незначительных инцидентах, которые могли беспокоить его, у него было много причин для нервозности вследствие конфликта между Супер-Эго, которое требовало, чтобы он был целиком мужественным, самим Богом, и его пассивностью по отношению к отцу, вплоть до становления всецело женственным. Так его раннее отношение к отцу обрекло его на ожидание от себя (на протяжении всей жизни) большего, чем его тело или ум могли дать. Та нервозность и

разочарование, которые характеризовали всю его жизнь, заложились в ранние годы. По этой причине он заслуживает нашей жалости.

Однако следует также признать, что судьба во многом была к нему благосклонна. Благодаря родным и двоюродным сестрам он легко перенес свое либидо с матери на женщин вне семейного круга, так что он находился на пути к нормальной сексуальной жизни. Более того, его натура прекрасно подходила для того класса, в котором он родился.

Лоллардовская (проповедническая) традиция британского сектантского среднего класса, переехавшего в Америку, в духе которой он был воспитан, порождала атмосферу, в которой трудно было преуспевать человеку, чья мужественность преобладала над женственностью, кроме как в экономическом отношении, но очень подходящую — для женщин и мужчин, чья женственность преобладала над мужественностью. Лоллар-довское требование «Ты не должен!», непереносимое для мужественного мужчины, близко по духу женщинам.

Более мужественный мальчик, чем Томми Вильсон, ощущал бы враждебность к тем семейным и общественным установкам, в которых воспитывался сын пастора. Но Томми не ощущал какого-либо побуждения к восстанию. Его мужественность была слабой. Его Иде-ал-Эго не был враждебен к идеалам его семьи и общины. Проблемы в его жизни возникали не вследствие конфликтов в его натуре. Ему пришлось бы лицом к лицу столкнуться с этими конфликтами, если бы он был воспитан в условиях относительной свободы европейской цивилизации. Та ширма рационализации, которая позволяла ему жить, не сталкиваясь с его пассивностью по отношению к отцу, быстро была бы сорвана на Европейском континенте. Ему повезло, что он родился в Америке, которая была защищена от реальности на всем протяжении XIX столетия путем унаследованной преданности идеям Виклифа, Кальвина и Весле.

IV

В 13-летнем возрасте Томми Вильсон поступил в маленькую школу преподавателя Дерри. Учился он плохо из-за явного отсутствия интереса к изучаемым предметам. В этом можно усмотреть предвосхищение его «односторонней направленности ума». Да, действительно, Томми игнорировал предметы, так или иначе, не связанные с риторикой. Вспомним собрания клуба «Быстроногие», которые напоминали парламентскую процедуру. Маленький мальчик — председательствующий, сын пастора, навязывал сверстникам «изящества парламентской процедуры». В этом действии он одновременно подчинялся своему отцу и отождествлял себя с ним. Он находил разрядку как своей пассивности по отношению к отцу, так и, посредством отождествления, своей активности. Поэтому поток его либидо был обильным и его интерес был велик. Но его либидо было явно недостаточно сильным, чтобы поддерживать одновременно его увлечение риторикой и другие интеллектуальные интересы, и, естественно, оно вначале наполняло ту разрядку, которая давала сублимированный выход его конфликтующим влечениям по отношению к отцу. На протяжении всей своей жизни он усиленно интересовался только теми предметами, которые каким-либо образом могли быть связаны с риторикой.

Он не интересовался математикой, искусством или музыкой (кроме пения). Его метод мышления, по-видимому, состоял в том, что он представлял себя произносящим речь по данному предмету. Его литературные работы являлись изложением речи на бумаге. Возможно, он думал о политических или экономических проблемах только тогда, когда готовил речь по их поводу. Его память была, несомненно, моторного типа. Использование голосовых связок было для него неотделимо от мышления.

Юность, с ее разнообразными физическими изменениями, пришла к Вильсону вместе с важными преобразованиями в окружающей его обстановке. Когда ему было 14 лет, отец оставил службу. Семья переехала из Огасты в Колумбию, штат Южная Каролина, где отец стал профессором в теологической семинарии. Жизнь Томми более не ограничивалась рамками

интересов общины. Он очутился в сожженной столице Южной Каролины, в которой велась яростная политическая борьба. Здесь Томми сходится с молодым человеком по имени Брук и посещает его религиозные собрания. Под влиянием Брука он претерпел религиозное «перерождение». В возрасте 16с половиной лет он признавался:

«Явное воздействие молитв начало облагораживать мою душу». Он был принят членом первой пресвитерианской церкви Колумбии. Начиная с этого времени и далее он ощущал себя находящимся в непосредственной связи с Богом. Он чувствовал, что Бог избрал его для великой работы и будет использовать и сохранять его до завершения этой работы. Раньше он плохо учился в школе, теперь же стал учиться успешнее. Он повесил портрет Гладстона на стену позади своей парты, и, когда двоюродная сестра Жанет спросила, чей это портрет, он ответил: «Это Гладстон, величайший государственный деятель из всех, когда-либо живших на земле. Я также намереваюсь стать государственным деятелем».

Череда этих событий приходится на переходный период между детством и годами зрелости Томаса Вудро Вильсона. До некоторой степени банально отмечать, что глубокие физические изменения в юности неизбежно сопровождаются не менее глубокими психическими изменениями. Каждый мужчина знает об этом по собственному опыту. С наступлением юности потребность либидо находить разрядку резко увеличивается. Требование либидо прямого выражения усиливается не только вследствие имеющегося в данный момент соматического давления, изменения во внутренних секрециях также вызывают усиление мужественности у мальчика. Как результат этого возрастает количество либидо, аккумулированного в активности по отношению к матери и отцу. Желание мальчика обладать матерью в лице напоминающей о матери женщины усиливается, и возрождается его враждебность по отношению к отцу, безотносительно к тому, сколь сильно она могла быть вытеснена. Такое возрастание активных влечений иногда приводит к преступлениям, совершаемым в годы юности. Но, к счастью, в большинстве случаев его результаты являются более комичными, нежели трагичными. Возросшая активность мальчика по отношению к матери заставляет его безрассудно влюбляться в женщину или девушку более старшего возраста. А его возросшая активность по отношению к отцу вызывает желание к ослушанию воли отца и бегству от его власти, а также тенденцию заменить отца как объекта любви каким-либо отцовским представителем.

Юность вызвала поразительные изменения в характере Томаса Вудро Вильсона. Но, что характерно, эти манифестации проявляются в связи с влечениями, направленными на отца, а не с влечениями, направленными на мать. Нет никаких данных о том, что он влюбился в какую-либо девушку или женщину. У него были мать, родные и двоюродные сестры, и они продолжали удовлетворять ту незначительную долю его либидо, которая была направлена на женщин. Как и всегда, он нуждался в представительнице матери. Но он явно не испытывал какого-либо сильного соматического давления, которое требовало бы удовлетворения. На всем протяжении его юношеских лет и до конца жизни его отношения с женщинами оставались вежливыми и скучными.

С другой стороны, возросшая мужественность значительно расстроила его отношения с отцом. Действительно, юность, по-видимому, вызвала до некоторой степени исключительное усиление мужественности в Вильсоне. Когда он был ребенком, его пассивность по отношению к отцу была исключительно сильной. Поэтому его Эго полностью вытеснило его агрессивность по отношению к отцу. Но юность принесла с собой столь большое усиление его мужественности, что на протяжении всей его дальнейшей жизни мужественность могла бороться с женственностью примерно на равных, а с годами, по всей видимости, мужественность стала преобладать. Вытеснения, реактивные образования, отождествления и сублимации, которые установились у него в раннем детстве, не были вследствие этого изменены, но благодаря физическим изменениям

та доля его либидо, которая наполняла мужественность — то есть, другими словами, активные влечения, — стала преобладать над той долей либидо, которая наполняла женственность — то есть пассивные влечения. Настоятельная потребность находить выражение своей агрессивности по отношению к отцу с годами усиливалась. При рассмотрении психических явлений никогда нельзя упускать из виду значение элемента времени и физических изменений.

Когда возросшая мужественность Вильсона впервые вступила в конфликт с его пассивностью по отношению к отцу, его Эго стало искать обычных выходов. Вначале оно переместило часть либидо, направленное на отца, на отцовского представителя. Брук, несомненно, являлся таким человеком. Этот добродетельный молодой человек, проводивший религиозные собрания, которые посещал Томми Вильсон, напоминал ему «несравненного отца», чьи религиозные проповеди Томми посещал с детских лет. Он влюбляется в Брука.

Это перенесение на Брука потока либидо, направленного на отца, не разрешило конфликта между его пассивностью и недавно возросшей активностью по отношению к отцу, а просто ослабило силу этого конфликта. Однако он уже обладал ранее неиспользуемым выходом, через который эти конфликтные влечения могли найти одновременное выражение: отождествление себя с Иисусом Христом.

Читатель, возможно, захочет в этом месте задать вопрос, почему отождествление Вильсоном себя с Христом не получило большого заряда либидо в тот период его детства, когда предположительно он установил такое отождествление как соотносящееся с отождествлением им отца с Богом. Так могло случиться, но, по-видимому, не случилось. С одной стороны, отождествление может получить огромный заряд либидо в момент своего установления, как в случае любви с первого взгляда. С другой стороны, отождествление может быть установлено и нести лишь небольшой заряд либидо до того момента, когда в нем возникает необходимость. Агрессивность Вильсона по отношению к отцу была столь слабой на всем протяжении его детства, что, по всей видимости, она почти полностью расходовалась его Супер-Эго. И только с наступлением юности, значительно усилившей его мужественность, он стал ощущать большую потребность в использовании способа, примиряющего его активность по отношению к отцу с его пассивностью.

Многие факты указывают на то, что отождествление Вильсоном себя с Христом впервые стало «аккумулятором» большого заряда либидо во время его «Перерождения». Обсуждение явления «перерождения» заведет нас слишком далеко в сторону от рассматриваемой темы. Давайте просто отметим, что «Перерождение в праведника», которое характеризует само «перерождение», может иметь место, когда новообращенный отождествляет себя с некоторым членом какого-либо Святого семейства. Тогда он ощущает «перерождение», так как в своем бессознательном становится этим Божеством.

Вильсон во время своего «перерождения» начал верить, что он находится в непосредственной связи с Богом, ощущать, что Бог избрал его для выполнения великой работы и будет охранять его до ее завершения. Будучи президентом Соединенных Штатов, Вильсон путешествовал по местам, где прошли его детство и юность. Стоя перед дверью конюшни, в которой Брук проводил свои религиозные собрания, высказал довольно важное замечание: «У меня такое чувство, будто мне следует снять обувь. Это "святая земля"». Принимая во внимание это замечание, трудно избежать заключения, что его отождествление себя с Христом впервые начало нести большой заряд либидо именно в период его юности, связанный с Бруком. В своем бессознательном Вильсон, возможно, чувствовал, что конюшня является «святой землей», так как она была местом его «перерождения» в Христа. Данное место подходило для такого события. Христос также родился в конюшне. Его конфликтующие влечения требовали такого события. Он был готов к использованию этого отождествления, сделанного им в раннем детстве. Брук

довершил остальное. На всем протяжении последующих лет своей жизни Вильсон использовал это отождествление. С годами все большая часть его либидо находила прибежище и разрядку посредством этого отождествления, пока к концу жизни для него не стало абсолютно необходимым иметь возможность отождествлять себя с Сыном Божьим. Те факты, которые ему приходилось вытеснять или искажать в своем сознании для того, чтобы сохранить этот выход для либидо, вытеснялись или искажались. Он любой ценой сохранял эту разрядку, даже за счет провозглашения Версальского договора «99%-ной гарантией против войны» и придуманных им «предательств» со стороны его друзей.

Кстати, мы можем здесь указать на то, что нетрудно перейти от отождествления себя с Христом к параноидальной защите против пассивности при подходящих условиях. Среди учеников Христа был предатель, один из его друзей. В более поздние годы для Вильсона, полностью отождествившего себя в своем бессознательном с Христом, было нетрудно совершить этот переход. В реальной жизни он нашел многих иуд среди своих друзей.

Отождествление Вильсоном отца и себя с главными фигурами Божественной Троицы играло настолько громадную роль в его жизни, что перед тем, как мы начнем обсуждать его юношеские годы, представляется желательным попытаться дать конспективный обзор его бессознательного отношения к этим Божествам. По-видимому, он отождествил отца с Богом в очень раннем детстве и, сделав такого Отца своим Супер-Эго, обрек себя на вечное ожидание от себя невозможного. Вероятно, он отождествил себя с единственным любимым Сыном Божьим вскоре после отождествления отца с Богом, но весьма вероятно, что он не начал использовать это отождествление себя с Христом как один из основных выходов для его либидо до наступления юности, когда его возросшая активность должна была быть примирена с его пассивностью по отношению к отцу. Поэтому он, возможно, сделал в своем бессознательном последний шаг к полному отождествлению себя с Богом только после своего поражения, которое потерпел в Принстоне от Веста. Тогда, когда его отец был мертв, а он был побежден отцовским представителем, он присвоил себе отцовский трон, стал Богом в своем бессознательном и начал действовать с неизменным ощущением собственной правоты.

Давайте теперь вернемся к «переродившемуся» юноше, который отождествил себя с Христом. Вначале отметим, что, хотя это отождествление дает наиболее удачное примирение конфликтующих влечений, пассивности и активности по отношению к отцу, оно основано на неправильном представлении. Индивид, отождествляющий себя с Христом, не является таковым. В мире мужчин подчинение не часто ведет к триумфу. Однако невротик, поместивший большую долю своего либидо в отождествление себя с Христом, склонен, когда ему приходится вступать в борьбу или ему не дает покоя страх, прибегать к спасительной иллюзии, что он также Может достичь конечной победы путем подчинения. Он страшится борьбы. Поэтому посредством своего отождествления с Христом он убеждает себя в том, что ему не нужно бороться, что путем подчинения он достигнет своих целей. И если он не обладает прочной связью с реальностью, то после своего подчинения склонен убеждать себя в том, что на самом деле он победил, хотя в действительности он потерпел полное поражение. Поэтому, каким бы желательным ни было отождествление себя с Христом в качестве одного из способов примирения душевного конфликта, оно невыгодно постольку, поскольку порождает желание подчиняться, когда необходимо бороться, и склонность уходить в иллюзии от реальных фактов. Позднее мы увидим, что отождествление Вильсоном себя с Христом оказало влияние на его действия в решающие моменты его жизни. В Париже, на мирной конференции, он страшился последствий борьбы. Он подчинился, а затем провозгласил, что победил, и объявил, что Версальский договор является воплощением «абсолютно справедливого» мира, который он хотел построить. Его отождествление себя с Христом было душевным механизмом, позволившим ему прийти к подобному, в некоторой

степени фантастическому заключению.

Любовь Вильсона к Бруку и отождествление себя с Христом сопровождались не только ощущением счастья, но также заметными изменениями в его характере. Он начал лучше учиться и заявил, что собирается стать государственным деятелем, а не пастором. Такое заявление, которое на первый взгляд представляется крайне озадачивающим, было выражением его личного желания и не получило одобрения семьи. Однако шесть месяцев спустя он поступил в колледж Дэвидсона, таким образом оставив родителям надежду на то, что станет пастором. По-видимому, он сам был в нерешительности, стоит ли ему вступить на путь, проложенный для него отцом, или пойти по стопам Гладстона. И только три с половиной года спустя, во время учебы в Принстоне, он принял окончательное решение стать государственным деятелем. Это решение, которое определило не только ход его жизни, но также в какой-то степени ход жизни всего человечества, является настолько важным, что представляется заслуживающим того, чтобы попытаться детально его проанализировать. Оно должно рассматриваться как одно целое, начиная с первого пробного заявления, когда Вильсону было шестнадцать с половиной лет, и кончая окончательным решением, которое он принял в 20-летнем возрасте. Поэтому мы должны попросить читателя повременить с суждением по этому вопросу до того, как мы бегло остановимся на тех событиях его жизни, которые произошли в течение этого промежутка времени.

Осенью 1873 года в возрасте 1 б лет и 9 месяцев Вильсон покидает своих родителей и отправляется с Бруком в колледж Дэвидсона. Слабое здоровье вынуждает его возвратиться назад весной 1874 года, и в течение 15 несчастливых месяцев он остается дома, где за ним тщательно ухаживают.

Такой «упадок сил» был первым из многих подобных срывов. Нервозность, диспепсия и головные боли беспокоили его на протяжении всей жизни. Его «срывы» — это просто периоды большей нервозности, более сильных расстройств желудка и более продолжительных головных болей, чем периоды его «здоровья». Например, трудно классифицировать период с октября 1887 года по июнь 1888 года, когда он ощущал себя очень несчастным в Брин-Море.

По крайней мере 14 раз на протяжении его жизни недуги настолько серьезно давали о себе знать, что мешали работе, не говоря уже о самочувствии:

1. Июнь 1874 — октябрь 1875
2. Декабрь 1880 — июнь 1882
3. Ноябрь 1883 — март 1884
4. Октябрь 1887 — июнь 1888
5. Ноябрь 1895 — август 1896
6. Июнь 1899 — август 1899
7. Лето 1903 года
8. Январь 1905 — март 1905
9. Май 1906 — октябрь 1906 Ю. Январь 1907 — февраль 1907
11. Сентябрь 1907 — сентябрь 1908
12. Февраль 1 910 — март 1910
13. Август 1914 — февраль 1915 4. Апрель 1919.

Нелегко обсуждать эти «срывы». Кажется маловероятным, что они были следствием органических заболеваний, вызванных телесными недугами, в которых психические факторы принимали лишь малое участие или не принимали вовсе. В последний период жизни Вильсона его сопровождали тяжелые, несомненно, физические заболевания. Поэтому, возможно, с самого начала его болезни были чисто физического происхождения. К нашему большому сожалению, мы не располагаем достаточным количеством сведений для того, чтобы утверждать это.

Однако мы знаем, что в физическом отношении Вильсон был хилым, и знаем также то, что

у него неизменно возникали неврастенические симптомы как реакция на возникавшие проблемы. Особенно трудным был для него период с весны 1874 по весну 1884 года. Он подошел к этому моменту полным сил 17-летним юношей. А спустя десятилетие, когда ему было уже 2 7 лет, он все еще льнул к привычкам своего детства и оставался девственным, с большой нервозностью, диспепсией, головными болями и идеалами. Отмечая специфичность его физических заболеваний в это время, мы можем лишь заключить, что его «нервозность» и «напряженность» вызывались конфликтом между его женственностью и его возвышенным Супер-Эго, которое требовало, чтобы он был исключительно мужественным. Если бы нас спросили, почему время от времени его симптомы усиливались до точки «срыва», мы могли бы ответить только общей фразой о том, что интенсивность его симптомов возрастала всегда, когда события его жизни вызывали обострение основного конфликта.

В сентябре 1875 года, после 15 месяцев болезни, Вильсон отправился в Принстон, отчаянно решившись преодолеть свою слабость и сделать себя лидером, как того требовало его Супер-Эго. Его ожидал громадный успех. Его карьера, начиная с 18 7 б года в Принстоне и до того дня, когда его принимали в Париже как спасителя человечества, являет собой замечательный пример могущества сильного Супер-Эго, ведущего к успеху человека со слабым телом и невротической конституцией. Во время 2-го года обучения в Принстоне Вильсон вступил на тот путь, которому суждено было привести его к посту президента Соединенных Штатов и вершителя судеб мира. Свой 1 -й год он провел, пытаясь ликвидировать недостатки в интеллектуальной подготовке для учебы в колледже, а также занимаясь лечением желудка. Однажды, осенью 1876 года, он прочел в английском журнале статью, озаглавленную «Оратор», в которой описывались и восхвалялись м-р Гладстон и м-р Брайт за обладание как раз теми качествами, которыми, по твердому убеждению Томаса Вудро Вильсона, обладал он сам. Он написал отцу, что обнаружил у себя незаурядный ум и окончательно и бесповоротно решил стать государственным деятелем, а не пастором.

Читатель, вероятно, заметил, что и за первоначальным заявлением Вильсона о своем желании стать государственным деятелем, сделанным им в 16 лет, и за его окончательным решением, принятым в 2 0-летнем возрасте, стоит одно и то же имя: Гладстон. В силу этого мы должны предположить, что премьер-министр королевы Виктории может дать нам ключ к разгадке отказа Вильсона последовать по стопам отца. Давайте вначале рассмотрим то душевное состояние Томми Вильсона, когда он прикрепил портрет Гладстона на стену позади своей парты и объявил о своем намерении стать государственным деятелем. Он стал юношей. Его мужественность возросла. Его усилившаяся агрессивность к отцу требовала разрядки. Пассивность же Вильсона к отцу все еще была столь могущественной, что даже эта усилившаяся агрессивность не могла найти выхода через прямую враждебность к отцу. Читатель вспомнит, что каждый маленький мальчик в раннем детстве, когда он сталкивается с дилеммами Эдипова комплекса, обычно обходит свое желание убить отца посредством «каннибалистического» метода разрушения отца: он впитывает такого идеализированного отца своего раннего детства своим Супер-Эго.

Представляется очевидным, что в 16-летнем возрасте Вильсон прибег к этому же методу для выражения своей агрессивности к отцу. Он попытался отождествить себя с «несравненным отцом» своего раннего детства. Но этот «несравненный отец» более не являлся перед ним в жизни. Каждый подросток, вследствие своей усиливающейся агрессии к отцу, смотрит на отца без каких-либо иллюзий на его счет. Сколь бы сильно ни желал он сохранить восхищение отцом, он вынужден признать, что отец не является самым красивым, сильным, мудрым, самым добродетельным и наиболее могущественным человеком в мире. У него есть недостатки. Этот пожилой отец представляется даже немного комичным и заслуживающим некоторой жалости. Мальчик может вытеснить это знание. Вильсон действительно вытеснил это знание. Он продолжал говорить об отце таким образом, как если бы отец был подобен Богу, продолжал цитировать его и восхищаться

им. Однако, как любой другой юноша, он, по всей видимости, в глубине души знал, что отец, несмотря на все это, на самом деле не является совершенством. Он очень нуждался в нахождении заново «несравненного отца» своего раннего детства и в отождествлении себя с этим отцом. Таким образом, посредством «каннибали-стического» отождествления он дал выход агрессии к своему действительному отцу и нашел такого «несравненного отца» в м-ре Гладстоне.

Возможно, м-р Гладстон сделался объектом возросшей агрессивности Вильсона с помощью некоторого другого механизма; но безотносительно к тому, с помощью какого механизма была осуществлена эта замена, нет никакого сомнения в том, что Гладстон действительно начал представлять для Томми Вильсона «несравненного отца» его детства. Тогда юноша Томми разрушил м-ра Гладстона посредством «каннибалисти-ческого» способа отождествления и объявил: «Это Гладстон, величайший государственный деятель из всех, когда-либо живших на Земле. Я также намереваюсь стать государственным деятелем». Так, через Глад-стона, он нашел выход своей недавно возросшей агрессии к отцу, стоящему перед ним в жизни, и смог без каких-либо помех продолжать любить несовершенного реального отца своей юности. Его отождествление себя с Гладстоном дало не только огромный заряд либидо для выхода его агрессивности, но и меньшим по объему зарядам от его любящей активности и пассивности к отцу. В дальнейшем, на протяжении всей жизни Вильсона, через это отождествление аккумулировалась большая доля его либидинозных сил, проистекающих из агрессивности к отцу.

Однако преподобный Джозеф Раглес Вильсон не испытывал какого-либо желания позволить сыну стать чем-нибудь иным, кроме как своей копией. Томми был отправлен в колледж Дэвидсона учиться на пастора. Пассивность мальчика к отцу была все еще столь огромной, что Вильсон не посмел ни ослушаться, ни отказаться. Он отправился в Дэвидсон. Но начиная с этих пор фигура «несравненного отца» его детства носила в его бессознательном лицо Гладстона, а не лицо пресвитерианского пастора. Для ощущения себя «несравненным отцом» своего детства Томми Вильсону нужно было стать государственным деятелем.

Для него было необходимо отождествить себя с отцом своего детства не только для достижения разрядки своей агрессивности к реально существующему отцу, но также для избежания отождествления себя с матерью. Если бы отождествление с отцом не было у него доминирующим, то таковым стало бы отождествление его с матерью, вследствие которого, по его словам, он чувствовал себя «плохо, был угрюм и мрачен». Для его возросшей мужественности это было непереносимым.

Тем не менее в течение первых 3 лет болезни и несчастья, которые он провел в родительском доме, Вильсон не мог заставить себя хоть в чем-то выказать свою независимость, что означало бы вступить в конфликт с реальным отцом, хотя в его бессознательном это означало всего лишь поворот от реально существующего отца к «несравненному отцу» его детства. Затем он прочитал статью под названием «Оратор», в которой совместно с Брайтом восхвалялся Гладстон за те качества, которые Вильсон считал своими собственными. Он ощутил себя мужчиной, подобным Гладстону. Он осмелился выказать свою независимость. Раз и навсегда он отказался от копирования реального отца ради отца с лицом Гладстона. Начиная с этого времени для счастья ему было необходимо чувствовать, что он находится на пути к тому, чтобы стать государственным деятелем. Только таким образом он мог найти разрядку своей агрессивности к отцу, аккумулируемой путем отождествления себя с Гладстоном. Только так мог он избежать преобладания своего отождествления с матерью. Для того чтобы ощущать себя мужчиной, ему нужно было стать государственным деятелем.

VI

К 21 -летнему возрасту характер Томаса Вудро Вильсона почти окончательно сформировался. Были установлены все основные разрядки для его либидо, и, за исключением

возросшего отождествления им себя с Богом после поражения от Веста, он не очень сильно изменился за оставшиеся 4 7 лет своей жизни. Поэтому мы должны продолжать изучение его характера под несколько иным углом. До сих пор мы занимались определением того, какие «аккумуляторы» и разрядки для его либидо установились у него в детстве, подростковом и юношеском возрасте. Теперь же мы будем наблюдать за его попытками достичь счастья через установившиеся разрядки. Мы сменим микроскоп, в который рассматривали изолированные порции его либидо, на увеличительное стекло, с помощью которого будем наблюдать за его действиями, предпринятыми в попытке удовлетворения своих влечений.

Проблема поисков счастья в жизни, которая заботит всех людей, является в большой степени проблемой экономного расходования психической энергии. Индивид обладает определенным количеством либидо, которое накапливается в различных аккумулирующих структурах и ищет разрядки посредством многочисленных выходов. Если Супер-Эго не препятствует потоку либидо, требующему разрядки, а также если не сдерживается тот поток либидо, который наличествует в данное время, и при этом чрезмерно не опустошается тот или иной резервуар либидо, человек чувствует себя счастливым. И наоборот, если выходы не одобряются Супер-Эго или являются недостаточно большими или слишком большими, индивид чувствует себя несчастным. Современная психология ничего нового не может добавить к классической формуле счастья — «умеренность во всем», за исключением замечания о том, что умеренность в требованиях Супер-Эго является столь же существенной, сколь и умеренность во всех прочих вещах.

И даже если человек готов жить согласно этому древнему правилу, он не сможет легко достичь счастья или продолжать вести счастливую жизнь продолжительное время. Найти разрядки для фундаментальных, часто противоречивых влечений крайне трудно; и даже если найдены удовлетворительные разрядки, изменяющиеся обстоятельства жизни не позволяют им оставаться неизменными. Смерть, болезнь, потеря любви или положения неотделимы от человеческой жизни, и все они вовлекают в себя потерю разрядок для либидо. Так что самый мудрый и самый умеренный человек не может рассчитывать на постоянное счастье. Менее мудрые люди, среди которых должно упомянуть Томаса Вудро Вильсона, не могут достичь больше скоротечных проблесков счастья. Неумеренное Супер-Эго Вильсона, которое требовало от него невозможного, уже одно было достаточно для того, чтобы обречь его на вечное недовольство, а чрезмерное количество либидо, которое наполняло его пассивность по отношению к отцу, требовало выходов, которые было трудно найти и сохранять в течение долгого времени.

В Принстоне Вильсон не очень заботился о нахождении выхода для относительно слабого тока либидо, направленного на мать. Его не изматывала, в противовес большинству мужчин, императивная потребность обладать женщиной. Его любовь к матери, родным и двоюродным сестрам была для него достаточной. Его действия в Принстоне, подобно его поступкам на протяжении большей части его жизни, определялись его потребностью нахождения выхода для конфликтующих влечений по отношению к отцу. Мы видели, что он нашел выход одновременно для своей активности и пассивности по отношению к отцу посредством отождествления себя с Гладстоном и что во время его учебы в колледже все другие его интересы были подчинены желанию стать христианским государственным деятелем. Как обычно, он плохо успевал по тем предметам, которые не были связаны с устной и письменной речью. Он изучал Бёрка, Брайта и Бэджгота, отрабатывал мимику перед зеркалом, тренировался в лесу в риторике, делал визитные карточки со следующей надписью: «Томас Вудро Вильсон, сенатор от штата Виргиния», организовал дискуссионный клуб, в котором правление сменялось, как в палате общин, и написал статью в защиту применения английской формы кабинетного правительства в

Соединенных Штатах.

В это время Вильсон очень дорожил дружбой с заместителем редактора журнала «Интернэшл ревью» Генри Кэботом Лоджем (впоследствии он его возненавидел). Он послал свою статью Лоджу, который ее принял. Позднее, когда Вильсон готовился к поступлению в Университет Джона Гопкинса, в его списке имен известных ученых, чьи работы он читал (в основном в области истории), появилось и имя Лоджа. Так Лодж вошел в жизнь Вильсона, но не как ученый, а как человек, обладающий властью: представитель отца.

Возросшая уверенность в своих силах позволила Вильсону во время 2-го года обучения добиться лидерства среди своих товарищей в Принстоне и завести большое число обычных, без особого эмоционального накала дружеских связей. Он также завел дружбу с Чарльзом Тэлкоттом, которая отличалась от его привязанности к Бруку тем, что Вильсон был старше своего друга. Тэлкотт для его бессознательного, вероятно, являлся преемником маленького Джо Вильсона и предвестником Гиббена и Хауза. Во всех этих отношениях Вильсон явно представлял собственного отца, а его друзья — его самого, так что посредством этих привязанностей, путем двойного отождествления, уже обсуждавшегося нами, Вильсон находил выход для своей пассивности по отношению к отцу.

В рождественские праздники 1879 года, когда Вильсону было около 23 лет, он в первый раз в своей жизни влюбился. Мы видели, что в детстве он перенес часть либидо, направленного на мать, на своих родных и двоюродных сестер. И характерно, что он влюбился в одну из своих двоюродных сестер: Генриетту Вудро. Она была дочерью брата его матери, Томаса Вудро, и являлась для него представительницей матери. Как и его мать, она была родом из Чилликотэ, штат Огайо. Ее отца, подобно отцу его матери, звали Томас Вудро. Вильсон начал писать ей «отчасти пылкие» письма. Его возросшая в то время мужественность не привела его сколько-нибудь ближе к телу женщины.

Большая часть его либидо все еще была направлена на отца. Его огромным желанием оставалось желание стать подобным Гладстону. Завершив обучение в Принстоне в июне 1879 года, осенью он отправляется в Виргинский университет изучать право, не потому, что желает стать юристом, а потому, что считает эту деятельность «верным путем» к посту государственного деятеля.

В Виргинском университете изучение права наводило на него скуку, но участие в дебатах, как обычно, целиком захватило его, и он предпринял попытку реорганизации дискуссионного клуба, членом которого являлся. Составление конституций давало ему громадное удовлетворение на протяжении всей жизни. Будучи 12-летним мальчиком, он установил правила произнесения речей для «Быстроногих». Он составлял или переделывал заново конституции в Дэвидсоне и Принстоне. Он заявил о своем намерении сделать то же самое в Виргинском университете. Эту же процедуру он завершил в Университете Джона Гопкинса и в Уэслиан-ском университете. Он изучал конституцию Нью-Джерси с целью ее переделки. И наконец, он разрабатывал конституцию для Лиги Наций. Мы видели, что, составляя законы правильного проведения собраний для «Быстроногих», Вильсон одновременно подчинялся отцу и имитировал его, он находил выход как для своей пассивности по отношению к отцу, так и, посредством отождествления, для своей активности по отношению к нему. Он удовлетворял те же самые влечения при подготовке соглашения о создании Лиги Наций. Доля участия Вильсона в основании Лиги Наций преувеличивалась, но постольку, поскольку он являлся ее «отцом». Лига Наций была «внуком» преподобного Джозефа Раглеса Вильсона, экстраординарного профессора риторики, чей интерес к словам и правилам речи столь докучал всем его знакомым, но производил громадное впечатление на его сына.

В Виргинском университете Вильсона избрали президентом дискуссионного клуба имени

Джефферсона, несмотря на питаемую им неприязнь к личности Джефферсона. Такая враждебность к Джефферсону и аналогичная враждебность к Дизраэли кажется на первый взгляд чем-то экстраординарным у молодого человека, который стремится стать государственным деятелем. Джефферсон являлся одним из наиболее видных американских государственных деятелей, а Дизраэли — не менее знаменитым государственным деятелем Англии. Однако найти объяснение враждебности Вильсона не так сложно. Он видел себя «христианским государственным деятелем» — Гладстоном. Ни Джефферсон, ни Дизраэли не являлись христианскими государственными деятелями. Джефферсон был деистом, а Дизраэли — евреем. К тому же Дизраэли был личным противником его учителя, Гладстона. Это были подходящие враги (сыны ада) для того Бога-Отца, с которым он отождествлял себя. Когда позднее Вильсон стал государственным деятелем и «божеством» в своем бессознательном, он частенько облекал своих оппонентов в «наряд сатаны».

В декабре 1880 года обычные для Вильсона головные боли и диспепсия стали столь интенсивными, что ему пришлось оставить учебу в университете. Не получив диплома, он возвратился в дом отца, где ему был обеспечен надлежащий уход. Нет никаких свидетельств, говорящих о том, что он перестал быть девственным. Он все еще писал письма своей двоюродной сестре Генриетте. Он чувствовал себя очень несчастным. Спустя 6 месяцев он навестил семью Генриетты Вудро в Чилликотэ, штат Огайо, где 3 2 года тому назад отец женился на его матери. Вильсон сделал предложение своей двоюродной сестре. Она отказала ему. Он возвратился в дом отца и в первый раз в своей жизни стал называть себя Вудро Вильсон, опуская имя Томас.

В последующие годы Вильсон давал различные объяснения этому, но ни одно из них не представляется нам убедительным. Когда человек дает различные неубедительные объяснения относительно какого-либо действия, надо думать, что истинная причина, побуждающая его к этому действию, лежит в его бессознательном. И действительно, бессознательная причина того, что Вильсон отбросил свое имя Томас, ясна. Читатель вспомнит, что Эго обычно восстанавливает потерянный объект любви посредством отождествления себя с ним. Маленький мальчик, у которого отняли котенка, может начать ползать на четвереньках и мяукать. Маленький мальчик, которому приходится отказаться от своей матери как от объекта любви во время расщепления на составные части Эдипова комплекса, отождествляет себя с матерью. Вильсон воспользовался этим знакомым механизмом. Он отправился в Чилликотэ с целью завоевать двоюродную сестру Вудро, которая представляла для него мать. Ее отца, как и отца ее матери, звали Томас Вудро. В своем бессознательном он, несомненно, был собственным отцом, отправившимся в Чилликотэ, чтобы жениться на матери. Его отвергли. Он чувствовал себя очень несчастным. Он лишился представительницы матери, чье имя, как и имя матери, было Вудро. Подобно ребенку, который начинает мяукать, он заменил потерянную представительницу матери собой. Он отбросил имя Томас — имя отца той девушки, которая отвергла его, — и стал невиновным в прелюбодеянии Вудро. Так он отождествил себя с матерью и удовлетворил свою потребность в представительнице матери, сам став своей матерью.

Для его возросшей мужественности такое отождествление себя с матерью было непереносимым, и неудивительно, что последующие полтора года были самыми несчастными в его жизни. Не находила выхода не только его активность по отношению к матери, но также активность по отношению к отцу. Его диспепсия и головные боли закрывали от него тот путь, который, как он надеялся, приведет его к карьере государственного деятеля, вплоть до весны 1882 года. Пробыв 18 месяцев дома, он наконец отправился в Атланту работать в области юриспруденции, что, как он был уверен, должно было привести его к карьере государственного деятеля. Но в Атланте он не нашел ни одного клиента. Казалось, путь к карьере государственного деятеля был для него закрыт. Весной 1883 года, в возрасте 26 лет, он сидел в своем офисе в

Атланте, чувствуя себя абсолютно несчастным. Поток либидо через каналы активности по отношению как к отцу, так и к матери был блокирован.

В этот критический момент его развития ему улыбнулась фортуна, без которой для любого человека почти невозможно достичь высокого положения. Он отправился навестить свою любимую двоюродную сестру, которую когда-то сшиб с дерева. Она была замужем, но там он встретил Эллен Эксон, и она стала для него той представительницей матери, в которой он нуждался. Неудивительно, что он сразу же влюбился в нее. Она росла в той же среде, что и его мать, родные и двоюродные сестры. Подобно матери и сестрам, она была дочерью пастора пресвитерианской церкви. Ее мать умерла, и она заменяла мать троим малышам. Ее положение в доме почти полностью совпадало с положением его матери, когда отец женился на ней. Прося Эллен Эксон выйти за него замуж, Вильсон снова отождествлял себя с отцом. В их позднейших отношениях есть множество указаний на то, что Эллен Эксон являлась для Вильсона полной и законченной представительницей матери.

Влюбиться в представительницу матери — значит сделаться рабом фортуны. Такое отношение столь полно забирает практически весь поток либидо, направленный на женщин, что оно становится либо источником величайшего счастья и силы для мужчины, либо источником громадного несчастья и слабости. Если бы Эллен Эксон не любила Вудро Вильсона или если бы она со временем перестала его любить, он получил бы страшный удар, от которого, учитывая его невротическую конституцию и его привычные неврастенические симптомы, он едва ли оправился. Но случилось обратное. Она не только глубоко полюбила его, но продолжала любить до конца своих дней. С того осеннего дня 1883 года, когда она обещала выйти за него замуж, до своей кончины в 1914 году Вудро Вильсон обладал величайшим источником силы, какой только может существовать в жизни любого мужчины: индивидуальной любовью законченной представительницы матери. Трудно переоценить ту помощь, которую она оказала ему. Его отношения с мужчинами продолжали оставаться неустойчивыми на протяжении всей жизни, вызывая конфликты, которые истощали силы. Его отношения с женщинами пришли в порядок. Он всегда мог вернуться для отдыха в возвращающие спокойствие объятия превосходной представительницы матери. «Лишь я одна могу успокоить его», — говорила она. Это было правдой. Он называл ее «центром покоя» своей жизни. Без этого центра покоя Вудро Вильсон рано уступил бы конфликтам в своей натуре. Его карьера в такой же степени являлась результатом любви Эллен Эксон, как и его Супер-Эго. Она была для него великолепной женой.

VII

Поэтому начиная с осени 1883 года и далее Вудро Вильсон обладал выходом для своей активности и своей пассивности по отношению к матери. Однако в то же самое время он отказался от той разрядки, которую ранее выбрало его Эго для активности по отношению к отцу. Путь к карьере государственного деятеля через адвокатскую деятельность в Атланте оказался закрытым. Он отправился в Университет Джона Гопкин-са, чтобы научиться зарабатывать себе на жизнь в качестве преподавателя колледжа. Для того чтобы заняться этой новой деятельностью, ему пришлось убедить себя, что каким-либо способом, возможно через профессуру, он в конечном счете станет государственным деятелем. Он понял, что, став крупным специалистом по вопросам политики, он сможет косвенным образом оказывать влияние на политическую мысль или на политическую жизнь. Но приобщиться к политике через учебную аудиторию было в то время в Америке неслыханным делом, и ему пришлось признать, что у него немного шансов на то, что он когда-либо станет Глад-стоном. Отождествление себя с Гладстоном установилось столь прочно в качестве главного выхода его активности по отношению к отцу, что что-либо меньшее, чем прямое продвижение к посту государственного деятеля, оставляло неудовлетворенной эту долю его либидо. И многое из его явно не обоснованного разочарования и плохого самочувствия в годы

преподавательской и литературной деятельности может быть приписано потере этого выхода для агрессивности по отношению к отцу.

В его письме от 24 февраля 1885 года к Эллен Эксон есть замечательный отрывок откровения: «Да... в моей душе существует с давних пор скрытое чувство разочарования и *потери,* как если бы я упустил в своей жизни нечто такое, на что я мог бы надеяться вследствие своих дарований и стремлений... Я действительно очень глубоко жалею о том, что был лишен возможности следовать своему *первому* — главному — честолюбивому желанию, которое заключалось в том, чтобы играть активную, а если можно, то и ведущую роль в общественной жизни и избрать для себя, если бы я обладал такой возможностью, карьеру *государственного деятеля.* Это самый глубокий секрет моего сердца — или, точнее, моей *души».* Обрамление Вильсоном слова «главному» в этом предложении заставляет предположить, что, когда он писал «главный», его бессознательному виделось: премьер-министр Гладстон.

Будучи студентом Университета Джона Гопкинса, он написал книгу «Конгрессиональное правление», которая производила на читателя впечатление, что автор очень хорошо знаком с деятельностью конгресса по личным контактам. Но он ни разу не отправился взглянуть на описываемый им конгресс, хотя Вашингтон находился примерно в часе езды поездом от Балтимора, где он работал над книгой. Такое увиливание от контак-га с мужчинами и фактами продолжалось на всем про-гяжении его жизни.

Когда его книгу «Конгрессиональное правление» приняли для публикации, он был в экстазе. Но в течение последующей недели находился в очень подавленном состоянии. На протяжении всей его жизни удовлетворение от достижения чего-либо почти тут же преодолевалось ощущением того, что он сделал мало. Его Супер-Эго было ненасытно. Когда эта книга была опубликована, он посвятил ее не своей невесте, а отцу, предоставив тому право решать, следует или нет ему возвратиться в университет для прохождения дальнейшего эбучения и получения степени. Таким образом, отец должен был решить, будет ли его брак ускорен или отсрочен. В это время Вильсону было 2 8 лет, и он любил тасать письма, описывая в них себя как обладающего (сильными страстями» и чувствами, как будто бы внут-эи него «горит вулкан». Но такое двойное предпочтение, оказанное отцу по сравнению с невестой, ясно по-сазывает, сколь слабым был поток его либидо, направленный на женщин, по сравнению с потоком, направленным на отца.

Так как избранный им выход для агрессивности по отношению к отцу был блокирован, неудивительно, что ш был очень критичен по отношению к своим универ-:итетским преподавателям. В действительности они являлись крупными учеными, и именно благодаря их :держивающему влиянию, которое они оказывали на Зильсона, его книга «Конгрессиональное правление» явилась лучшей литературной работой его жизни. Но всякий, стоящий выше Вудро Вильсона, всегда оставался для него отцовским представителем и поэтому мог послужить средством разрядки для вытесненной враждебности к реальному отцу. Мы увидим, как эта вытесненная агрессия прорывалась много раз в его жизни по отношению к тем людям, которым он должен был быть благодарен.

В июне 1885 года Вильсон женился на Эллен Эк-сон. До самой ее смерти в августе 1914 года он не проявлял ни малейшего сексуального интереса к какой-либо другой женщине. Конечно, он писал сотни длинных писем в расчете завоевать симпатии миссис Гилберт и других леди. Эти письма более напоминают попытки воссоздать заново отношения со своими старшими сестрами, нежели отношения со своей матерью. Именно на груди Эллен Эксон, а не на груди какой-либо из его корреспонденток он находил отдохновение.

Вудро Вильсон устроил свою новобрачную в колледж для девушек в Брин-Море, штат Пенсильвания, где сам преподавал историю. Несмотря на свою любовь, в то время, когда

большинство мужчин находятся на вершине блаженства, он был очень несчастен. Его нервозность и подавленность были столь острыми и странными, что не могли проистекать только от его Супер-Эго. Мы должны попытаться найти другие «аккумуляторы» его либидо без удовлетворительного выхода. Давайте посмотрим на его жалобы.

Основное недовольство было вызвано тем, что заведение, в котором он работал, было женским. Здесь мы сразу же подмечаем предполагаемые отношения маленького Томми Вильсона со своим отцом. Ни его активность, ни пассивность по отношению к отцу не находили удовлетворительного выхода. Обучение юношей предполагало выход для обоих этих влечений. Ему не хватало отождествления себя с ребенком. Тогда он смог бы играть по отношению к себе одновременно роль отца и сына и восстановить то инфантильное отношение, которое делало его столь счастливым. В женском окружении такое отождествление становилось не только невозможным, но и непереносимым, так как он становился отцом, читающим лекции девушке, которая представляла его же. Он снова почувствовал себя женщиной, и это было ужасно. Не пробыв в Брин-Море и б месяцев, он начал искать другую работу.

Преподавание в Принстоне стало его целью. Он отправился в Нью-Йорк для выступления на банкете в честь выпускников Принстона, надеясь произвести на своих слушателей достаточное впечатление и таким образом получить место преподавателя в этом колледже. Во время его выступления над ним шутили, посмеивались, ходили по залу — словом, его речь никого не интересовала. Эта рана, нанесенная его нарциссизму, очевидно, была весьма болезненной, поэтому неудивительно, что впоследствии он проявлял мало почтения к чему-либо, связанному с Нью-Йорком.

Он снова вернулся к своему лелеемому самоотождествлению с Гладстоном. Он отправился в Вашингтон и попытался получить должность в госдепартаменте. Неудача. И снова его активность по отношению к отцу оказалась блокированной.

Его жена была беременна. Он мечтал о сыне, посредством которого нашел бы выход одновременно своей активности и пассивности по отношению к отцу. Жена родила дочь. И вновь поток либидо, связанный с отношением к отцу, не находил выхода. Он становится все более и более нервозным. Его жена снова забеременела. И опять родившийся ребенок оказался девочкой. Его нервозность возросла. Он писал своему другу Роберту Бриджесу: «Я очень опасаюсь, что у меня наступит упадок сил, если я пробуду здесь еще год». И опять он ищет выход посредством государственной деятельности, пытаясь получить пост помощника государственного секретаря. Вновь неудача. Он чувствовал приближение нервного расстройства, писал о себе как об «остро нуждающемся в *мужском* обществе» и назвал эту зиму, 1887 — 1888 годов, «ужасной зимой».

Читатель, размышляющий относительно причин нервозности и несчастья в жизни этого молодого женатого мужчины, живущего в прекрасном доме и пользующегося уважением в Брин-Море, вероятно, склонен прий-ги к заключению, что его отношения с женой не приносили ему удовлетворения. Это, конечно, не так. Как и зсегда, Эллен Эксон великолепно удовлетворяла ту меньшую долю его либидо, которая была направлена на женщин. И он находил удовольствие в своих дочерях.

Но основной поток его либидо снова и снова не мог найти выход через желаемые каналы. Его отношения с мужчинами были для него настолько важнее отношений с женщинами, что никакое количество домашнего блаженства не могло сделать его счастливым.

Его реакция на смерть матери и на конец «ужасной зимы» проливает некоторый свет на эту диспропорцию в его натуре. Он писал одному из своих друзей: «Моя мать была для меня матерью в самом полном, самом нежном смысле этого слова, и ее потеря оставила меня с печальным, тяжелым ощущением до некоторой степени внезапной *потери моей юности.* Я чувствую себя старым, с намного большим грузом ответственности... Однако самым тяжелым для меня является

не собственная тяжелая утрата, а тяжелая участь отца, обе дочери которого замужем и который, так как мой брат учится в колледже, остался практически один в доме. Мне кажется в тяжелые моменты, что моя счастливая семейная жизнь здесь в сравнении с его несчастьем служит мне укором...»

Это письмо не является криком души о потерянном объекте. Его слова о кончине матери слишком вежливые и общепринятые. Эллен Эксон уже заняла ее место. Но его пассивность по отношению к отцу была глубоко взволнована мыслью о том, что отец нуждается в жене. В своем бессознательном он всегда желал занять место матери для своего отца. Теперь он незамедлительно занял это место. Его наполняло не ощущение того, что он потерял мать, а чувство того, что он потерял свою юность. Смерть матери устранила одно из препятствий к тому, чтобы стать в его бессознательном женой своего отца. Он почувствовал себя «старым, с намного большим грузом ответственности», ощутил необходимость дать приют отцу. Ощущается желание сказать, что в своем бессознательном он чувствовал себя старой женщиной — своей матерью. Неудивительно, что он предложил отцу на какое-то время переехать жить к себе и постольку, поскольку это было возможно, играл роль преданной жены по отношению к преподобному Раглесу Вильсону до самой его смерти. Так нашла выход его пассивность по отношению к отцу.

9 марта 1890 года он писал жене: «...отдаленное *чувство* зрелости — или, вернее, взросления — пришло ко мне. *Мальчишеское* отношение, которое сохранялось и лелеялось столь долго, сознательно уступает место иному чувству...» — и добавил, что «наконец-то он начинает становиться уверенным в своих силах (возможно, способным отстаивать свои права) мужчиной». Сознательно ему казалось, что он наконец-то становится взрослым человеком, но представляется вероятным, что в своем бессознательном он стал взрослой женщиной. Так, даже смерть матери послужила выполнению его неудовлетворенного влечения быть любимым в качестве жены своим отцом. Он стал взрослым мужчиной в своем бессознательном лишь после смерти отца.

«Острая нужда в мужском обществе» для частичной разрядки своей активности и пассивности по отношению к отцу заставила его ухватиться за возможность сменить Брин-Мор на Уэслианский университет. Здесь было нужное ему мужское общество, и его здоровье и настроение сразу улучшились. Последующие 7 лет его жизни были наиболее счастливыми. В течение всего этого периода у него не было ни одного «упадка сил» и его обычные симптомы не очень донимали его. Для всех основных «аккумуляторов» его либидо были най-а,ены сравнительно удовлетворительные выходы. Его нарциссизм был удовлетворен успехом, которым пользовались его лекции, и тем общим уважением, которое гму оказывали повсюду. Жена превосходно удовлетворяла его активность и пассивность по отношению к ма-гери. Его пассивность по отношению к отцу находила зыход не только посредством принятия им роли жены то отношению к отцу, но также посредством отождест-вления с теми молодыми людьми, которым он читал лекции. Конечно, его активность по отношению к отцу удовлетворялась не полностью; но значительная доля его либидо выходила вследствие отождествления им себя с отцом во время чтения лекций, так что уменьшилась его потребность в нахождении выхода для своей активности посредством государственной деятельно-сти. Даже его Супер-Эго, по всей видимости, было бо-лее или менее удовлетворено успехами в академиче-ском мире. Его лекции, во время чтения которых он иг-рал роль своего отца и изливал на своих слушателей свое душевное тепло и множество величественных обобщений на манер пастора, читающего проповедь с церковной кафедры, пользовались огромным успехом. Однако лишь выход его либидо через государственную деятельность мог полностью удовлетворить его агрессивность по отношению к отцу, и он был обрадован, когда 2 года спустя после начала преподавательской деятельности в Уэслианском университете ему предл°" жили должность в Принстоне.

Даже во время этого периода сравнительного счастья Вудро Вильсон постоянно помнил об

отце, каждая разлука с которым заставляла его браться за перо, чтобы написать старому пастору.

VIII

Когда Вудро Вильсон писал или говорил, он был в бессознательном своим отцом, готовящим или произносящим проповедь, и пытался сделать свои аллитерации столь же сладкими для слуха, а свои обобщения — столь же яркими, какими они запали в его душу из проповедей отца. То, что его обобщения могли иметь мало общего с действительностью, не беспокоило его. Они существовали ради них самих, как выходы для его отождествления себя с отцом. Факты являются врагами обобщений, и та нелюбовь к фактам, которую он- столь часто выражал, была, несомненно, частично обусловлена их способностью делать обобщения трудными. Они препятствовали легкому выходу его либидо через отождествление со своим отцом, а также угрожали его вере и подчинению отцу. Так факты стали на пути к выходу его либидо из двух самых огромных «аккумуляторов», активности и пассивности по отношению к отцу. Нет ничего удивительного в том, что он развил привычку забывать их, когда для него было неудобно их помнить. Он игнорировал неприятный факт существования секретных договоров у союзников. Поэтому его борьба за «справедливый и прочный мир» была заранее обречена на неудачу. Он забыл о местонахождении Бреннерского перевала и таким образом пропустил 250 тысяч австро-герман-цев в Италию. К концу своей жизни он стал способен забывать любой факт, который препятствовал потоку его либидо через выходы для активности и пассивности по отношению к отцу, и значительной части человечества пришлось страдать из-за той чрезмерной любви, которую возбудил преподобный Джозеф Раглес Вильсон в своем сыне.

В Принстоне он нашел дополнительный выход для своей пассивности по отношению к отцу через дружбу с профессором Джоном Гриэром Гиббеном. Как обычно, он воссоздал заново, через нарцисстический (женский тип) выбор объекта, свое собственное инфантильное отношение к отцу. Гиббен был моложе его, ниже ростом. Человек с такими характеристиками постоянно присутствовал в его жизни в качестве существенно важного объекта любви. Он глубоко любил Гиббена и, так как Гиббен был ему предан, находил огромную радость в этой дружбе. Здесь же, в Принстоне, внимание Вильсона привлекает профессор Эндрю Ф. Вест, который, подобно Вильсону, был сыном пресвитерианского пастора и вдобавок ко всему — выходцем из Шотландии, как и отец Вильсона. В это время Вест был лидером преподавателей, которые пытались добиться от президента Фрэнсиса Л. Пэттона повышения размеров стипендии для студентов последнего года обучения и основания аспирантского колледжа. Вначале Вильсон, по-видимому, испытывал большое уважение к нему, как ему вначале импонировал Генри Кэбот Лодж. Вест, который был старше Вильсона, выше его ростом и занимал более высокое положение, несомненно, вошел в бессознательное Вильсона как представитель отца и использовался в качестве выхода его вытесненной враждебности по отношению к своему действительному отцу.

Уважение, питаемое Вильсоном к Весту, вскоре сменилось неприязнью, и довольно забавно отметить, что первым критическим замечанием о Весте было замечание о его пресвитерианском фанатизме, который являлся лишь иной разновидностью ограниченности, характерной как для преподобного Джозефа Раглеса Вильсона, так и для самого Вудро Вильсона. В 1 8 9 7 году Вильсон записал в своем дневнике: «Утро, разговор с Вестом, в котором тот проявил крайнее упрямство и ограниченность относительно введения унитарной системы на факультете».

Когда преподобный Джозеф Раглес Вильсон приехал погостить к сыну в Принстон, Вудро Вильсон взял на себя роль неясной жены, и его пассивность по отношению к отцу, должно быть, получила желанный выход. Его вытесненная враждебность к отцу, которая, вероятно, постоянно была близка к взрыву, в данное время сдерживалась. Точно так же сдерживалось и накопившееся раздражение против Веста как отцовского представителя. Для того чтобы добиться избрания

президентом Принстонского университета, которое стало для Вильсона заменителем явно недостижимого поста президента Соединенных Штатов, ему было необходимо оставаться с Вестом в дружеских отношениях. Его вытесняемая враждебность по отношению к отцу осталась вытесненной и вызвала неожиданный «упадок сил». Осенью 1895 года, во время работы над книгой «Джордж Вашингтон», его обычные симптомы внезапно резко обострились. Он проболел всю зиму. А весной у него ко всему прочему отнялась правая рука. Несмотря на физическое бессилие, его дух рвется к активной деятельности: «Мне надоело разглагольствовать перед студентами. Я хочу делать что-либо».

Несмотря на болезнь Вильсона, можно полагать, что у него было все, чтобы ощущать себя счастливым. Рядом с ним находились преданная жена и три очаровательные маленькие дочери. Его любимый отец подолгу гостил у него в доме. Друг, который был ему очень дорог, навещал его. Он строил дом в оживленном городе. Его потребность в мужском обществе была удовлетворена. Ему сопутствовал крайний успех. Его лекции не только в Принстонском университете, но также в Университете Джона Гопкинса были приняты студентами с энтузиазмом. И тем не менее он был несчастен. Почему? Мы, вероятно, окажемся недалеко от истины, если ответим, что присутствие отца в его доме возбудило вытесненную им агрессивность, направленную против него, и что эта часть его либидо не находила адекватного выхода.

Его повторяющуюся жалобу на свою бездеятельность, очевидно, можно объяснить как желание вступить в общественную жизнь в качестве руководителя. Однако мы видели, что в бессознательном становление государственным деятелем означало для него отождествление себя с «несравненным отцом» своего детства, который имел лицо Гладстона, и таким» образом, посредством «каннибалистического» отождествления, уничтожение старика отца. Мы можем поэтому подозревать, что в своем бессознательном «нечто», что он желал «делать», было уничтожением преподобного Джозефа Раглеса Вильсона. Но вытеснение им этого влечения столь могущественно подкреплялось его пассивностью по отношению к отцу, что он не мог ни в мыслях, ни в действии совершить враждебный акт по отношению к действительному отцу и не мог в то время стать государственным деятелем. Более того, он слишком сильно желал улучшить свое положение в При-нстоне, чтобы дать волю этому влечению путем совершения откровенно враждебных действий против Веста или какого-либо другого отцовского представителя. Нарциссизм и Супер-Эго всего удерживали его от какой-либо акции, которая могла повредить карьере. Поэтому он убежал от своего конфликта в привычные неврастенические симптомы и после 7 месяцев страданий уехал в Шотландию.

IX

В данном психологическом исследовании Вильсона мы уделяли мало внимания сознательной части его рассудка, и мы не можем предложить какого-либо извинения за наше сосредоточение на его более глубоких душевных механизмах. Более важная доля его рассудка, подобно основной части айсберга, расположена в глубине. Бессознательное невротика использует сознательную долю рассудка в качестве орудия для осуществления своих влечений. Утверждения невротика являются рационализациями, изобретенными для того, чтобы оправдать влечения его либидо. Принципы невротика являются одеждой, применяемой для прикрытия наготы бессознательных влечений.

Тем не менее та культура, в которой воспитывается ребенок, влияет на его характер. Она, по крайней мере, определяет тот стиль одежды, в которую следует одеть его влечения, чтобы они казались респектабельными. Ребенок впитывает из атмосферы своей семьи и общины представления о том, каким джентльменом ему следует стать, и эти идеи становятся частью его Идеала-Эго и определяют форму его убеждений. Характер такого джентльмена не остается неизменным. Его вид постоянно изменяется во времени и пространстве. Бог одного времени

становится дьяволом для другого. Христианский дьявол носит рога Пана и его раздвоенное копыто.

Хотя стили в культуре не являются прочными, подобно моде в женской одежде, ребенок не знает этого и приемлет принципы своей семьи и общины, как если бы они были неизменными законами природы, и формирует свое представление о том, каким джентльменом ему следует быть, в соответствии с ними. Вследствие этого тот стиль его убеждений, в которые он позднее облачает свои влечения, является определенным.

Томас Вудро Вильсон еще ребенком впитал в себя идеи и идеалы среднего класса британцев. Влечения его либидо неизбежно облачались в одобряемые деяния этого класса.

Самыми сладкими плодами человеческого духа для него были продукты Лоллардрии и пресвитерианства. Его враждебность к другим точкам зрения на жизнь была незыблемой. Например, Вильсон начисто исключил из составленного им в 1894 году «Календаря великих американцев» Томаса Джефферсона, автора «Декларации независимости», основателя Виргинского университета, архитектора, философа, президента Соединенных Штатов, на том основании, что «Джеф-ферсон не был истинным американцем из-за приверженности французской философии в своем мышлении». Он считал, что «истинный американец» должен иметь понятия и идеалы британского среднего класса.

При любом бессознательном отождествлении Вильсон, по-видимому, ощущал себя англичанином среднего класса. Он был отрезан от непосредственного контакта с европейской жизнью из-за своего незнания европейских языков. Все его герои были британскими: Берк, Брайт, Бэджгот, Гладстон. Когда он в 1903 году впервые отправился в Европу, то нашел Францию, Италию и Германию столь отвратительными, что очень скоро вернулся домой. Вплоть до 1919 года он не был в Европе. Его сознательный рассудок всю жизнь оставался рассудком шотланд-ского пресвитерианского пастора.

Четыре раза во время очередных приступов болезни он посещал Англию. Его пребывание в Ирландии ограничилось несколькими днями презрения; но Шотландию он полюбил, а английские университеты привели его в состояние экстаза. Английский «район озер» стал его любимым местом. Он решил, что проведет свою старость именно здесь.

В 1896 году, после очередной поездки в Шотландию и Англию, Вильсон вернулся в Принстон, полный решимости выдвинуться на руководящий пост, что произвело большое впечатление на его близких. Его шурин Стоктон Эксон писал: «Он всегда был целенаправленным человеком, но теперь он — человек с установившейся и твердой целью. Он становится все более нетерпимым к пустым разговорам; ему нужны факты со всей присущей им сложностью».

Упадок сил, отдых, затем возвращение к работе с безжалостной решимостью утвердить свою мужественность — все это стало формулой его жизни. Поэтому за каждым упадком сил следовало проявление усиленной агрессии. Причина этого явления ясна. Его неудовлетворенная враждебность к отцу побуждала его «убегать» в обычные для него симптомы. Его агрессивность все еще не была удовлетворена. Он вернулся к работе, полный решимости удовлетворить свою агрессивность через давно установившийся выход отождествления себя с Гладстоном.

Возможность выдвинуться на руководящий пост представилась быстро. 21 октября 1896 года его попросили произнести речь по случаю празднования 150-летия со дня основания Принстона. Тему своего выступления он определил как «Принстон на службе страны». В заключение им были произнесены следующие слова: «На нас лежит обязанность жить одной жизнью со страной... Ничто не поднимает общественную службу на такую высоту, как религия... Мысленно я представляю себе превосходное место обучения... где ярко светит солнце, а каждый обучающийся с надеждой смотрит на небо, ожидая подтверждения своей веры. Кто покажет нам путь к такому месту?»

Последний вопрос был задан им с явной надеждой, что его аудитория ответит, по крайней мере молчаливо: «Вудро Вильсон». Он знал, что многие из его слушателей, как и он сам, были разочарованы деятельностью преподобного Фрэнсиса Л. Пэттона, президента университета. Вильсон презирал Пэттона и мечтал занять его место. Но он был достаточно осторожен и скрывал свои чувства от самого Пэттона и от его друзей, слыл своим человеком как в мире Пэттона, так и в лагере Веста, ненавидя их обоих и в то же время ища поддержки и у того, и у другого.

Его речь была одобрена, но не привела к каким-либо немедленным результатам. Вильсона ожидало 6 лет хронического разочарования, головных болей и расстройства желудка. Наверняка усилению его агрессивности в этот период способствовало возбуждающее агрессию присутствие в его доме отца. Эта возросшая агрессивность, не находя адекватного выхода, приводила к усилению его обычных симптомов, и его неудовлетворенность, несомненно, возрастала вследствие не-удовлетворяемых требований со стороны его Супер-Эго. Достижение руководящего поста либо через политическую деятельность, либо через работу в Принстоне казалось невозможным. Он пытается разобраться в причинах своих неудач, но, не найдя ответа на свои вопросы, решает покинуть Принстон. Но уговоры и поддержка богатых друзей, взявших с него обещание не покидать Принстон в течение 5 лет, заставляют его остаться.

Весной 1899 года в связи с обострением болезни он вновь посещает Англию. А вернувшись в Принстон, испытывает обычное для него разочарование. К 1900 году Вильсон настолько отчаялся в своем будущем, что серьезно обдумывал мысль о том, чтобы посвятить остаток своей жизни литературной работе. Игнорируя обещание не покидать Принстон, он попросил совет попечителей университета предоставить ему годовой отпуск для подготовки материала к монументальному тому «Философия политики», написание которого заставляет его отказаться от преподавательской работы. Его чувства к Весту становятся враждебными. И когда в 1901 году Веста избрали деканом отделения аспирантуры, Вильсон начал относиться к нему как к отцовскому представителю, на которого можно было частично направить поток враждебности, питаемой к своему действительному отцу.

Вест поставил себя в откровенную оппозицию к президенту Пэттону. Вероятно, Вильсон питал к Пэт-тону более жгучую ненависть, чем любой другой сотрудник Принстонского университета, но Пэттон и не подозревал этого. Когда профессор Мэги и декан Вест сделали дальнейшее пребывание Пэттона на своем посту невозможным, именно презираемый Вильсоном Пэттон предложил избрать его своим преемником — президентом Принстона. Избрание Веста раскололо бы университетскую жизнь на враждебные группировки. Вест знал, что Вильсон в действительности относится враждебно к системе Пэттона, но не знал о его личной неприязни к нему. Поэтому он отказался от собственных чаяний и не противодействовал избранию Вильсона. 9 июня 1902 года, в возрасте 45 лет, Вильсон был избран президентом Принстона. «Я чувствую себя как премьер-министр, собирающийся обратиться с речью к своим избирателям», — писал он своей жене. Наконец-то он стал Гладстоном! Наконец-то поток его либидо, связанный с активностью по отношению к отцу, мог найти выход посредством отождествления, установленного им 25 лет тому назад.

Открытие этого давно желанного выхода для его агрессивности по отношению к отцу плюс удовлетворение от избрания его президентом Принстона, полученное его Супер-Эго и его нарциссизмом, сразу же ослабили его недовольство. Он писал жене: «Я считаю... что мое избрание на пост президента очень благоприятно отразилось на мне. Оно устроило мое будущее и дало мне чувство *веса* и определенные, реальные задачи, которые устранят из моей души *метание* и беспокойство». Слово «метание» является столь женским в данном контексте, что не каждый мужчина станет применять его для описания своего состояния; но так как Вильсон использовал его и даже подчеркнул, мы можем заметить, что оно великолепно его характеризует. Большую

часть своей жизни он провел в метании.

X

Три месяца спустя после торжественного вступления Вильсона на пост президента Принстона умер его отец. Вся его жизнь определялась отношением к отцу. Поэтому его потеря неизбежно вызвала значительную перестройку выходов для его либидо.

В обычной для себя манере он заменил умершего отца собой и с этих пор в своем бессознательном был больше, чем когда-либо, преподобным Джозефом Раг-лесом Вильсоном. Так он нашел новый выход для своей агрессивности по отношению к отцу, который добавился к недавно открывшемуся оттоку агрессивности в результате отождествления себя с Гладстоном. По-видимому, до конца жизни его либидинозная активность к отцу обладала адекватными выходами; но смерть отца лишила Вильсона главных выходов для пассивности. Он не мог более находить разрядку для этого гипертрофированного заряда либидо посредством подчинения отцу или играя по отношению к нему роль заботливой жены. А именно эти два выхода были основными для его пассивности. Он также не нашел выхода для своей пассивности путем подчинения заместителю отца. Но после смерти отца его пристрастие к риторике, которое и до этого было чрезмерным, выросло до фантастических размеров; его желание найти друга для переноса на него своей любви стало императивной потребностью. Очевидно, что потеря основных выходов для его пассивности к отцу вызвала большую нагрузку на побочные выходы и увеличила разрядку либидо через произнесение речей, страстную дружбу, подчинение Богу и отождествление себя с Христом.

Более того, после смерти отца возросло его желание переделать мир, усилилась необоснованная ненависть к видным политическим деятелям, с которыми он был в чем-то не согласен. Как мы уже указывали, Эго неизменно использует реактивное образование для помощи в вытеснении сильного влечения. То количество пассивности Вильсона к отцу, которое приходилось вытеснять после его смерти, было слишком велико, и для его подавления требовалось огромной силы реактивное образование. Это реактивное образование находило выход через его попытки перестроить мир и через враждебные действия против отцовских представителей.

Первоначальным источником всех этих черт характера была, конечно, пассивность маленького Томми Вильсона к своему «несравненному отцу». Преподобный Джозеф Раглес Вильсон, которого ни в каком отношении нельзя рекомендовать в качестве образца для отцов, сделал любовь своего сына к нему столь глубокой и смиренной, что возбужденный им поток пассивности не мог быть удовлетворен каким-либо другим мужчиной или какой-либо деятельностью. Нахождение выхода для такого потока пассивности было нелегким делом для человека, Супер-Эго которого требовало, чтобы он был целиком мужественным: самим Богом. Экстраординарный профессор риторики и мертвый продолжал подавлять своего сына.

Став президентом Принстона, Вильсон активно взялся за дело: уволил нескольких профессоров, увеличил сложные экзамены, ввел более строгую дисциплину, резко выступал против попыток отмены обязательного дневного посещения церкви и полностью реорганизовал процесс обучения. В своих действиях он был не одинок. Большинство преподавателей и студентов поддерживали его. Самым страстным поборником нововведений Вильсона стал профессор Джон Гриэр Гиббен, к которому после смерти отца Вильсон привязался еще сильнее. Ясно, что посредством отождествления Гиббена с собой как с ребенком он ухитрялся проявлять по отношению к себе ту любовь, которую хотел и не мог более получать от отца.

Несмотря на свободный поток активности через руководящие действия и на то удовлетворение, которое давала ему дружба с Гиббеном, его здоровье вновь ухудшается, и в конце учебного (1903) года он ищет отдохновения в Европе. Однако вскоре Европа ему надоедает, и он возвращается в Америку. К январю 1905 года болезнь снова обостряется. Врачи находят у него

грыжу. В феврале 1905 года была сделана операция, после которой он отправился на отдых во Флориду.

Он вернулся из Флориды, полный решимости немедленно осуществить проект реформации Принстона. Проявленная им энергичность очень напоминает ту, которая последовала после болезни в 1896 году, когда он возвратился из Англии с твердым намерением занять руководящий пост. Он затратил громадное количество энергии на ведение кампании за наставническую систему обучения, столь активно содействуя продвижению проекта, что, несмотря на его дорогостоимость, добился осенью этого же года от совета попечителей его формального одобрения. То, что он мог найти такое громадное количество энергии в своем слабом теле, указывает на объем его либидинозных влечений, наполнявших реактивное образование, которое было направлено на борьбу с пассивными устремлениями по отношению к отцу. Проводимая им кампания за наставническую систему давала этому реактивному образованию выход.

Состояние рассудка Вильсона в течение зимы 1906 — 1907 годов превосходно описывается его личным биографом Реем Стэннардом Бейкером: «Новая наставническая система действовала чрезвычайно гладко и успешно. Была открыта аспирантура в Мервике, поступали деньги для строительства новых зданий, но все это внезапно стало его беспокоить... В работе университета не ощущалось «должного подъема», проблемы решались недостаточно быстро... Внешне прогресс казался изумительным, успех — громадным, но все это не приносило удовлетворения ненасытному духу нового президента. Всякий раз, когда Вильсон начинал сомневаться, спрашивать себя, все ли он сделал для того, чтобы приблизить желанную цель, которая была для него также и тяжкой ношей, он брался за работу еще усерднее, чем прежде... Как и во всех предыдущих кризисах в его жизни, этот кризис, по-видимому, также имел религиозную основу. Зимой и весной этого года он многократно выступал перед собраниями верующих... В одном из таких выступлений Вильсон обратился к аудитории со следующим вопросом: "Что сделал бы Христос в наши дни, на нашем месте, с нашими возможностями"».

3 февраля 1906 года на одном из приемов полковник Джордж Гарви, демократ, предл°жил избрать Вильсона кандидатом от демократической партии на пост президента Соединенных Штатов. Вильсон сделал вид, что не принял это предложение всерьез. Но ввиду его крайнего желания стать государственным деятелем совершенно очевидно, что слова Гарви глубоко его затронули. Настоящая государственная деятельность давала лучший выход для его отождествления себя с Гладстоном, чем его «малая государственная деятельность» в сфере образования. Более того, никакая «малая государственная деятельность» не могла удовлетворить его Супер-Эго. Оно требовало большего размаха: президент Соединенных Штатов, «президент мира» и «президент Неба». Об истинном впечатлении, которое произвели слова Гарви на Вильсона, можно, вероятно, судить по тому факту, что они заставили его в корне изменить свое прежнее, крайне неприязненное отношение к Джефферсону и начать восхищаться им. Джефферсон боготворился демократами, и нельзя было добиться избрания кандидатом на пост президента Соединенных Штатов от их партии без словесных заявлений о своем восхищении автором «Декларации независимости». Таким образом, Вильсону ничего не оставалось, как постараться найти положительные качества у этого государственного деятеля, у которого ранее он находил одни лишь недостатки. По словам самого Вильсона, он «подготовил не менее четырех вариантов» своей речи о Джефферсоне, которую произнес 16 апреля 1906 года перед аудиторией демократов.

На всем протяжении этой зимы Вильсон много выступал, что не могло не отразиться на его здоровье: усилились головные боли и желудочная болезнь, а также появились боли в руках и ногах. В мае 1906 года он ослеп на левый глаз.

Последовательность событий, начиная от триумфального установления им наставнической системы в октябре до упадка сил в мае, представляет собой явную картину невротической уступки

конфликту в его бессознательном. Давайте попытаемся определить точную природу этого конфликта.

Тот факт, что за триумфом, достигнутым осенью, последовали не удовлетворение и довольство, какие испытывал бы нормальный человек, а крайняя неудовлетворенность, является первым симптомом, который мы должны рассмотреть. Неудовлетворенность, следующая за исполнением желания, не была чем-то новым в жизни Вильсона. Даже в первые месяцы после вступления в брак и во время его профессиональных успехов в Брин-Море, когда почти любой другой мужчина был бы на вершине счастья, он чувствовал себя очень несчастным. Читатель может вспомнить, что неделю спустя после принятия в печать книги «Конфессиональное правление» его счастье сменилось мрачным и подавленным настроением. Тогда мы связали это с чрезмерными требованиями его Супер-Эго, которое стремилось к божественным достижениям и не могло удовлетвориться никаким реальным достижением.

Мы отмечали, что решимость немедленно ввести в действие наставническую систему в Принстоне проистекала от его реактивного образования против пассивности к отцу, что энергия, затраченная им на выполнение этой задачи, была огромной и что величина этой энергии указывает на то количество его либидо, которое начало заряжать это реактивное образование. Задача была выполнена. Его вытесненная пассивность к отцу снова требовала выхода. И снова реактивное образование получило стимул к реактивной деятельности. У него не было какой-либо немедленной задачи, на выполнение которой он мог бы направить поток своей мужественной деятельности. Таким образом, установление наставнической системы не смогло удовлетворить ненасытные требования его Супер-Эго и также не смогло, по окончании борьбы за осуществление этой задачи, дать длительный выход для его реактивного образования против пассивности по отношению к отцу. Его пассивность требовала выхода, его Супер-Эго требовало, чтобы он стал Богом. Его Эго стало ареной борьбы: с одной стороны стояла его подавленная пассивность к отцу, требующая, чтобы он был целиком женственным; с другой стороны — его активность по отношению к отцу, требующая, чтобы он был всецело деятельным и мужественным. Таким образом, мы видим, что конфликт, послуживший причиной его неудовлетворенности, болезни и лихорадочных выступлений зимой 1905 — 1906 годов, был все тем же старым конфликтом между его активностью и пассивностью по отношению к отцу, который его Эго никогда не было в состоянии разрешить. Он до сих пор не разрешил основную дилемму Эдипова комплекса. И его неудовлетворенность усилилась вследствие чрезмерных требований со стороны Супер-Эго. Ни в один другой период жизни Вильсона его интерес к выступлениям не был столь чрезмерным, как в эти зимние месяцы 1905 — 1906 годов. Мы видели, что посредством произнесения речей он находил выход как для своей активности, так и для своей пассивности к отцу: когда он говорил, он одновременно подчинялся своему отцу и отождествлял себя с ним. Таким образом, он мог расходовать либидо из обоих своих влечений, конфликт которых становился непереносимым для Эго. Те темы, которые он выбирал для своих речей, давали дополнительный выход то одному потоку его либидо, то другому. В основном все его речи были посвящены либо политике, либо религии. Первые давали дополнительный выход реактивному образованию против пассивности. Другие — потоку пассивности через отождествление в своем бессознательном себя с Христом. Конфликт в Эго стал, действительно, столь непереносимым, что он был принужден либо произносить речи, либо прибегнуть к одному из своих обычных «упадков сил». Поэтому Вильсон страстно и лихорадочно выступал. По словам его биографа мистера Бейкера: «Он казался одержимым! На произнесение одной речи он расходовал столько страсти, что ее хватило бы на дюжину обычных речей». Он был одержим одним из основных зол, которые мучают мужчину: конфликтом между активностью и пассивностью по отношению к отцу.

Публичные выступления спасли его от обычного для него «упадка сил», но привели к более

серьезному заболеванию — слепоте левого глаза. Как было установлено, это было вызвано атеросклерозом. Таким образом, хотя несправедливо было бы говорить о том, что слепота была вызвана конфликтом в Эго Вильсона, мы должны заметить, что невроз, породивший его чрезмерную активность, явился содействующей причиной. В то же самое время мы не должны забывать, что физическое состояние его артерий, несомненно, увеличило интенсивность тех психических симптомов, которые проявлялись ранее. Мы знаем, например, что психические состояния могут вызывать интенсивные физические воздействия на организм. Например, смерть от «разбитого сердца» не является лишь поэтическим вымыслом. Для человека возможно умереть от разрыва сердца, вызванного чисто психическими причинами.

Спустя столетие, когда, как мы можем надеяться, будет лучше пониматься воздействие рассудка на тело, какой-нибудь ученый, несомненно, сможет определить, была ли или нет более прямая связь между психическими конфликтами Вильсона и его слепотой, чем связь, возникшая вследствие чрезмерной работы. При нашем невежестве в данное время мы можем лишь оставить этот вопрос открытым.

Итак, Вильсону требовался отдых. Он отправляется в Англию, в Ридал, предварительно назначив своего друга Гиббена исполняющим обязанности президента Принстона. В Англии Вильсон встретился с портретистом Фрэдом Уэйтом, в котором он увидел нового Гиббена, Реакция Вильсона была незамедлительной. «Эти двое мужчин, по-видимому, сразу же полюбили друг друга», — писал мистер Рей Стэннард Бейкер. Столь огромное количество пассивности Вильсона по отношению к отцу находило разрядку посредством страстной дружбы; ему требовался кто-либо, кто заменил бы ему любовь Гиббена. Его состояние значительно улучшилось, и начало восстанавливаться зрение. В конце лета он чувствовал себя достаточно хорошо для того, чтобы вернуться в Принстон.

Осенью 1906 года Вильсон возвращается в Америку с решимостью утвердиться на должности руководителя. Эта решимость напоминает ту, с которой он возвратился после болезни в 1896и 1905 годах. И действительно, она проистекала из тех же бессознательных источников — его активность и реактивное образование против пассивности к отцу очень возросли. Он одержим идеей реорганизации всей университетской жизни путем объединения студентов в ассоциации независимо от учебы, по образцам колледжей Оксфорда и Кембриджа.

С теоретической точки зрения многое говорило как в пользу этого предложения, так и против него. Практически требовалось отказаться от привычного американского деления студенческого состава на 4 класса с явно выраженными привилегиями и «классовым духом», требовалась также отмена клубов, которые стали лелеемой отличительной чертой жизни Принстона, и вследствие ожидаемых больших расходов на неопределенное время откладывалась постройка колледжа аспирантуры в соответствии с теми планами, которые были подготовлены Вестом и одобрены Вильсоном. Он, очевидно, понимал, что это вызовет возникновение оппозиции. Но для Вильсона тот факт, что его предложение заключало в себе не просто реформу, подобно наставнической системе, а революцию в университетской жизни, несомненно, делал этот замысел дороже вдвойне. Реактивное образование против пассивности к отцу настолько усилилось за предшествующий год, что требовало выхода через действие, в котором Вильсон мог бы показать себя очень могучим человеком, способным сокрушить любую, даже разумную, оппозицию.

Перед тем как Вильсон предложил утвердить свой план реорганизации, ему пришлось решать другой вопрос, который также непосредственно затронул его реактивное образование против пассивности. Декана Веста пригласили стать президентом Массачусетского института технологии. К этому времени Вильсон был настроен крайне недружелюбно к Весту. Тем не менее он лично написал резолюцию, одобренную советом попечителей, в которой настоятельно просил Веста остаться в Принстоне. Он уверял Веста в том, что «тот незаменим и что он и совет

попечителей надеются, что он останется в Принстоне, видя, с какой любовью к нему здесь относятся». Вест, приняв последнее предложение этой резолюции за ручательство в том, что следующей целью кампании за развитие Принстона будет собрание средств для строительства колледжа аспирантуры, отказался от поста президента Массачусетского института технологии.

Спустя 10 недель после этой резолюции Вильсон предложил свой план реорганизации, который должен был на неопределенное время отложить строительство намечаемого колледжа аспирантуры. Почему он, заранее зная, что собирается сделать исполнение планов Веста невозможным, тем не менее убедительно просил его остаться в Принстоне, является проблемой, которая на первый взгляд представляется загадочной. Ответ становится очевидным, когда вспоминаешь о том, что в это время Вильсон целиком находился во власти своего невроза, его реактивное образование против пассивности требовало выражения столь императивно, что он не мог позволить себе упустить хотя бы одну возможность для его выхода. Вест давал ему великолепный выход. Он был явным отцовским представителем и мог быть использован для выхода бессознательной ненависти к отцу. В его бессознательном поражение Веста означало поражение отца. Те связи, которые устанавливает ненависть, являются не менее прочными, чем узы любви. Агрессивность к отцу является столь же фундаментальной, как и любое другое желание. Ненависть, подобно любви, должна находить выход. Вильсон был привязан к Весту нерушимыми узами ненависти, — узами, которые в действительности стали столь прочными, что связывали его до самой смерти. Он не мог позволить Весту уйти от него. Ему нужен был Вест для выражения ненависти, для поражения и унижения. Он был абсолютно уверен в том, что сможет победить Веста. Поэтому, скрывая свою ненависть, он убедил его остаться в Принстоне, а затем, как гром среди ясного неба, выдвинул свой план реорганизации.

Несколько дней спустя Вест встретил Вильсона и очень решительно высказал свое мнение об этой реорганизации. Вильсон был глубоко оскорблен, и едва не разразилась открытая ссора. Начиная с этого времени отношения между ними стали строго официальными. Вильсон ненавидел Веста интенсивной невротической ненавистью. Осуществление своего плана реорганизации и борьба с Вестом стали главными целями в жизни Вильсона. Чего бы это ни стоило Принстону, он должен был победить этого огромного темноволосого мужчину, который в его бессознательном представлял отца. Его действия на всем протяжении его дальнейшего пребывания на посту президента Принстона определялись этим навязчивым побуждением, которое черпало силу как в его агрессивности к отцу, так и в его реактивном образовании против своей пассивности. Это навязчивое влечение было чрезмерно интенсивным и побуждало Вильсона ко многим странным действиям. Действительно, тот способ, которым бессознательное использует сознательную часть рассудка в качестве инструмента для осуществления влечений либидо, используя рассудок для оправдания действий, желаемых бессознательным, редко когда проявлял себя более наглядно, чем с помощью тех аргументов, которые использовал Вильсон в период между 1906и 1910 годами. Факты прекращали существовать для него, если вступали в конфликт с его бессознательными влечениями.

XI

Итак, Вильсон находился на вершине популярности. Он предложил свой план реорганизации и был абсолютно уверен, что он будет принят. Однако совет попечителей не сразу одобрил его предложение, а назначил комиссию под председательством самого Вильсона для изучения его плана. Вильсон понял, что ему придется бороться против оппозиции, но это не пугало его. Тем не менее он почувствовал переутомление и отправился на Бермудские острова на отдых. Две недели он восстанавливал силы, по воскресеньям читая проповеди в местных церквах. Таким образом, как обычно, он расходовал либидо из своих конфликтующих стремлений активности и пассивности посредством старого выхода через ораторскую деятельность. Вильсон

возвратился в Принстон «хорошо отдохнувшим». 10 июня 1907 года он предоставил на рассмотрение совету попечителей отчет комиссии, в котором предлагалось предоставить ему «полномочия для проведения таких мероприятий, которые будут наиболее разумными в плане разработки его предложения». Первоначально он написал: «В плане разработки и осуществления», но вычеркнул последнее слово ввиду того, что совет попечителей настаивал, чтобы ему была предоставлена «привилегия дальнейшего изучения этого проекта».

В Принстоне тут же началась междоусобица, и Вильсон с ужасом обнаружил, что Гиббен, «друг, которого он прижал к своей груди», находится во враждебном лагере. Мы видели, сколь громадный поток его пассивности по отношению к отцу находил выход через эту дружбу, посредством которой он воссоздал свое детское отношение к отцу, и поэтому нет ничего удивительного в том, что оппозиция Гиб-бена сделала его крайне нервным и несчастным. Маленький Томми Вильсон никогда не осмеливался выступать против своего «несравненного отца», и, когда кто-то из друзей Вудро Вильсона в чем-то с ним не соглашался, этот друг переставал представлять в бессознательном Томми Вильсона.

Вильсон делал все возможное, чтобы убедить Гиб-бена оставаться Томми Вильсоном, но Гиббен обладал одним нетерпимым качеством — собственной волей.

Несмотря на доводы Вильсона, он продолжал выступать против плана реорганизации. 26 сентября 1907 года на собрании факультета Гиббен присоединился к предложению фон Дайка, выступавшего против принятия предложения Вильсона. Председательствующий на этом собрании Вильсон побледнел. «Следует ли это понимать как протест против принятия проекта?» — спросил он твердым голосом, однако с таким видом, как будто едва мог поверить в то, что видит и слышит перед собой. «Именно так, мистер президент», — ответил Гиббен. Эти слова поколебали отношение Вильсона к Гиббену. Тот больше не представлял собой маленького Томми Вильсона. Вильсон более не мог путем отождествления себя с Гиббеном проявлять по отношению к себе ту любовь, которую он жаждал получить от отца. И для собственной защиты от препятствий, мешающих выходу своей пассивности, Вильсон тут же превратил Гиббена в предателя: в человека, которого следовало ненавидеть.

Превращение Гиббена в Иуду, несомненно, способствовало бессознательному отождествлению себя с Христом. Мы видели, что выход потока пассивности Вильсона по отношению к отцу посредством отождествления себя с Христом значительно возрос после смерти преподобного Джозефа Раглеса Вильсона. В той степени, в какой Вильсон в своем бессознательном был Христом, в такой же степени его более молодые друзья были учениками Христа. Джон Гриэр Гиббен, несомненно, был Джоном, любимым учеником. Но когда он в критический момент для карьеры своего учителя присоединился к его врагам, не представляло большого труда превратить его в Иуду Искариота. Так, путем применения механизма, используемого параноиками, Вильсон, который не был психотиком, защитил себя от своей неудовлетворенной пассивности.

Гиббен делал все возможное, чтобы сохранить их дружбу. В течение некоторого времени Вильсон продолжал разговаривать с ним. Затем он полностью прекратил все отношения. Когда спустя годы Гиббена избрали президентом Принстона, Вильсон не послал ему своего поздравления, а также отказался присутствовать на торжествах по этому поводу. Позднее Гиббен пытался осуществить примирение, но Вильсон наотрез отказался. Будучи президентом Соединенных Штатов, Вильсон приехал в Принстон на процедуру голосования. Гиббен подошел, чтобы оказать ему почести. Вильсон взглянул на него и отошел прочь.

Трансформация Гиббена из объекта любви в объект ненависти наглядно иллюстрирует невротическую природу интенсивных дружеских связей Вильсона. Он никогда не преодолел своих детских чувств по отношению к отцу. Он был принужден страстно любить мужчин, которых

отождествлял с маленьким Томми Вильсоном, и страстно их ненавидеть тем или иным образом, когда они переставали быть смиренными по отношению к нему и поэтому представляли уже не его самого, глядящего с благоговением на своего «несравненного отца». Он никогда не мог позволить ни одному из своих друзей быть равным себе в умственном и моральном плане. Гиббен был лишь одним из нескольких страстно любимых им друзей, которых он отверг, после того как они осмелились противоречить ему.

Разрыв с Гиббеном столь тяжело подействовал на Вильсона, что он поклялся в будущем не иметь близких друзей. Но обойтись без проявления своей любви к какому-либо мужчине он не мог. В 1910 году он находит нового Гиббена — белокурого молодого человека по имени Дадли Филд Мэлоун. А в 1911 году его внимание переключается на Эдварда М. Хауза. Отношения с этими молодыми людьми походили на его дружбу с Гиббеном. И конечный результат был таким же. Например, Мэлоун в 1917 году выступал за предоставление женщинам избирательного права, против чего возражал Вильсон. Вильсон никогда больше не разговаривал с Мэлоуном. Все те факторы, которые укрепляли и разрушали эти и другие дружеские связи, можно проследить на примере его любви и ненависти к Гиббену. Все его страстные привязанности являлись по своей сути восстановлением его детского отношения к отцу.

18 октября 1907 года попечители Принстона собрались для того, чтобы вынести окончательное решение по плану реорганизации. Вильсон, находясь в очень нервозном состоянии из-за потери дружбы с Гиббеном, удивил их своей необоснованной претензией на то, что якобы «основной замысел и цель этого плана» были уже ими приняты, так как была одобрена его резолюция о «разработке» этого плана. Это утверждение Вильсона, по-видимому, знаменовало начало его умственной дегенерации, которая привела его к подписанию Версальского договора, а затем заставила его назвать этот договор «несравненным осуществлением чаяний человечества», «первым договором, когда-либо сделанным великими державами, который был заключен не ради их выгоды», «99%-ной гарантией против войны». Он явно забыл, что был вынужден вычеркнуть из своей резолюции слово «осуществление», так как один из попечителей настаивал на том, чтобы совету предоставили «возможность дальнейшего обсуждения этой проблемы».

Указание на источник такого искажения фактов является необходимым не потому, что этот инцидент сам по себе важен, а потому, что искажение фактов стало неотъемлемой чертой характера Вильсона. Остаток его жизни отмечен тысячами искаженных, игнорируемых или забытых фактов. Для обсуждения всех их потребовался бы огромный том, а у нас нет желания загромождать это психологическое исследование детальным изучением его многочисленных умственных ошибок. Однако представляется необходимым обсудить одно его типичное искажение.Возможно, тогда читатель сможет открыть для себя источники его позднейших искажений.

Мы видели, что начиная с детства и далее Вильсон имел склонность жить в мире фраз, а не фактов. Поэтому для него было легко искажать, игнорировать, забывать или изобретать факты, если действительность приходила в конфликт с его влечениями. Искажение действительного положения дел в силу сделанного им утверждения о том, что попечители Принстона уже одобрили «основной замысел и цель» его плана реорганизации, было вызвано крайне сильными влечениями. Ранее большая доля его пассивности к отцу находила выход посредством любви к Гиббену. Он лишился этого выхода. Даже до потери дружбы с Гиббеном его реактивное образование, необходимое для вытеснения его пассивности, было огромным. Усиление вытеснения пассивности, вызванное потерей дружбы с Гиббеном, требовало дальнейшего усиления реактивного образования для ее подавления. Неудивительно, что это реактивное образование превысило нормальные границы и ему приходилось отбрасывать любой факт, который стоял на пути немедленной разрядки либидо из этого «аккумулятора». Если бы попечители ранее одобрили

основной замысел и цель плана реорганизации, то этот план был бы уже частью официальной программы При-нстона и, таким образом, были бы установлены выходы для реактивного образования Вильсона. Он желал установления этих выходов, поэтому и исказил фактическое положение дел. Он убеждал попечителей, что план реорганизации может быть отменен только путем принятия резолюции: отменяющей их решение, которое якобы было принято ими ранее. Его интеллект в этот момент был орудием его бессознательных влечений, и ничем большим. Однако попечители не забыли, что слово «осуществление» было вычеркнуто из резолюции Вильсона. Они не захотели уступать, проголосовав, за исключением одного человека, против его предложения.

Вильсон был в ужасе.. Он оставил Веста в Принсто-не для того, чтобы доказать ему свое превосходство. Поражение закрывало выходы для реактивного образования против пассивности к отцу. Далее, для его Су-пер-Эго это поражение было непереносимым. Более того, он лишился дружбы с Гиббеном и, вследствие этого, основного выхода для своей пассивности к отцу. Конфликт в Эго между этими потоками неудовлетворенного либидо сразу же стал невыносимым.

Перед сознательной частью его рассудка встали проблемы, столь же трудные для разрешения, что и проблемы в его бессознательном. Он понимал, что более не может надеяться на принятие своего плана реорганизации и что популярность, к которой он так стремился, потеряна. Оставаться президентом Принстона казалось для него несовместимым с уважением к себе.

Он написал письмо с прошением об отставке, но не отослал его, так как в этот момент у него не было на примете какого-либо иного места работы. Вильсон был в отчаянии и даже начал думать о возвращении к юридической практике. Он как никогда нуждался в отцовском совете. И в этот тяжелый момент к нему пришел на помощь преподобный Менанчтон В. Якобус. «Я верю, что провидение вскоре ниспошлет мне некоторое указание и что я смогу воспринять и понять его смысл», — писал Вильсон 23 октября 1908 года д-ру Якобусу. В одном из последующих писем он написал: «Я никогда не думал о том, чтобы хоть на мгновение прекратить борьбу». Мысль об отставке была отброшена. Он решил как свои сознательные, так и бессознательные проблемы. Его Эго нашло способ для разрешения его бессознательного конфликта. Он никогда не преодолел этот образец поведения, на котором впоследствии зафиксировался его характер, поэтому имеет смысл подробно исследовать эту фиксацию.

Мы видели, что подчинение Богу и бессознательное отождествление себя с Христом были единственными двумя каналами для его пассивности по отношению к отцу, по которым все еще свободно могло выходить его либидо. После потери дружбы с Гиббеном усиление потока либидо через эти каналы было неизбежным, если исходить из чисто экономических причин: заряду либидо просто некуда было идти. Выход либидо, посредством отождествления себя с Христом, еще более увеличился после превращения им Гиббена в Иуду Искариота. В течение последующих лет его жизни через бессознательное отождествление им себя с Христом выходила большая доля его либидо.

Однако буквальный переворот в характере Вильсона, совершенный его Эго, был направлен против пассивности к отцу. Он никогда ранее не применял какого-либо явного выхода для своей мужественности. В своем бессознательном он ранее отождествлял отца с Богом, но никогда ранее не отождествлял себя с Богом. Под давлением поражения он стал в своем бессознательном Богом-Отцом, так же как и Богом-Сыном. Та чрезмерная уверенность в собственной правоте, способность беспринципно рваться к власти, которые начинают характеризовать его жизнь, не оставляют никакого сомнения в том, что произошло в его бессознательном. Он не смог превзойти Веста, но он стремился к этому. Поэтому он превзошел Веста в своем бессознательном. Он стал Богом. Начиная с этих пор одна часть его бессознательного никогда не переставала говорить ему: «Ты — Бог. Ты превосходишь всех людей.

Все, что ты делаешь, правильно, так как это делаешь ты». В течение последующих лет

жизни большая доля его активности по отношению к отцу и реактивное образование против пассивности находили выход посредством этого отождествления себя с Богом. Для читателя, возможно, трудно представить, что мужчина может одновременно отождествить себя с Богом-Отцом и с Богом-Сыном. Для бессознательного такие парадоксы не представляют никакой трудности.

Именно с этого времени в характере Вудро Вильсона проявилась необычно ярко выраженная божественность. Его Супер-Эго требовало, чтобы он совершил божественные подвиги; его пассивность к отцу требовала выхода через подчинение Богу и отождествление им себя с Христом; его активность и реактивное образование против пассивности находили выход через отождествление себя с Богом. Неудивительно, что он начал чувствовать себя выше таких человеческих ограничений, как уважение к фактам. Душой он был на небе, а ногами карабкался вверх к величию по скользскому хребту, который лежал между неврозом и психозом.

Принятое им решение по поводу мирских трудностей несет на себе отпечаток его внутреннего самообожествления. Пять лет тому назад, отвечая одной леди, которая ходатайствовала за своего сына, говоря, что она умрет, если сына исключат из Принстона, он высокопарно, но явно искренне сказал: «Если бы мне пришлось выбирать между вашей и моей жизнью или чьей-либо еще жизнью и благом для этого колледжа, я выбрал бы благо для колледжа». Но для Вудро Вильсона, который в своем бессознательном был Богом, Прин-стон сам по себе не был конечной целью, а являлся лишь средством к достижению такой цели. Он решил остаться в Принстоне и помешать Весту основать колледж аспирантов, о котором тот мечтал, а также не отказался и от продолжения борьбы за свой план реорганизации. Он надеялся, что борьба независимо от того, выиграет ли он, что было маловероятным, или проиграет, что было почти неизбежным, в любом случае приведет к избранию Вудро Вильсона кандидатом от демократов на пост президента Соединенных Штатов. Он намеревался отомстить за свое поражение в области «малой государственной службы» победой в области большой государственной службы. Настоящая поддержка была оказана Вильсону полковником Джорджем Гарви, тем самым Гарви, который 3 февраля 1906 года предложил выдвинуть его кандидатом на пост президента США, а теперь собирал поддержку для него среди консервативных демократов. В стране росла волна протеста против плутократической верхушки. Таким образом, Вильсону было необходимо, не потеряв расположение консерваторов, заручиться поддержкой и прогрессистов-демократов, чья сила стремительно росла. Дискуссия по поводу плана реорганизации давала ему возможность убить сразу двух зайцев.

Вильсон начал турне выступлений в ноябре, как бы с целью обращения к «жителям избирательного округа Принстона» для получения поддержки своему плану реорганизации. Он представил вопрос в таком свете, как если бы он заключал в себе борьбу между бедной демократической Америкой, которую олицетворяет он, и плутократами-снобами, таким образом расположив к себе прогрессистов. В то же самое время он не забывал задобрить нью-йоркских консерваторов, делая специфические политические высказывания, подобно его заявлению 19 ноября 1907 года: «Я приписываю финансовую панику, царящую в настоящее время, агрессивному отношению законодательства к железным дорогам». Таким образом, посредством своих речей он не только находил выход для своей ненависти к Весту, представляя его и его сторонников пособниками плутократической верхушки, но также преподносил себя как поборника за права демократически настроенных бедняков. Та ловкость, которую он проявил в достижении своей цели в это время и позднее, замечательна. Мы не можем сказать, что она была неожиданной. Его обильный нарциссизм всегда делал его крайне чувствительным ко всему, что могло повлиять на его карьеру. Даже до того, как он стал Богом в своем бессознательном, он смог улучшить благосостояние земного Вудро Вильсона. Благосостояние Принстона, который он представил

перед публикой как место проживания плутократов и снобов, от этого не улучшилось.

В январе 1908 года у Вильсона снова наблюдался упадок сил. Жена приписала его «потере друга, которого Вильсон прижал к своей груди». Возможно, она была права. Он не нашел какой-либо адекватной замены Гиббену; и, несомненно, к упадку сил привела его неудовлетворенная пассивность по отношению к отцу. Он отправился на Бермудские острова, мучимый нервозностью, невритом, головной болью и желудочными расстройствами. В конце февраля он возвратился в Америку и снова интенсивно начал выступать. Его здоровье не улучшалось, а к июню 1908 года значительно ухудшилось.

Разве он мог в это время предполагать, что спустя 10 лет мир будет приветствовать его как нового спасителя человечества. Однако достижение Вильсона далеко не является уникальным. На протяжении человеческой истории много невротиков внезапно приходили к власти. Часто в жизни требуются в большей степени те качества, которыми обладает невротик, нежели те, которыми обладают здоровые люди. Поэтому с точки зрения достижения «успеха в жизни» психическое расстройство в действительности может быть преимуществом. Более того, невротический характер Вильсона очень хорошо удовлетворял требованиям его времени. Америка, а затем и весь мир нуждались в пророке. И мы не должны забывать, что Вильсон обладал этими качествами вследствие своих дефектов: если его пассивность по отношению к отцу была чрезмерной, то активность, развиваемая его реактивным образованием против пассивности, даже превзошла его пассивность и позволяла действовать ему с грубой мужественностью; если его бессознательная уверенность в том, что он — Бог, поднимала.его над реальностью, она также порождала могучую уверенность в себе; если нарциссизм делал его непривлекательным как человека, он порождал его сосредоточенность на своей особе, что помогало поддерживать небольшой запас физической энергии и использовать все то, что у него было, для собственного продвижения; если его громадный интерес к публичным выступлениям был до некоторой степени смешным, то он же породил способность влиять на толпу словом; если Супер-Эго терзало его, требуя, чтобы он свершил невозможное, то оно же привело его к значительным свершениям. Однако невроз является непрочной основой, на которой можно строить жизнь. Хотя история полна именами невротиков, они обычно так же внезапно лишались своего положения. Вильсон не был исключением из этого правила. Те качества, которыми он обладал вследствие своих недостатков, привели его к власти; но те дефекты, которые сопутствовали этим качествам, привели его в конечном счете к огромному фиаско.

XII

В дальнейшем исследовании Вильсона мы будем больше внимания уделять некоторым наиболее явным последствиям, вытекающим из его качеств и недостатков, причины которых, как мы считаем, теперь нам понятны. Мы не будем указывать на какие-либо новые отождествления, сублимации или вытеснения, так как в оставшейся части жизни Вильсона мы не обнаруживаем их. Конечно, у него были новые друзья, новые враги, новая деятельность и новая жена. Но они были, так сказать, просто новыми мехами для старого вина. Вильсону исполнился 5 1 год, он был некрасивым, болезненным, «ревностным» пресвитерианцем, мало интересовался женщинами и абсолютно равнодушно относился к еде, вину, музыке, искусству или спорту, зато проявлял чрезмерный интерес к риторике, своей особе, карьере и к Богу. Он остался таким же, каким был в 1908 году.

В целях восстановления душевного и физического здоровья Вильсон колесил на велосипеде по южной Шотландии. К середине августа он был достаточно здоров и решил навестить Эндрью Карнеги, проживавшего в то время в Шотландии, в замке Скайбоу. Он надеялся получить от него те миллионы, которые были необходимы для осуществления системы плана реорганизации Принстона, и таким образом поставить Веста и попечителей перед необходимостью либо принять

план реорганизации, либо отказаться от огромного дара. Но он не получил от Карнеги никаких средств и был недоволен тем, как его приняли в замке, считая, что к нему отнеслись с недостаточным уважением.

Гровер Кливленд, 22-й президент Соединенных Штатов, самый выдающийся деятель из попечителей Принстона, умер в то время, когда Вильсон находился еще на пути в Шотландию. Вильсон восхищался Кливлендом, доходя в этом почти до низкопоклонства, до тех пор пока Кливленд не поддержал Веста. Услышав о смерти Кливленда, Вильсон писал: «Я не думаю, что знание того, как он разочаровал нас и не оправдал наших надежд в течение последних двух лет... помешает моему восхищению его великими качествами и его необычной прекрасной карьерой». Однако воспоминание об оппозиции Кливленда все же «мешало его восхищению» им на протяжении всей его последующей жизни. В речи, которую Вильсон произнес по возвращении осенью этого года в университет, он ни словом не упомянул о смерти Кливленда и в противоречии с традицией Принстона не отдал распоряжения провести службу в память Кливленда. Его ненависть к Весту была достаточно большой для того, чтобы включить в себя всех сторонников избранного им врага.

Смерть Кливленда лишила Веста самого влиятельного сторонника в совете попечителей, и в феврале 1909 года Вильсон осмелился нанести прямой удар по своему заветному отцовскому представителю. Он убедил попечителей передать контроль над отделением аспирантуры из рук декана совету факультета, который назначался без согласования с деканом, хотя тот оставался председателем этого совета. Вест заявил протест, сказав, что такая акция несправедлива по отношению к нему. Вильсон ответил: «Мне бы хотелось довольно твердо сказать декану, что ему следует спокойнее относиться к тем процессам, которые происходят в университете». Тогда Вест напомнил о том, как его просили остаться в Принстоне в 1906 году. На что Вильсон сказал: «Не следует придавать слишком большого значения бумажкам». Бог-Отец действовал.

На это Вест сделал ответный ход, который ранее пытался сделать Вильсон. Тот дар, который не удалось получить Вильсону от Карнеги, Вест получил для своего проекта от Уильяма Купера Проктера. 10 мая 1909 года Вест передал Вильсону письмо от Проктера, в котором тот предлагал полмиллиона долларов для постройки колледжа аспирантов при условии, что этот проект будет разрабатываться по плану Веста и будут собраны дополнительные полмиллиона долларов для его постройки и что место для колледжа должен одобрить Проктер. Почти сразу же были обещаны дополнительные полмиллиона долларов от друзей Принстона, так что Вильсон столкнулся с дилеммой: либо признать свое полное поражение, либо отказаться от миллиона долларов для сооружения того самого колледжа аспирантов, постройку которого он первоначально одобрял.

Университет столь длительное время нуждался в отвечающем современным требованиям колледже аспирантов, что предложение о пожертвовании денег для его постройки было встречено с восторгом всеми сотрудниками Принстона. Такой колледж должен был повысить престиж Принстона в мире науки, и представлялось невообразимым, что кто-то попытается подвергнуть сомнению ценность этого дара. Вильсон, находящийся в плену своей навязчивости, все же выступил против. Он не мог позволить Весту победить его, чего бы это ни стоило Принстону. Он выступил против принятия дара Проктера. И снова его бессознательное начало использовать рассудок для нахождения оправданий для желаемых им действий.

Проктер хотел, чтобы колледж строился либо в Мервике, где проживали большинство аспирантов, либо на месте площадок для игры в гольф, которые находились примерно в полумиле от университетских зданий. Рассудок Вильсона, находящийся в плену реактивного образования против пассивности к отцу, заставил его занять твердую моральную позицию против постройки колледжа на том основании, что его постройка на территории университетского городка будет

огромным успехом и победой сил демократии, в то время как его возведение в полумиле к востоку явится страшным поражением и подчинением нажиму плутократов-снобов. В результате его доводов число людей, противостоящих принятию дара Проктера не очень-то возросло, и тогда он придумал другое высокоморальное оправдание для своего отказа принять этот дар. Он утверждал, что принятие даров на каких-либо условиях на самом деле означает преклонение чистой науки перед золотым мешком. Так как он ранее с радостью принял наследство Свэнна для постройки колледжа аспирантов, которое содержало намного более жесткие требования, чем дар Проктера, это утверждение Вильсона звучало малоправдоподобно и мало кого убедило. Затем он перешел к юридическим увертками, утверждая, что если строительство будет вестись на площадках для гольфа, то это будет означать потерю дара Свэнна, который настаивал на постройке колледжа аспирантов на территории университета, а в то время, когда был сделан этот дар, эти площадки еще не принадлежали университету. 21 октября 1909 года совет попечителей проголосовал за принятие дара Проктера в том случае, если будет удовлетворительно решен этот юридический вопрос. Комиссия из девяти видных адвокатов решила его против Вильсона, и казалось, что он потерпел поражение.

Однако навязчивость не зря называется навязчивостью. Она подчиняет себе деятельность. Вильсон вынужден был пытаться победить Веста. Он не достиг какого-либо успеха с помощью своих высокоморальных аргументов и юридических увертоk. В день Пасхи 1909 года он попробовал применить угрозу. Он написал мистеру Мозесу Тэйлору Пайну письмо, в котором угрожал выйти в отставку в том случае, если не будет изменено постановление совета попечителей от 2 1 октября. Истинная причина его противодействия дару Проктера, которую он ранее пытался скрыть с помощью высокоидейных соображений, наконец-то была названа в этом письме: «Идея постройки колледжа аспирантов, по поводу которой ведется столь много споров, была первоначально задумана Вестом, и изменение его взглядов и целей немало способствовало тому, что он лишился доверия своих академических коллег. К данному моменту он полностью лишился их доверия, и ни одно мероприятие, проводимое им в соответствии с его целями, в настоящее время не может иметь успеха. Действительно, ничто, задуманное им, не может в настоящее время иметь успеха». Вильсон крайне не желал открывать истинную причину своего противодействия. Спустя неделю после написания письма м-ру Пайну он писал другому попечителю: «Если мы недвусмысленно перенесем этот спор на почву наших разногласий с Вестом и всего того, что он поддерживает, то, как мне кажется, наши друзья истолкуют этот акт почти наверняка неправильно и будет значительно подорван наш авторитет... Действительно, мы теперь знаем, что дар м-ра Проктера был сделан для того, чтобы привести к власти Веста, но мы не можем сделать это предметом публичного обсуждения». Он понимал, что, если всем станет известно, что он предпочитает, чтобы Принстон потерял один миллион долларов, выделенных на постройку колледжа аспирантов, его положение в «избирательном округе Принстона» станет непрочным.

Попечители до некоторой степени были напуганы его угрозой отставки. Они уже предчувствовали ту критику, которую он может развернуть против них и Принстона, если уйдет со своего поста в ореоле мученика.

Следует также отметить, что принятие его отставки улучшило бы его политические шансы. Полковник Гарви был уверен в том, что сможет убедить босса Смита из Нью-Джерси поддержать избрание Вильсона на пост губернатора этого штата в сентябре текущего года. Если бы Вильсону удалось выступить в роли жертвы плутократов-снобов, его шансы получить поддержку от прогрессистов-демократов на выдвижение его кандидатуры на пост президента США, несомненно, бы возросли. Поражение в области «малой государственной службы» помогло бы ему в области большой государственной службы. Он знал об этом, когда угрожал подать в отставку.

Его личное положение было намного более прочным, чем в 1908 году, когда был выдвинут его план реорганизации. И не только его политические перспективы были обнадеживающими. Он также получил приглашение стать президентом университета Миннесоты. Ему больше не угрожало возвращение к юридической практике в Виргинии. В противном случае его осторожный нарциссизм, по-видимому, не позволил бы ему пригрозить отставкой.

Желая избежать различных осложнений, попечители искали компромиссное решение вопроса. 13 января 1910 года перед собранием попечителей собрался совет факультета, заведующий аспирантурой. Вильсон сообщил совету, что он предлагал Проктеру компромисс: согласиться на строительство колледжа на месте площадок для игры в гольф, в то время как дар Свэнна будет использоваться для постройки второго колледжа аспирантов на территории университета. Проктер отказался от такого предложения. Тогда м-р Пайн зачитал письмо от Проктера, в котором говорилось, что, не желая, чтобы постройка колледжа сорвалась, он согласен принять предложение Вильсона о строительстве двух колледжей аспирантов. Вильсон был ошеломлен. После некоторого смущения он сказал, что, так как м-р Про-ктер уже однажды отклонил его предложение, этот вопрос не должен подниматься заново, открыв, таким образом, неискренность своих маневров. Затем, значительно изменив прежний образ действий, он объяснил, что в обсуждении не было достаточной откровенности. «Вопрос о месте постройки не является столь важным. При должном содействии со стороны моего факультета это строительство будет иметь успех в любом месте округа Мерсер. Вся соль проблемы заключается в том, что идеи и идеалы декана Веста не являются идеями и идеалами Принстона». Принимая во внимание его привычку облекать свои желания в покров идеалов, он едва ли мог сказать более ясно: «Вся трудность заключается в том, что я ненавижу Веста».

Некоторые из попечителей, поняв это, были в дальнейшем достаточно решительны в срывании покрова идеалов с ненависти Вильсона. Ему напомнили о его неоднократном публичном одобрении плана декана Веста и особенно о написанном им вступлении к брошюре Веста относительно «перспектив развития» университета. Вильсон ответил, что, когда он писал вступление, он не читал эту брошюру. И снова память сработала в его интересах. Вновь он исказил факт. Действительно, в основу его вступительного слова лег почти целиком один из параграфов отчета перед советом попечителей от 2 1 октября 1902 года. В то время брошюра Веста еще не была закончена. Но как только Вильсон ознакомился с этой работой, он внес существенные изменения в ранее написанный текст вступительной статьи.

Противники Вильсона среди попечителей, опасаясь, что в результате всех этих дрязг усилятся публичные нападки на Принстон и на них лично, приняли решение назначить комитет во главе с самим Вильсоном для рассмотрения этого вопроса и отчета перед советом. В этот комитет Вильсон включил трех своих сторонников и двух оппонентов. Они подготовили отчеты большинства и меньшинства, так что все было готово для окончательного поражения Вильсона на назначенном заседании совета попечителей 10 февраля 1910 года. Но за неделю до этого жители избирательного округа Принстона были возмущены, прочитав в передовой статье «Нью-Йорк тайме» о нападках на университет. Ни у кого не вызывало сомнений, что вдохновителем их был либо Вильсон, либо кто-то из его окружения. Друзья Вильсона с негодованием отрицали свое отношение к статье. Однако на самом деле один из сторонников Вильсона профессор Робер Рут предложил эту передовую статью редактору м-ру Герберту Б. Брохэму, предварительно заручившись одобрением Вильсона, который не только дал добро на ее публикацию, но и внес некоторые изменения. Таким образом, м-р Брохэм стал одним из доверенных лиц Вильсона, Публикация статьи была явно рассчитана на то, что Проктер, прочтя ее, откажется субсидировать строительство. Именно так все и получилось. Негодуя на действия Вильсона, в феврале 1910 года за четыре дня до того, как должен был собраться совет попечителей, м-р Проктер отказался от

своего предложения.

Вильсона переполняла радость. Принстон потерял миллион долларов для постройки колледжа аспирантов, но зато он, Вильсон, победил Веста. Он убедил себя в том, что одержал громадную моральную победу, и, по-видимому, не испытывал никаких угрызений совести. Действительно, его рассудок, повинующийся либидо, которое питало его реактивное образование против пассивности к отцу, был в состоянии убедить его, что, лишив Принстон миллиона долларов для постройки колледжа аспирантов, он содействовал процветанию университета. Измученный, но в радостном настроении он отплыл 14 февраля 1910 года на Бермудские острова. Впервые в жизни его начали мучить галлюцинации. В своем письме жене он жаловался: «Я не осознавал, пока не добрался сюда, как тяжело отразились на мне события последнего месяца... Беспокойство, скрытое в моем рассудке, выходит на поверхность в сновидениях. Каждую ночь не прекращается изнуряющая борьба с моими врагами по колледжу...»

Вильсон вернулся в Америку в начале марта и обнаружил, что многие из его коллег уже в курсе истинной причины потери колледжа аспирантов и что растет враждебное отношение к нему среди жителей «избирательного округа Принстона». Он победил Веста, но применявшиеся им методы пошатнули его положение в Принстоне. Через полковника Гарви он уже вступил в переговоры с боссом демократов из округа Эссекс относительно выдвижения своей кандидатуры на пост губернатора штата Нью-Джерси, но этот вопрос еще не был окончательно решен. Он решил начать предвыборное турне, преследуя двойную цель: «оправдать свой отказ от постройки колледжа аспирантов и поднять свой политический престиж как врага снобов-плутократов». Чем далее продвигались переговоры Гарви со Смитом, тем менее в речах Вильсона затрагивались вопросы образования и тем больше в них было политики. После того как его речь, произнесенная 7 апреля перед собранием выпускников Принстона в Нью-Йорке, вместо аплодисментов, к которым он привык, была встречена враждебным молчанием, он заметил: «Кстати, я не вижу никакой необходимости держаться за эту работу. Передо мной открываются большие политические перспективы».

14 апреля 1910 года на собрании совета попечителей Вильсону пришлось убедиться в том, что его победа над Вестом была более кажущейся, нежели реальной. Поддерживаемое им предложение относительно отделения аспирантуры и передачи дополнительной власти в ней совету факультета было отвергнуто. В то же время вновь был поднят вопрос о деньгах Проктера. Предлагалось убедить Проктера пересмотреть свой отказ от дара. С этого собрания Вильсон ушел вне себя от ярости. Он понимал, что отказ от колледжа аспирантов бьет по нему же. Ранее он считал, что Вест был окончательно побежден. Теперь было очевидно, что позиции Веста стали еще прочнее, чем ранее. Представлялось вероятным, что, если Проктер возобновит свое предложение, оно будет принято, несмотря на его оппозицию: Вест победит его.

То смятение в рассудке Вильсона, которое было вызвано вновь возникшей угрозой победы Веста, отразилось в его речи, произнесенной 2 дня спустя перед принстонским клубом Питтсбурга. Это была яростная попытка получить политическую поддержку прогрессистов. Очевидно, она проистекала из осознания того факта, что ему придется смириться с поражением в области «малой государственной службы», добившись победы в области большой государственной службы. В течение многих лет Вильсон лелеял мечту оставить учебную деятельность и заняться политикой. Переход с поста президента Принстона на пост губернатора штата Нью-Джерси, который давал ему шанс стать президентом Соединенных Штатов, принес бы огромную радость, если бы не его неудовлетворенная ненависть к Весту. Он все еще не мог позволить Весту победить себя. Его навязчивость была столь же активной, как и ранее. Никакой триумф, каким бы огромным он ни был, не мог полностью удовлетворить его, пока не был побежден Вест.

18 мая 1910 года умер Исаак Л. Уаймен и по завещанию оставил примерно 2 миллиона долларов на постройку колледжа аспирантов, назначив Веста одним из 2 своих доверенных лиц. Вильсон чувствовал себя раздавленным. Он уже подумывал, как бы противодействовать принятию этого дара, но вскоре осознал, что вряд ли сможет убедить попечителей принять свою сторону. Проктер возобновил свое предложение. Вест одержал победу. Вильсон покорился.

Он не сразу ушел с поста президента Принстона, так как не был вполне уверен в своем выдвижении на пост губернатора штата Нью-Джерси. Босс Смит относился к нему с явной неприязнью, называя «пресвитерианским пастором». Босс не давал какого-либо определенного обещания и опасался, что Вильсон, став губернатором, попытается его уничтожить. Он требовал от Вильсона заверения в своей преданности. Вильсон дал такую гарантию, написав 23 июля 1910 года одному из агентов Смита следующее: «Я с большой готовностью заверяю м-ра Смита в том, что, если меня изберут губернатором, я не стану вести борьбу и разрушать существующую демократическую организацию, заменяя ее собственной организацией». Смит признал такое заверение «вполне подходящим» и, положившись на него, согласился отдать предписание на выдвижение кандидатуры Вильсона на пост губернатора штата Нью-Джерси.

На церемонии закладки колледжа аспирантов Вильсон изо всех сил сдерживал свои эмоции, но, когда слово взял представитель от группы аспирантов, на его глазах показались слезы.

Осенью Вильсон оставил Принстон, чтобы начать политическую карьеру, к которой он стремился с того самого дня, когда прикрепил портрет Гладстона над своей партой. Но воспоминания о Принстоне и Весте не оставляли его. Снова и снова в его разговорах и снах появляется Вест. Во время первой мировой войны ему снилось, что он «сражается» с Вестом. В конце жизни имя Веста все еще приводило его в ярость. Перед смертью он опять же видел во сне Веста, Его агрессивность по отношению к отцу и реактивное образование против его пассивности по отношению к отцу в ходе жизни нашли много новых выходов, но часть этих потоков либидо продолжала оставаться фиксированной на Весте. Несмотря на все его усилия, этот темноволосый человек победил его. В сердце Вильсона всегда оставалась незаживающая рана. Он называл ее Вестом. На самом деле она была преподобным Джозефом Раг-лесом Вильсоном.

XIII

Итак, босс Смит, полагаясь на обещания Вильсона не пытаться разрушить его власть, предписал, хотя и без особого энтузиазма, выдвинуть кандидатуру Вильсона на пост губернатора штата Нью-Джерси. 15 сентября 1910 года Вильсон получил голоса тех демократов, которых контролировал Смит. 7 недель спустя Вильсон, избранный губернатором штата Нью-Джерси, начал борьбу со Смитом. Спустя 7 месяцев после данного им обещания не разрушать организацию Смита он полностью разрушил ее. Вильсон понимал, что его политический статус и шанс быть выдвинутым от демократов на пост президента США возрастут, если он станет известен как человек, положивший конец власти Смита. Так как он считал, что является представителем Бога на земле, для него было нетрудно поверить в то, что продвижение его собственной карьеры является более высокой моральной обязанностью, нежели верность данному им слову. Позднее он часто спорил со своими близкими, утверждая, что ложь оправданна в случаях, когда речь идет о чести женщины либо благосостоянии нации. Считая, что благосостояние нации может быть достигнуто лишь при условии его собственного руководства ею, он придерживался этого же принципа в случаях, от которых зависела его карьера.

Когда Вильсон начал борьбу со Смитом, он впервые близко столкнулся с Джозефом П. Тьюмалти, способным молодым католиком-юристом, который позднее стал секретарем в Белом доме. Тьюмалти, считая Вильсона человеком Смита, препятствовал его избранию, но, когда Вильсон начал борьбу со Смитом, Тьюмалти стал страстно предан ему и оставался его верным другом в последующие годы. В привязанности Вильсона к Тьюмалти всегда имел место

некоторый элемент недоверия. Он любил Тьюмалти и высоко ценил его проницательность как политика; но, несмотря на тот факт, что Тьюмалти был ниже него ростом, моложе и к тому же блондином, а также относился к Вильсону с уважением, напоминавшим восхищение Томми Вильсоном своим «несравненным отцом», он никогда не раскрывал перед Тьюмалти свою душу, из которой выбросил Гиббена. За периодами большой близости Вильсона с Тьюмалти всегда следовали периоды отчуждения. Он не взял бы Тьюмалти с собой в Белый дом, если бы не влияние, оказанное на него миссис Вильсон.

Определение такого источника чередующейся любви и недоверия по отношению к Тьюмалти представляется на первый взгляд довольно трудной задачей. Здесь могло быть задействовано большое число факторов. Тьюмалти имел обыкновение быть откровенным с Вильсоном, и его недостаточное послушание, возможно, вызывало недовольство Вильсона. Тьюмалти был католиком, а Вильсон обладал свойственным пресвитерианцам недоверием к католикам. Однако когда исследуешь их отношения с первого до последнего дня, то сталкиваешься с некоторыми фактами, которые приводят к иной оценке этих отношений. Однажды Вильсон, выйдя из комнаты, в которой только что умерла его жена, зарыдал на плече Тьюмалти, говоря: «О, Джо! Ты знаешь лучше, чем кто-либо еще, что значит для меня ее смерть!» Он пригласил Тьюмалти переселиться в Белый дом.

После своего вторичного брака и переизбрания на пост президента Вильсон высказал свое недовольство работой Тьюмалти и даже предложил ему подать в отставку, но был столь тронут его слезами, что взял назад свои слова. Он отказался взять Тьюмалти на мирную конференцию, но оставил его своим секретарем. Позже он все же избавился от него, обвинив во лжи и неверности в дружбе. Все эти факты указывают на глубокую эмоциональную основу перемежающейся привязанности и недоверия, которые Вильсон ощущал к Тьюмалти, нежели просто недостаточное послушание со стороны Тьюмалти и религиозную предубежденность Вильсона. Если вспомнить тот факт, что схожие имена почти всегда вызывают отождествления в бессознательном, когда имеется хотя бы небольшое сходство между носителями этих имен, почти неизбежным становится заключение о том, что амбивалентные чувства, которые питал Вильсон к Тьюмалти, проистекали, как мы уже отмечали, из того, что Тьюмалти звали, подобно младшему брату Вильсона, Джо. Представляется вероятным, что в бессознательном Вильсона Джо Тьюмалти представлял его младшего брата, рождение которого возбудило в Вильсоне смешанные чувства любви, неприязни и ощущение предательства, и что Тьюмалти, будучи отождествляем с Джо Вильсоном, стал вместилищем этих эмоций. После того как Вильсон разрушил власть босса Смита и торжественнр провозгласил программу прогрессивного законодательства, он решил выдвинуть свою кандидатуру на пост президента США. Он отправился в предвыборное турне на Запад. Чем дальше он отъезжал, тем более радикальными становились его речи, пока он не начал ратовать в защиту ряда мер, против которых совсем недавно выступал. Он объяснял непоследовательность своих высказываний тем, что узнал много нового, и это заставило его изменить свои взгляды. Он знал, что волна радикализма, затоплявшая страну, продвигалась столь быстро, что он не мог бы надеяться быть избранным кандидатом в президенты США от демократов, если не будет находиться на гребне этой волны или по крайней мере чуть позади.

Тем временем его кампания на Востоке успешно прогрессировала. Гарви, как обычно, был занят. Уильям Ф. Маккомбс, молодой юрист, который учился под началом Вильсона в Принстоне, создал в Нью-Йорке комитет для ведения предвыборной кампании по избранию Вильсона президентом. Маккомбс боготворил Вильсона, говоря, что тот оказывает на него почти гипнотическое воздействие. Вильсон не любил Маккомб-са. Однажды после разговора с Маккомбсом он писал, что у него такое чувство, «будто вампир сосал из него кровь». Но он был рад использовать Маккомбса или любого другого человека, который мог помочь ему стать

президентом США. Среди тех людей, которых он надеялся привлечь для достижения этой цели, был известный политик полковник Эдвард М. Хауз, который имел большое влияние в штате Техас, Он добился встречи с Хаузом, которая состоялась в Нью-Йорке 2 4 ноября 1911 года.

Вильсону снова «не хватало» друга, которого бы он мог «прижать к своей груди». Потеря Гиббена оставалась незаживающей раной в его эмоциональной жизни. 12 февраля 1911 года он писал: «Почему не заживает эта рана в моем непослушном сердце? Почему я оказался столь недальнозорким и достаточно глупым, чтобы любить людей, которые оказались мне неверны, и не могу любить, а могу лишь с признательностью восхищаться теми, которые являются моими истинными друзьями... Возможно, лучше любить людей в массе, нежели индивидуально». Когда Гиббена избрали президентом Принстона, Вильсон с горечью писал: «В университете случилось худшее из всего, что можно было ожидать. Гиббен был избран президентом!» Он не разговаривал с Гиббеном, но поселился рядом с ним в Принстоне, а не в Трентоне, столице штата. 1 апреля 1911 года он писал: «Нам повезло, что мы нашли такое место, я уверен, что найду здесь отдохновение, даже если моими ближайшими соседями являются Гиббены». На своих невидимых скрижалях его бессознательное, несомненно, записало: «Так как моими ближайшими соседями являются Гиббены». Очевидно, что он все еще был связан с Гиббеном могучими амбивалентными влечениями. Значительная доля его либидо все еще текла по направлению к Гиббену и не находила выхода. Он очень нуждался в заместителе «друга, которого он прижал к своей груди».

24 ноября 1911 года Вильсон приехал в Нью-Йорк-Сити и поселился в отеле «Готэм», решив обратить свою любовь на Хауза. Он сразу же перенес на Хауза то либидо, которое ранее находило разрядку через Гиббена. Хауз писал в своем дневнике: «Спустя несколько недель после нашей встречи мы поведали друг другу такие конфиденциальные сведения, которыми редко обмениваются мужчины после нескольких лет дружбы. Я спросил его, осознает ли он тот факт, что мы знакомы лишь несколько недель. Он ответил: «Мой дорогой друг, мы всегда знали друг друга». В следующем году Вильсон сказал: «М-р Хауз является моим вторым «Я». Он — мое независимое «Я». Его и мои мысли одно и то же. Если бы я был на его месте, то поступал бы так, как он предлагает... Если кому-либо кажется, что посредством любого своего действия он отражает мое мнение, то так оно и есть». Вильсон позднее часто не мог вспомнить, родилась ли та или иная мысль в его мозгу или в мозгу Хауза, и часто повторял Хаузу от первого лица те мысли, которые ранее были высказаны самим Хаузом. Все те многочисленные факты, которые мы смогли собрать относительно дружбы Вильсона и Хауза, ведут к заключению о том, что Хауз, подобно любимому Гиббену, представлял в бессознательном Вудро Вильсона маленького Томми Вильсона. И снова, посредством нарцисстического выбора объекта любви, Вильсон восстановил инфантильное отношение со своим «несравненным отцом». Посредством отождествления себя с Хаузом, с одной стороны, и со своим отцом — с другой, он мог получать для себя ту любовь, которую хотел, и не мог более получать от покойного экстраординарного профессора риторики. И снова его пассивность к отцу могла находить выход посредством страстной дружбы.

Хауз идеально подходил для того, чтобы играть роль маленького Томми Вильсона. Он был ниже ростом, моложе и, подобно Томми Вильсону, имел белокурые волосы. Он также перенес тяжелое заболевание в детстве, и ему приходилось заботиться 6 своем здоровье. Подобно Томми Вильсону, у него была страсть к политике. Однако он, вероятно, не мог считаться противником Вудро Вильсона, так как не рвался к власти. Он хотел лишь быть тайным другом мужчины, находящегося у власти. Так, посредством Хауза, Вильсон смог в совершенной форме воссоздать свои отношения с отцом.

С точки зрения Хауза, их отношения также были превосходными. Он желал контролировать президента Соединенных Штатов. Он любил Вильсона и в то же время видел его насквозь. Однажды он сказал своему другу, что, несомненно, придет время, когда тот повернет против него

и «выбросит его на свалку». Но это не беспокоило Хауза. Он был счастлив пользоваться своей властью столь долго, сколь она могла длиться. Вскоре он узнал, что Вильсон не любит открытой оппозиции, и взял для себя за правило высказываться осторожно, не затрагивая вопросы, которые могли бы вызвать возражения со стороны Вильсона. Спустя несколько недель он вновь высказывал те же самые мысли в чуть видоизмененной форме, будучи уверенным в том, что Вильсон ответит ему его же собственными словами. Так без споров, которые могли бы поставить под угрозу их дружбу, Хауз влиял на Вильсона. Он знал, что принятие им любого поста под началом Вильсона будет фатальным для их отношений (ему пришлось бы открыто выступать против Вильсона на заседаниях кабинета), и отказывался от подобных неоднократных предложений со стороны Вильсона. Он справедливо замечал: «Если бы я попал в кабинет, то не удержался бы там и 8 недель». Таким образом, громадное влияние, которым обладал Хауз на Вильсона, поддерживалось его тактом, но основа его была в том, что для Вильсона он являлся частью его самого: он был маленьким Томми Вильсоном.

Вильсон был так ослеплен дружбой с Хаузом, что, когда тот сказал ему, что без поддержки Уильяма Дженнингса Брайана он не сможет быть выдвинут кандидатом на пост президента и что Брайан считает его «орудием Уолл-стрита» из-за энтузиазма Гарви, Вильсон не задумываясь расстался с Гарви.

Разрыв отношений с человеком, который первым выступил за выдвижение его кандидатом в президенты и трудился для достижения этой цели без какой-либо выгоды для себя в течение 6 лет, породил общее мнение, что Вильсон не позволит ни дружбе, ни благодарности или лояльности стоять на пути его карьеры. Рекламные агенты Вильсона распространили историю о том, что разрыв с Гарви произошел из-за того, что Вильсон отказался получить финансовую помощь от одного из друзей Гарви с Уолл-стрита. Затем Гарви был публично осужден как ложный друг, оставивший Вильсона из-за его почетного отказа, а Вильсон был провозглашен «бескорыстным» поборником «простых людей». В этой истории не было ни слова истины, но это беспокоило Вильсона ничуть не больше, чем то, что он не только испортил карьеру Гарви, но и нанес ему оскорбление. Он был столь озабочен своей карьерой, столь нар-цисстичен и столь уверен в своей миссии, что не мог позволить никакому факту встать у себя на пути. Он нуждался в поддержке Брайана. Поэтому Гарви пришлось уйти. Он наконец завоевал доверие Брайана, по-святив страстную речь превозношению этого старого демократического лидера, которого он презирал. Брайан «обнял Вильсона и дал ему свое благословение». Поддержка Брайана, усилия Хауза и Маккомбса, деньги Кливленда Доджа, Баруха и Моргентау и его публичные выступления были основными факторами, обеспечившими ему выдвижение кандидатом в президенты от демократов 2 июля 1912 года.

5 ноября 1912 года Вудро Вильсон был избран президентом Соединенных Штатов. У двух республиканских кандидатов, Теодора Рузвельта и Уильяма Хоуар-да Тафта, суммарно было на 1 312 000 голосов больше, чем у Вильсона, но он опередил Рузвельта, своего ближайшего соперника, на 2 170 000 голосов. Группе студентов, которые пришли поздравить его, он сказал следующее: «Я не чувствую себя ликующим или радостным. Я ощущаю большую торжественность. У меня нет какого-либо побуждения прыгать от радости и ломать себе шею. По-видимому, на меня давит тяжелый груз серьезности и ответственности. Я испытываю большое желание преклонить колени и молить Бога ниспослать мне силы сделать то, что от меня ожидается». А Маккомбсу, председателю комитета по его избранию, он сказал: «Много или мало вы сделали, помните, что Бог предначертал, чтобы я был следующим президентом Соединенных Штатов. Ни ты, ни кто-либо из смертных не смог бы помешать этому». М-р Рей Стэн-нард Бейкер записал, что позднее, когда Вильсону советовали принять меры для своей безопасности, он от-ветил: «Я бессмертен до тех пор, пока не наступит мой час».

Читатель, следивший за развитием отношений Вильсона с Богом, не удивится, что он верил в то, что Бог избрал его президентом США или что в Белом доме он чувствовал себя личным представителем Всемогущего. А также что в тот момент, когда Вильсон достиг честолюбивого желания своей жизни, он чувствовал себя не «ликующим или радостным», а «торжественным», с «тяжелым грузом серьезности и ответственности», давящим на него. Избрание президентом Соединенных Штатов принесло Вильсону лишь чувство того, что он сделал недостаточно много. Его Супер-Эго было ненасытным.

4 марта 1913 года он вступил в Белый дом. Он чувствовал себя уставшим, больным человеком, не мыслящим своего существования без таблеток. К тому же его беспокоило финансовое положение: он задолжал 5000 долларов. Он считал профанацией начинать свою административную деятельность с традиционного бала, посвященного вступлению в должность нового президента. Он был избранником Божьим, осуществляющим Его миссию на земле, а танцы не считались хорошей традицией среди пресвитерианцев. Он отменил бал.

XIV

То, что мужчина 5 6 лет, с физическим и душевным состоянием, как у Вудро Вильсона, окажется в состоянии выполнять ту работу, которую выполнял Вильсон в течение шести с половиной лет, отделявших его вступление в должность президента в марте 1913 года до полнейшего упадка сил в сентябре 1919 года, является крайне необычным. За этот период времени он перенес несколько кризисов, но ни разу не был полностью сломлен болезнью. По-видимому, этому способствовали два фактора: внимательная забота Кэри Т. Грейсона, его личного врача в Белом доме, и необычная комбинация психических удовлетворений.

Грейсон тщательно изучил каждую деталь личной жизни Вильсона. Он прописал президенту строгую диету и заставил его отказаться от многих лекарств, которые тот долгое время употреблял. Он также убедил Вильсона каждое утро, если только это возможно, играть в гольф, а в полдень совершать длительную прогулку на автомобиле. Грейсон следил за тем, чтобы у президента было 9 часов никем не нарушаемого сна. Тем не менее президент выглядел весьма уставшим. Но в действительности он редко сидел за письменным столом больше четырех часов в день. Он никогда не работал вечерами, за исключением поры больших политических кризисов, любил ходить в театр и проводить время в кругу семьи. Чтение вслух успокаивало его нервы, так же как и просмотр водевилей в театре Кейта.

Президент вел необычно изолированный образ жизни: почти совсем не встречался с членами кабинета и лидерами своей партии в конгрессе, так как не доверял им. Принимал гостей весьма скупо, вызывая этим различные толки и обиды. Вильсон не курил и не пил и считал, что и гостям не стоит этого предлагать. Он принял решение ежемесячно экономить 2000 долларов и поступал соответственно. Серьезный разговор во время еды вызывал у него расстройство желудка. Вильсон избегал личных контактов и во многом полагался на мнения Хауза и Тьюмалти. Он отказался стать членом загородного клуба «Чейви Чейз», где мог бы войти в контакт с лидерами политической и социальной жизни, предпочитая играть в гольф в одиночестве или с Грейсоном. Таким образом он сохранял физические силы для исполнения своих обязанностей президента.

Несмотря на все старания Грейсона, его психические конфликты, несомненно, привели бы к обычным «расстройствам здоровья», если бы судьба не предоставила превосходных выходов для его конфликтующих влечений. Небольшой поток либидо, ранее направленный на мать, теперь направлялся на жену. Конечно, его Супер-Эго не могло удовлетвориться никаким достижением, но до тех пор, пока он был президентом, перед ним всегда вставала новая цель, достижение которой могло временно успокоить его Супер-Эго. Более того, его руководящие действия давали полнейший выход его отождествлению себя с отцом, а также его активности к отцу и большой доли его реактивного образования против пассивности к отцу. Имелось много видных

политических противников, которых он ненавидел и с которыми мог бороться, таким образом находя выход для любого избытка либидо, накоплявшегося в его реактивном образовании. Любовь Вильсона к Хаузу давала большой выход его пассивности к отцу. Кроме того, либидо, «аккумулировавшееся» через его бессознательное отождествление себя с Христом, могло находить разрядку посредством «служения» человечеству. Он «любил людей в массе» самым что ни на есть христианским образом и избегал или ненавидел их индивидуально. Наконец, публичные выступления давали выход одновременно его активности и пассивности по отношению к отцу, то есть стремлению подчиняться отцу и быть самому отцом, Богом на паперти. Поэтому до тех пор, пока была жива его жена, а Хауз оставался его другом, пока успешно продолжалась его политическая карьера, психические конфликты Вильсона не обострялись.

В выборе кабинета и дипломатических представителей Вильсона направляли Хауз и Тьюмалти. А его известная программа реформ 1912 — 1914 годов была в основном программой из книги Хауза «Филипп Дрю: "Администратор"». Частью этой программы явилась тарифная реформа, в которую входило создание федерального резервного управления. Ее принятие принесло Вильсону не радость, а лишь свойственное ему чувство неудовлетворенности. Он ввел одно новшество в отношении администрации, которое было целиком его плодом. Своими корнями оно уходило в навязчивые идеи его молодости, когда юный Вильсон был одержим идеей перестроить работу конгресса по образцу английской палаты общин. А именно: он перестал направлять конгрессу свои письменные послания, как это было принято еще с 1797 года, а стал их зачитывать лично. Конституция США не позволяла ему быть премьер-министром. Но по-столько, поскольку это было в его власти, он копировал своего кумира Гладстона.

Перед вступлением в должность президента Вильсон заметил одному своему другу: «Будет иронией судьбы, если моей администрации придется в основном заниматься международными делами». В течение 40 лет он интересовался внутренней политикой государства и был уверен в своей способности решить любые внутренние проблемы, но никогда не пытался вникнуть в международную жизнь. Его невежество в вопросе международных отношений было столь же глубоким, сколь и его незнание зарубежных стран. Правда, о Великобритании он кое-что знал. О его дилетантстве в этом вопросе свидетельствует тот факт, что он назначил государственным секретарем человека, знакомого с международной политикой столько же плохо, как и он сам, — Уильяма Дженнингса Брайана, лишь бы получить поддержку своей программы внутренних реформ. Это назначение означало, что он решил быть своим собственным государственным секретарем, ибо не доверял суждениям Брайана. Однако его презрение к интеллектуальным способностям Брайана было скорее поверхностным, нежели глубоким. Брайан вполне мог бы быть членом его семьи. Подобно Вильсону, Брайан был старшим сыном в семье и пресвитерианцем, находящим свое высшее выражение в молитве. Он ценил благие намерения и «высокие моральные принципы» выше, чем факты. Более того, со многими взглядами Брайана Вильсон был целиком согласен. Он, подобно Брайану, был уверен в том, что «принципы» плюс небольшое знание фактической стороны дела приведут к высоким достижениям в международных делах.

Незнание президентом мира, окружавшего США, позволило ему более свободно использовать внешнюю, нежели внутреннюю, политику для выражения своих бессознательных влечений. Его внутренняя политика дала хорошие результаты, и к весне 1914 года внутренняя программа Филиппа Дрю была в основном воплощена в законодательстве. Международная программа Филиппа Дрю осталась нереализованной. Хауз пытался заинтересовать Вильсона своим проектом международного соглашения об оказании помощи слаборазвитым странам и сохранении мира в Европе. Хотя Вильсона мало интересовали европейские дела, он разрешил Хаузу попытаться разработать нечто похожее.

Как мы уже отмечали, духовная жизнь Вильсона всегда была привязана к США и Англии.

Он оставался удивительно невежественным в вопросах европейской политики, географии и национального состава. Даже после произнесения им величественных речей, посвященных международным событиям, его знание Европейского континента оставалось элементарным. Он прекрасно говорил, но часто не понимал значения собственных слов. Направляясь на мирную конференцию, Вильсон сказал, что намеревается отдать Богемию Чехословакии. Когда его спросили, каким образом он собирается поступить с тремя миллионами немцев, проживающими в Богемии, он ответил: «Три миллиона немцев в Богемии! Любопытно! Масарик никогда не говорил мне об этом!» На одном из обедов в Белом доме в феврале 1916 года разговор зашел о евреях. Вильсон настаивал на том, что еврейское население составляет по крайней мере 100 миллионов человек. Когда ему сказали, что их меньше 15 миллионов, он послал за Альманахом мира и даже после того, как увидел эту цифру, с трудом мог поверить, что ошибся. Он отдал Южный Тироль Италии, так как не знал, что южнее перевала Бреннера жили австрийцы немецкой крови.

Весной 1914 года Вильсон позволил Хаузу отправиться за рубеж в качестве своего личного эмиссара. 1 июня 1914 года Хауз разговаривал с кайзером относительно желательности выработки общего понимания между Германией, Англией, США и другими великими державами. Кайзер ответил, что одобряет проект Хауза, и полковник, обрадованный, отправился в Париж, а затем в Англию для встречи с сэром Эдуардом Греем, к которому питал почти сыновье доверие.

Грей заставил Хауза с неделю ожидать себя в Лондоне. 17 июня 1914 года он встретился с ним. Хотя Грей, как обычно, очаровал Хауза, он не сказал последнему ни слова для передачи кайзеру. Хауз терпеливо ждал от Грея послания к кайзеру. Но 2 8 июня бесспорный наследник тронов Австрии и Венгрии эрц-герцог Франц Фердинанд был убит в Сараеве. 3 июля Хауз наконец узнал от Тиррела, что Грей собирается довести до кайзера о мирных намерениях Англии с целью дальнейших переговоров. Хауз написал письмо, передающее эту информацию кайзеру, лишь 7 июля. Послание Хауза не попало в руки кайзера, так как в это время он находился в круизе у берегов Норвегии. Он получил его лишь после вынужденного возвращения в Берлин в связи с ультиматумом, сделанным Австрией Сербии 2 3 июля 1914 года. Так окончилась первая попытка Хауза и Вильсона выработать международное соглашение по сохранению мира. Началась война. 4 августа 1914 года Вильсон провозгласил нейтралитет Соединенных Штатов.

XV

6 августа 1914 года умерла Эллен Эксон Вильсон. Она была превосходной женой Вудро Вильсону: чудесной представительницей матери, «центром спокойствия». В течение 29 лет заряд либидо, помещенный в его влечениях по отношению к матери, не нуждался ни в каком другом выходе. Его отношения с женщинами всегда были лишены страсти. Количество либидо Вильсона, направленное на женщин, было чрезмерно малым по сравнению с потоком, направленным на мужчин. Но выход для этого количества либидо был тем не менее абсолютно необходим, и утрата Эллен Эксон пошатнула устои его характера. Он не мог выйти из депрессии, вызванной ее смертью. Снова и снова он выражал свою печаль и беспомощность, говоря, что чувствует себя как машина, которая сорвалась в пропасть, и что ничто больше для него не имеет значения. Он со страхом думал о предстоящих двух с половиной годах своего президентства: смерть миссис Вильсон сломила его дух, его мысли путались.

Грейсон, Тьюмалти и Хауз пытались поддержать его, но безуспешно. Самым большим утешением для Вильсона была дружба с Хаузом, к которому он обращался в письмах того периода как «мой дорогой», «дорогой друг» или «дражайший друг». Однако дружбы Хауза было недостаточно. Вильсон крайне нуждался в женщине, которая бы заботилась о нем, как мать и Эллен Эксон. 1 2 декабря 1914 года он писал миссис Тоу: «Я лишился всей своей эластичности. Я еще не научился избавляться от бацилл печали и живу, как имел обыкновение жить раньше, в мыслительной и духовной работе, несмотря на все это. Даже книги перестали иметь для меня

какое-либо значение. Я читаю детективные истории, чтобы забыться, мужчина на моем месте напился бы!» Забавная описка в последней фразе показывает, что в своем бессознательном Вильсон отдалил себя от мужского пола и отождествил с женским. Мы можем быть уверены в том, что, до тех пор пока он не нашел другой представительницы матери, он заменил потерянный им суррогат матери собой, так же как он заменил свою кузину Генриетту Вудро собой, когда стал Вудро Вильсоном.

Тяжелая депрессия Вильсона продолжалась в течение всех рождественских праздников 1914 года и усилилась в январе 1915 года в связи с отъездом Хауза за рубеж. Граф фон Бернсторф, немецкий посол, уверил Вильсона в том, что немецкое правительство готово заключить разумный мир и Хауз должен немедленно отправиться в Берлин. 25 января 1915 года Хауз покинул Вашингтон. В этот вечер он записал в своем дневнике: «Глаза президента были влажными, когда он говорил мне последние слова прощания. Он сказал: «Твоя бескорыстная и интеллектуальная дружба так много значила для меня» — и снова и снова выражал мне свою благодарность, называя меня своим «самым верным другом». Он сказал, что я единственный человек в мире, которому он может полностью открыть свою душу... Он настаивал на том, чтобы проводить меня до вокзала. Он вышел из машины и прошел со мной к билетной кассе, а затем к самому поезду, отказываясь уезжать, пока я не сяду в поезд».

После отъезда Хауза Вильсон полностью погрузился в себя. Врач, Кэри Грейсон, опасаясь за его здоровье, настаивал на том, чтобы он принимал гостей и слушал музыку. Среди друзей невесты д-ра Грейсона была 4 3-летняя вдова по имени Эдит Бол-линг Голт. В апреле 1915 года, восемь месяцев спустя после смерти Эллен Эксон Вильсон, ее пригласили в Белый дом на музыкальный вечер. Вильсон влюбился в нее с первого взгляда.

Миссис Голт была респектабельной, широкогрудой американкой, владелицей ювелирного магазина. Полная, приятная и умеренно богатая, она обладала избытком жизненных сил, но не отличалась ни интеллектуальной, ни физической живостью. Она была довольно робкой и до встречи с Вильсоном жила в тихой безвестности. Представляется долгом вежливости воздержаться от обсуждения причин, по которым Вильсон выбрал именно ее, используя некоторые черты сходства, посредством бессознательной идентификации, как заместительницу матери. Необходимо отметить, что сама личность заместителя материнского образа имела второстепенное значение. Через эту идентификацию была осуществлена бессознательная психическая связь, и тем самым было удовлетворено требование его пассивной установки к противоположному полу. Он снова обрел «центр спокойствия» в своей жизни и «материнскую грудь, на которой мог отдыхать». Пассивность к матери побуждала его попытаться воспроизвести аналогичную ситуацию по отношению к своей второй жене. Он сказал миссис Голт, что Джо Тьюмалти советовал ему не жениться на ней! И после этого ожидал, что она будет благосклонно относиться к Тьюмалти! Однако желательно узнать, не действовал ли он в этот момент, повинуясь бессознательному желанию посеять вражду между матерью и своим маленьким братом Джо.

После женитьбы Вильсон был столь поглощен своей женой, что практически не занимался общественными делами. Эллен Эксон Вильсон быстро отошла на задний план. Такой резкий поворот от покойной жены к миссис Голт являлся скорее доказательством, нежели опровержением его глубокой любви к бывшей жене. Он не мог жить без ее заместителя. Он нашел заместителя в миссис Голт и из глубин депрессии быстро вскарабкался на вершины экзальтации.

XVI

5 8-летний президент, находящийся в упоении любви весной этого года, внезапно столкнулся с чрезвычайно серьезной проблемой. Хауз не встретил в Берлине никакого желания заключить разумный мир, а 7 мая 1915 года был потоплен английский лайнер «Лу-зитания», на борту которого находились 124 американских пассажира. До этого Вильсон чувствовал себя в

стороне от европейского конфликта. Ему казалось крайне невероятным, что США будут втянуты в войну. Его старания положить конец войне были стараниями относительно спокойного внешнего наблюдателя, пытающегося положить конец войне, разрушающей цивилизованный мир. Потопление «Лузитании» принудило его в первый раз серьезно задуматься над вопросом: что он лично может сделать для того, чтобы уберечь США от вступления в войну?

Вильсон не был пацифистом. Он сказал Хаузу, что «не разделяет точки зрения многих нынешних государственных деятелей, полагающих, что война губительна для экономики, но не видит более славного пути умереть, чем в сражении!». Более того, он сильно симпатизировал союзникам. Его английские предки, его преклонения перед Берком, Брайтом, Бэджготом и Гладстоном, его любовь к Ридалу, его преданность идеям и идеалам английского среднего класса, его невежество относительно европейской жизни и тонкостей европейской политики сделали неизбежным то, что его симпатии оказались на стороне Англии. Однако личная симпатия не привела его в 1914 году к заключению о том, что следует ввергнуть США в войну в качестве союзника Англии. Он очень хорошо сознавал, что, хотя в Америке и имеются ярые просоюзнические и прогерманские группировки, большинство американцев вовсе не желают войны. Он понимал, что его действия не будут оправданы, если он втянет Америку в войну, которой не желает народ.

Несмотря на свою симпатию к Англии, Вильсон в то время четко разграничивал интересы Англии и Соединенных Штатов, чего нельзя сказать о Хаузе. 2 дня спустя после гибели «Лузитании» Хауз, находящийся в Лондоне, послал каблограмму Вильсону: «Я считаю, что следует потребовать от Германии гарантии в том, что это больше не повторится. Если же она не даст такой гарантии, мне придется информировать правительство Германии, что наше правительство примет все необходимые меры для обеспечения безопасности американских граждан. Если в результате этого последует война, это будет не новая война, а попытка быстрее положить конец уже идущей войне».

Что-то в рассудке Хауза заставило его проглядеть тот факт, что это будет «новая война» для США. и что придется платить жизнями американских граждан. Хауз обычно позволял сэру Уильяму Уайзмену, главе британской секретной службы в США, сидеть в его частном офисе в Нью-Йорке и читать наиболее секретные документы американского правительства. Все это вполне объяснимо: ведь родители Хауза были англичанами.

Симпатия, питаемая Вильсоном к Англии, его романтическое чувство, что смерть в сражении является прекрасной, и влияние Хауза — все это вместе взятое пробуждало в нем желание втянуть США в эту войну. Все эти сознательные мотивы поддерживались бессознательными источниками. В своем бессознательном он отождествил себя с еврейским Иеговой, которому нравилось убивать своих врагов, а его Супер-Эго постоянно требовало, чтобы он стал правителем мира. Но с другой стороны, его чувство ответственности перед американским народом также поддерживалось бессознательной силой. Большая доля его пассивности к отцу наполняла его бессознательное отождествление себя с Христом и находила выход посредством любви «народа в массе». Он ежедневно дважды в день читал Библию, и ему, безусловно, была хорошо знакома фраза: «По делам их узнаете их». Он хотел породить не плод войны, а плод мира. В первые дни 1915 года его отождествление себя с Христом было достаточно могущественным, чтобы уравновешивать его воинственные побуждения.

Потопление «Лузитании» ввергло Вильсона в состояние неуверенности, в котором он пребывал 6 дней; затем, следуя совету Хауза, он подготовил и зачитал своему кабинету ноту, требующую от германского правительства официального подтверждения непричастности к потоплению «Лузитании», репарации и обещания, что подобные акты не будут повторяться. В ноте была угрожающая фраза: «Имперскому германскому правительству не следует ожидать, что правительство Соединенных Штатов откажется от какого-либо слова или действия...» Но как

только Вильсон занял такую угрожающую войной позицию, он тут же начал колебаться.

После заседания кабинета, на котором была одобрена нота Вильсона, госсекретарь Брайан, будучи пацифистом, убеждал президента в том, что американский народ не хочет войны и что угроза войной со стороны Америки не находится в соответствии с христианской доктриной. Брайан начал вести переговоры о заключении мирных договоров с 30 странами. Основным условием этих договоров являлось следующее: возможные в ходе переговоров разногласия с США должны быть переданы на рассмотрение комиссии по их расследованию, во время сессий которой, в течение по крайней мере 9-месячного периода, спорящие стороны не будут предпринимать друг против друга военных действий. Германия, единственная изо всех европейских великих держав, отказалась подписать такой договор с США. Брайан убедил Вильсона разрешить ему послать инструкцию Джеймсу В. Джерарду, американскому послу в Берлине, одновременно с нотой по поводу «Лузитании», приказывающую Джерарду уведомить германское правительство о том, что правительство Соединенных Штатов согласно предоставить рассмотрение вопроса о гибели «Лузитании» комиссии по расследованию, действующей на основании договоров Брайана. Таким образом, Вильсон решил одновременно отправить в Берлин публичную ноту протеста, грозившую войной, и секретную инструкцию, предлагающую сделать невозможным для США вступление в войну с Германией, по крайней мере в течение 9 месяцев. Конфликт в его душе вряд ли мог получить лучшую иллюстрацию. Посредством этой алогичной акции он нашел выражение как для своего желания начать войну, так и для своего желания сохранить мир.

Брайан совместно с Вильсоном написал инструкцию Джерарду, которая была отправлена из Белого дома в государственный департамент для кодировки и передачи ее в Берлин. Ни одно должностное лицо американского правительства, за исключением Вильсона и Брайана, не знало о ее существовании. Случайно о ней узнал советник государственного департамента Роберт Лансинг и сразу же принял меры по предотвращению ее отправки. Практически все члены кабинета убежда-

ли Вильсона не посылать эту инструкцию Джерарду. Вильсон сдался. В Германию была отправлена только нота по поводу «Лузитании».

2 8 мая из Берлина был получен ответ. В нем говорилось, что «Лузитания» была вооруженным крейсером и транспортом и, следовательно, являлась военным судном. 9 июня 1915 года Вильсон отклонил эти доводы как необоснованные и потребовал гарантий в том, что подобный акт не повторится. Брайан, разочарованный тем, что сорвался его план с инструкцией Джерарду, и чувствуя, что нота американского правительства неминуемо приведет к войне, вышел в отставку. Вместо него государственным секретарем был назначен Лансинг.

Германское правительство медлило с ответом на вторую ноту Вильсона по поводу «Лузитании». А 19 августа 1915 года был потоплен английский пароход «Арабик», державший курс на Нью-Йорк. На его борту находились двое американцев. 2 1 августа Вильсон написал Хаузу, прося у него совета, как поступить в связи с гибелью «Арабика». Хауз в ответ посоветовал Вильсону отозвать Джерарда и отправить домой Берн-сторфа и добавил, что это означает войну. Вильсон не захотел последовать его совету, и Хауз отметил в своем дневнике: «Меня удивляет занимаемая им позиция. Он явно стремится как можно дольше оттягивать вступление США в войну».

1 сентября 1915 года терпение Вильсона было вознаграждено. Бернсторф официально сообщил Лансингу: «Лайнеры не будут потопляться нашими подводными лодками без предупреждения и без сохранения жизни невоенному персоналу при условии, что они не будут стремиться уйти и не окажут сопротивления...»

Несмотря на официальное заявление немцев, Вильсон понимал, что нападения на корабли будут возобт новлены, как только немецкое правительство сочтет целесообразным начать военные

действия против них. Более того, его сильно беспокоили натянутые отношения между Англией и США.

В конце лета 1915 года он понял, что члены его правительства все более и более клонят его к наложению эмбарго на поставку военных запасов и снаряжения англичанам, которых он любил, и, таким образом, к помощи в обеспечении победы Германии, которую он ненавидел.

Вильсон не знал, что делать. Он был шокирован оккупацией Бельгии, ужаснулся при известии о гибели «Лузитании» и возмутился по поводу жестокостей, будто бы имевших место в Бельгии, в истинности которых ручался лорд Брюс. Более того, его «односторонний рассудок» был занят миссис Голт, и поворот от личных дел к общественным стал для него весьма трудным делом. Он влюбился в эту женщину с безрассудством 60-летнего человека, внезапно ощутившего чудо возрождения страсти и почувствовавшего себя молодым, полным страсти, сил, богоподобным. Контроль Хауза за политическими действиями Вильсона никогда не был столь полным, как осенью 1915 года. Вильсон, обремененный поисками выхода и уставший от забот, связанных с войной, спросил Хауза: «Неужели мы никогда не выйдем из этого лабиринта?» Полковник ответил: «Только путем принятия позитивной политики» — и разработал план выведения Вильсона из состояния замешательства посредством вовлечения США в войну на стороне Англии.

XVII

Полковник Хауз предложил Вильсону выступить организатором мирной конференции, на которой он должен заявить, что США поддержат любую воюющую сторону, принимающую условия мира, способные обеспечить безопасность Европы от агрессии в будущем, и объявить, что США вступят в войну против любой страны, которая отвергнет предложенное Вильсоном решение данного вопроса.

Условия мира, которые, по мнению Хауза, должен был составить Вильсон, основывались на провозглашенных союзниками военных целях. Хауз был почти наверняка уверен, что Центральные страны не примут эти условия и поэтому США вступят в войну против Центральных стран.

Чтобы гарантировать, что этот план ни при каких обстоятельствах не сможет привести США к войне против союзников, Хауз посоветовал Вильсону убедить английское правительство в том, что США готовы вступить в борьбу за провозглашенные союзниками военные цели и что президент не станет предпринимать никаких действий до тех пор, пока не получит «добро» от правительства Англии.

План Хауза шел вразрез с убеждением Вильсона в том, что ему следует держать США в стороне от европейского конфликта, а также с традиционной американской политикой — быть в стороне от войн в Европе. Хауз записал свою первую попытку убедить Вильсона принять его план следующими словами: «Я очень коротко обрисовал ему пришедший мне в голову план... Я считаю, что мы упустили возможность порвать дипломатические отношения с Германией... шансы Германии на победу были велики как никогда, а если Германия победит, то следующими на очереди окажемся мы; а мы не только не были подготовлены к этому, но и не имели ни одного союзника, который помог бы нам вынести первый шок. Поэтому следовало предпринять нечто решительное — нечто, что должно было либо покончить с войной таким образом, чтобы положить конец милитаризму, либо привести нас в лагерь союзников, чтобы помочь им покончить с войной. Мое предложение заключалось в том, чтобы попросить союзников дать мне неофициально знать о том, будет ли для них приемлемым, если мы потребуем прекращения боевых действий. Мы выдвинули бы такое требование на высокоморальном основании: нейтральные страны страдают вместе с воюющими сторонами, и мы имеем такие же, как и они, права, и поэтому мирные переговоры должны начаться на базе широкого, как военного, так и

мирного, разоружения...

Если союзники поймут нашу цель, мы можем на словах быть так же строги по отношению к ним, как и к Центральным странам. Союзники, после некото^ рого колебания, могут принять наше предложение или требование, и, если его примут и Центральные страны, тогда нам удастся завершить мастерский дипломатический ход. Если же Центральные страны откажутся принять это предложение, тогда мы сможем усилить наш нажим до такой степени, что вначале будут разорваны дипломатические отношения, а позднее все силы нашего правительства — и, возможно, силы всех нейтральных стран — смогут быть направлены против них.

Президента поразил этот план. Он, казалось, давал молчаливое согласие. У меня не было времени добиваться дальнейшего продвижения этого плана, ибо вся наша встреча продолжалась не более 20 минут».

Вероятно, Вильсона поразили слова: «Я считаю, что мы упустили возможность порвать дипломатические отношения с Германией». Должно быть, он почувствовал, что, действуя в соответствии с планом Хауза, почти неизбежно вызовет войну между США и Центральными странами.

Хауз принес Вильсону секретное послание, полученное им от сэра Эдуарда Грея, министра иностранных дел Великобритании, датированное 22 сентября 1915 года. Грей писал: «Для меня великая задача искоренения милитаризма и разбоя на морях является залогом обеспечения в будущем гарантии против агрессивной войны. Насколько решительно готовы Соединенные Штаты двигаться в этом направлении? Не предложит ли президент создать Лигу Наций, обязующуюся выступить против любой страны, которая нарушит договор, или нарушит определенные правила ведения войны на суше или на море (такие правила, конечно, следует выработать после окончания этой войны), или откажется, в случае спора, принять некоторый другой способ разрешения спора, кроме военного? »

Так в первый раз в секретном послании английского правительства американскому правительству появляются эти слова: Лига Наций. Английское правительство надеялось, что сможет убедить американцев гарантировать нужные ему условия для навязывания Центральным странам окончания войны.

Президент Вильсон «согласился, что Хаузу следует вчерне набросать ободряющий ответ сэру Эдуарду Грею как первый шаг в предоставлении американской помощи, если Германия откажется принять условия США, которые совпадают с провозглашенными союзниками военными целями». Эти цели включали в себя возвращение Эльзаса-Лотарингии Франции, полное восстановление границ Бельгии и Сербии, передачу Константинополя России и создание Лиги Наций, чтобы гарантировать выполнение условий мира и предотвратить агрессивную войну. Секретные военные цели союзников были совсем другими.

Затем начались продолжительные переговоры, которые вел полковник Хауз. Но ответственность за их ход лежала целиком на Вильсоне, так как Хауз являлся лишь его представителем. Хауз не занимал какой-либо официальной должности. Он был просто вторым «Я» Вильсона. Именно он, Вильсон, был президентом Соединенных Штатов — доверенным лицом американского народа, решившим под вывеской высокого гуманизма вовлечь этот народ в войну, чтобы обеспечить выполнение провозглашенных союзниками военных целей. Такое решение является тем более замечательным, что у него не было каких-либо сомнений относительно желаний американского народа. В декабре 1915 года, после того как он предложил втянуть США в войну, он сказал Брэнду Уайтлоку: «Я не чувствую себя вправе навязывать свое мнение народу США и вовлекать его в войну, целей которой он не понимает».

Трудно анализировать поведение Вильсона за период с октября 1915 по май 1916 года. Его слова и действия были столь противоречивыми, что их невозможно объяснить как результат одной

рациональной идеи; но с помощью логики мы сможем, возможно, объяснить их иррациональность. Давайте попытаемся это сделать.

Вначале осознаем, что Вильсон столкнулся с очень трудной ситуацией. Он любил Англию и ненавидел Германию. Он опасался победы Германии, которая усугубила бы и без того трудное положение союзников, которое могло возникнуть в результате вынужденного частичного разрыва английской блокады. Более того, он не верил немцам, обещавшим не нападать на суда нейтральных стран, и чувствовал, что взял на себя и США такие веские обязательства, что, связанный долгом чести, вынужден будет ответить на возобновление военных действий немецкими подводными лодками разрывом дипломатических отношений с Германией. А такой разрыв неминуемо приведет к войне. Таким образом, он считал, что война с Германией практически неизбежна. Он опасался, что в случае вступления США в войну без заключения предварительного соглашения с союзниками об окончательных условиях мира после победы над Германией он может столкнуться с шовинистическими правительствами в Англии, Франции и России, которые будут стараться навязать Германии Карфагенский мир, отличный от провозглашенных военных целей союзников. В этом случае он наверняка окажется не в состоянии помешать установлению мира, который будет не миром, а продолжением войны в иной форме. Хауз внушил Вильсону полное доверие к Грею, поэтому он считал, что провозглашенные английским правительством цели в данное время были истинными целями Англии. Эти соображения привели его к заключению, что для него лучше теперь привести США к войне на основе соглашения о том, что последующий мир должен строиться в соответствии с провозглашенными военными целями союзников, нежели быть втянутым в войну позднее и в конце обнаружить, что США действовали в интересах шовинистов.

Такое интеллектуальное оправдание его действий основывалось на столь многих гипотезах, что, безусловно, само по себе оно не обладало бы никакой силой, если бы за ним не стояли могущественные бессознательные влечения. В действительности здесь мы сталкиваемся еще с одним примером способности его бессознательного использовать рассудок для нахождения предлогов, оправдывающих желаемые им действия.

Мы отмечали, когда изучали поведение Вильсона в ходе подготовки первой ноты по поводу гибели «Лузи-тании» и противоречивой добавочной инструкции, что его желания, вызванные войной, находились в состоянии конфликта. Нота по поводу «Лузитании» ослабила его враждебность к отцу, а добавочная инструкция дала выход его пассивности по отношению к нему. Эти желания все еще находились в состоянии конфликта. С одной стороны, он хотел выразить свою сознательную ненависть Германии и свое бессознательное желание быть Иеговой. С другой стороны, мечтал быть принцем мира. Его проблема заключалась в нахождении некоторого образа действий, который удовлетворит оба эти заряда либидо и в то же самое время будет приемлем для его Супер-Эго. Схема, предложенная Хаузом, давала великолепный выход, в высшей степени приемлемый как для его Супер-Эго, так и для его конфликтных желаний. Если посредством победы над Германией он сможет продиктовать условия прочного мира для всего человечества, он действительно будет принцем мира! Хауз убедил Вильсона, что это явится результатом вступления Америки в войну на стороне союзников после предварительного обсуждения с ними условий мира. Вот что он писал по этому поводу Вильсону 10 ноября 1915 года: «...Мне представляется, что мы должны использовать влияние нашей нации в целях защиты плана, который будет предписывать выполнение международных обязательств, посредством осуществления которого может сохраняться мир во всем мире. Нам следует сделать это не только ради будущего цивилизации, но и ради нашего собственного благосостояния — ибо кто может сказать, когда мы можем быть втянуты в мировую войну, опустошающую в настоящее время Европу. Не следует ли нам быть стороной, выступающей в защиту новых и более гуманных приемов

ведения войны, и не должны ли мы использовать свое влияние для достижения свободы на земле и на море? Эту роль, как мне кажется, предназначено судьбой сыграть Вам в этой мировой трагедии, и это самая благородная роль, которая когда-либо выпадала на долю человека. Страна последует по этому, указанному Вами пути и не остановится ни перед какими жертвами».

Вудро Вильсон, который в своем бессознательном был Богом и Христом, не мог устоять перед такими словами. Все его отождествления себя с Божеством требовали, чтобы он сыграл «самую благородную роль, которая когда-либо выпадала на долю человека». Хауз убедил его в этом. Таким образом вся сила его отождествления себя с Христом была переведена со стороны мира на сторону войны. Он решил продолжать воевать за мир. Будучи ребенком, он много раз пел с отцом: «Сын Бога отправляется на войну, чтобы завоевать королевскую корону». Завоевать королевскую корону принца мира стало целью жизни Вудро Вильсона. Его Супер-Эго, его активность и пассивность к отцу объединили свои силы в этом желании, и оно стало крайне мощным. Для его бессознательного было нетрудным делом заставить рассудок найти интеллектуальные оправдания для этого действия, свершения которого он столь глубоко желал.

Начиная с этого времени он не испытывал сомнений в том, что хочет делать, но время от времени он все же сомневался в том, может ли осуществить задуманное. Всегда, когда он сталкивался со значительным числом фактов, заставляющих его осознавать, что, вступив в войну, он, возможно, достигнет не божественного мира, о котором мечтал, а порочного мира, отождествление себя с Христом снова заставляло его испытывать отвращение к самой мысли о вступлении в войну. Он мог воевать лишь ради достижения мира.

17 октября 1915 года Хауз и Вильсон совместно подготовили письмо сэру Эдуарду Грею, подписанное Хаузом, в котором предл[агалось] вовлечь США в войну «для достижения мира на основе тех принципов», которые ранее обсуждались. Вильсон «признавал это предложение абсолютно справедливым» и молил Бога, чтобы оно принесло результаты. Среди ожидаемых им результатов были смерти тысяч американских юношей и уничтожение биллионов долларов американского богатства. Но его глаза смотрели на другие вероятные результаты: он станет диктатором условий мира, мировым судьей; он заложит такой прочный фундамент для мира, что люди более никогда не будут погибать в войнах; он будет принцем мира, который в конце войны станет судить как живых, так и мертвых.

Вильсон не сомневался в том, что ему удастся убедить народ Америки последовать за ним в этот крестовый поход. Он знал, что многих американцев уже убедили видные английские пропагандисты в том, что эта война является «войной за окончание всякой войны», и его уверенность в могуществе своего ораторского дара была громадной. Однажды он сказал: «Я бы желал, чтобы нашелся великий оратор, который смог бы своими речами зажечь в народе дух самопожертвования». Очевидно, он имел в виду себя. Позднее, когда он привел Америку к войне, он доказал, что его уверенность в своих ораторских способностях была справедлива. Он действительно зажег в американском народе дух самопожертвования.

XVIII

Как только Грею было отправлено это письмо, Вильсон вновь занялся своими любовными делами. Миссис Голт была для него в данный момент важнее, чем все остальное человечество. Хауз, с нетерпением ожидающий в Нью-Йорке ответа Грея, записал в своем дневнике: «20 ноября... Сообщения из Вашингтона говорят о повсеместно наблюдаемой любопытной инерции. Конечно, она главным образом обусловлена поведением президента. Он столь поглощен своей невестой, что не уделяет достаточного внимания делам. Я отправился бы в Вашингтон, только знаю, что буду не очень желанным гостем в данное время, особенно если попытаюсь пробудить его к действию... Время от времени более полно проявляется одна особенная черта характера президента, а именно что он избегает затруднений. Если я докладываю

ему о чем-то неприятном, то потом с очень большим трудом могу побудить его обсуждать данный вопрос. Я убежден, что некоторые из его затруднений в Принстоне были вызваны такой проволочкой в решении неприятных проблем... Еще одной его характерной чертой является крайняя предубежденность против людей. Он любит немногих и очень лоялен по отношению к ним... Он испытывает большую трудность при беседе с людьми, против которых по какой-либо причине испытывает предубеждение и у которых он не может найти никаких положительных качеств...»

«27 ноября... Перед обедом и во время обеда мы с президентом имели непродолжительный конфиденциальный разговор. К моему большому удивлению, он сказал мне, что не читал письма сэра Эдуарда Грея, которое я ранее отослал ему и содержание которого очень важно. Он принес его с собой, чтобы мы совместно обсудили его содержание...»

Письмо от сэра Эдуарда Грея, прочесть которое у президента не было времени из-за миссис Голт, было ответом на его предложение о вступлении США в войну на стороне союзников для достижения провозглашенных ими военных целей. Во время чтения письма Вильсон был до некоторой степени шокирован, обнаружив, что Грей проявил слабый интерес к их предложению. Хауз читал это письмо несколькими днями раньше и, глубоко разочарованный, записал в своем дневнике от 25 ноября 1915 года: «...предложение, сделанное мною в этом письме, — которое практически обеспечивало победу союзникам — должно было встретить более теплый прием. Англичане во многих отношениях тупы».

Ни Вильсон, ни Хауз не подозревали в то время, что Грей ведет секретные переговоры о разделе Германской и Оттоманской империй и что секретные военные цели англичан совпадали с провозглашенными ими военными целями лишь по одному пункту — восстановлению Бельгии. Секретные военные цели англичан были следующими: уничтожение германского ВМФ, конфискация германского торгового флота, ликвидация Германии как экономического конкурента, получение от Германии всевозможных контрибуций, аннексия германской Восточной Африки и Камеруна, аннексия всех германских колоний, расположенных на юге экватора и в Тихом океане, включая территорию острова Науру, контроль над Месопотамией, Трансиорданией, Палестиной и частью Сирии, которую удастся отхватить у Франции, расширение своего влияния в Персии, признание своими протекторатами Кипра и Египта и большое число менее важных пунктов. В действительности все эти секретные военные цели англичан были в той или иной форме достигнуты по соглашению Версальского договора; и письмо Грея Вильсону, в котором он отказывался от помощи США в деле достижения провозглашенных военных целей Англии, знаменует собой начало сражения «за» и «против» Версальского договора. Если бы Грей принял предложение Вильсона, Англия могла бы получить после окончания войны в лучшем случае лишь то, что было провозглашено в ее военных целях, которые были достаточно респектабельны, чтобы их можно было опубликовать. Тогда ей пришлось бы отказаться от тех колоссальных преимуществ, которые она получила после войны. Не желая отказываться от этих преимуществ, правительство Великобритании считало более предпочтительным сражаться без помощи США. Вильсон и Хауз, полностью доверявшие Грею и не подозревавшие о действительных целях Англии, заключили, что Грей просто-напросто является тупицей и что Хаузу следует отправиться в Лондон, чтобы лично объяснить Грею желательность предложенных ими действий.

18 декабря 1915 года Вильсон, вне себя от счастья, женился на миссис Голт. 2 8 декабря 1915 года Хауз отправился в Англию. Вплоть до 2 2 февраля 1916 года он пытался убедить Грея позволить США вступить в войну на основе соглашения о том, что условия мира будут соответствовать провозглашенным военным целям союзников, которые включали в себя восстановление Бельгии, возвращение Эльзаса-Лотарингии Франции и аннексию Константинополя Россией. То, что Вильсон просил разрешения, чтобы американцы отдавали

свои жизни и средства для того, чтобы Константинополь отошел к России, указывает на силу желаний, побуждающих его действовать. Грей отказался брать на себя какие-либо обязательства, но заставил Хауза поверить в то, что позднее примет его предложение. Грей и Хауз подписали меморандум, состоящий из предложения Хауза и уклончивых ответов Грея, и Хауз возвратился в Вашингтон.

Вильсон встретил Хауза 6 марта 1916 года с распростертыми объятиями. После двухнедельного «медового месяца» он вернулся к радостям прежней семейной жизни и находился в состоянии экзальтированного счастья. Он снова обладал представительницей матери и считал, что Хауз устроил все для того, чтобы его призвали диктовать мир на земле. Все основные потоки его либидо нашли более обширные выходы, чем когда-либо ранее. Хауз выразил Вильсону свою уверенность в том, что Грей согласится с их проектом. При прощании президент положил руку на плечо полковнику и сказал: «Невозможно представить себе более трудной задачи, чем та, которая лег^ ла на Ваши плечи, но Вы справились с ней выше всяких похвал. Вы должны гордиться собой, так как все это сделали Вы». Пребывая в состоянии счастья, президент ожидал разрешения от министра иностранных дел Англии на вступление США в войну для достижения провозглашенных военных целей союзников и становления Вудро Вильсона принцем мира.

XIX

Ответа от Грея не приходило, а 2 4 марта 1916 года счастье Вильсона было поколеблено торпедированием в Ла-Манше французского судна «Сассекс». Хауз советовал отослать Бернсторфа домой и готовиться к немедленной войне. Вильсон колебался. Его желание продиктовать совершенный мир имело столь глубокие корни, что он не мог от него отказаться. Его главным желанием было ввести США в войну после достижения соглашения с союзниками о том, что ему будет позволено диктовать условия мира. Но он все еще с ужасом думал о перспективе вступления Америки в войну, которая может закончиться заключением несправедливого мира. Он хотел породить мир, а не войну, окончательный совершенный мир был для него всегда благородным концом, оправдывающим военное вмешательство.

Он откладывал принятие мер в связи с потоплением судна «Сассекс» в течение 4 недель и пытался в это время убедить Грея позволить ему вступить в войну принцем мира. 6 апреля 1916 года он собственноручно напечатал следующую каблограмму Грею: «Так как представляется вероятным, что нашей стране придется порвать отношения с Германией из-за разбоя ее подводных лодок, если не случится что-либо необычное, и так как нашей стране придется когда-либо стать воюющей стороной, а война, несомненно, будет продолжительной, осмеливаюсь предложить Вам действовать в соответствии с планом, относительно которого мы договорились ранее. Прошу Вас проконсультироваться с союзниками относительно начала немедленных действий».

9 лет спустя, 14 марта 1925 года, вспоминая об этих переговорах, полковник Хауз писал: «Мне кажется, что, отослав каблограмму Грею, мы совершили ошибку. Нам следовало бы знать, что она не принесет желаемого результата. Я не уверен, что мы не совершили еще большей ошибки, оттягивая созыв мирной конференции, наконец, оставляя за союзниками право, быть судьями».

Каблограмма Вильсона действительно была до некоторой степени наивной. Для английского министерства иностранных дел она означала: Вильсон признает, что вскоре должен вступить в войну с Германией, поэтому можно считать обеспеченным поражение Германии и достижение наших секретных военных целей; мы сможем аннексировать германские колонии и контролировать обширный район турецкой территории, простирающийся от Египта до Персии; мы сможем уничтожить германский ВМФ, конфисковать германский торговый флот и разрушить экономическую мощь Германии. Теперь Вильсон просит нас отказаться от этих преимуществ —

ради чего? Ради удовольствия стать диктатором условий мира. Ответ, который Вильсон с нетерпением ждал от Грея, не пришел.

Вильсон, надеясь, что каблограмма от Грея спасет его от необходимости вступить в войну без гарантий относительно окончательных условий мира, оттягивал заявление своей ноты Германии до 18 апреля. Затем, чувствуя себя очень несчастным и понимая, что эта нота будет означать войну, он написал: «Если имперское правительство не провозгласит немедленно и не осуществит отказ от военных действий против пассажирских и грузовых судов, у правительства США не будет другого выбора, кроме полного разрыва дипломатических отношений с Германией». К крайнему изумлению и облегчению Вильсона, 5 мая 1916 года Германия подчинилась этим требованиям.

Переданная Вильсону полковником Хаузом 1 2 мая 1916 года каблограмма от Грея разрушила его надежду на то, что союзники собираются приглашать его диктовать условия мира. Его чувства по отношению к войне сразу же изменились. Он начал подозревать, что Грей не является архангелом, каким представлял его себе Хауз, но он все еще питал надежду на то, что сможет убедить Грея позволить ему воевать ради заключения мира. 1 6 мая 1916 года он сказал Хаузу, что пришло время проводить «более жесткую» политику: Америка должна либо сделать решающие шаги к заключению мира на прочной основе, или твердо настаивать на своих правах против Великобритании, как и против Германии; бездействовать больше невозможно. Он попросил Хауза подготовить резкую каблограмму Грею. Вильсон наконец начал понимать, что союзники, а не Германия стоят между ним и осуществлением его желания быть спасителем человечества. Он перестал говорить о войне таким образом, как если бы вся правота была на стороне союзников, а вся несправедливость — на стороне Германии. 2 3 июля 1916 года он писал Хаузу: «Я должен признаться, что приходит конец моему терпению относительно Великобритании и союзников. Их интриги являются последней каплей... Я серьезно думаю попросить конгресс наделить меня полномочиями запрещать займы и ограничивать поставки союзникам. Для меня становится ясным, что эта политика прикрывает желание помешать нашим торговцам закрепиться на рынках, которые ранее контролировались и доминировались Великобританией. Полк и я составляем ноту. Я могу оказаться вынужденным составить ее такой же резкой и окончательной, как и моя нота Германии относительно действий подводных лодок. Каково твое мнение по этому вопросу? Можем ли мы и далее терпеть все это?»

С 17 октября 1915 года, когда Вильсон отослал письмо Грею, которое, как он считал, приведет к тому, что он станет вершителем дела мира, до 2 6 марта 1916 года, когда торпедирование «Сассекса» сделало почти неизбежным вступление в войну США без предварительного соглашения с союзниками о том, что президенту США будет позволено диктовать условия мира, Вильсон находился в состоянии экзальтированного счастья: у него была любимая жена, и он взял мир под свое личное покровительство. Как только перспектива стать принцем мира стала отдаляться, он вновь почувствовал себя неудовлетворенным и больным. Опять появились изматывающие головные боли и участились желудочные приступы. Он стал проявлять несдержанность в отношениях со своими коллегами. А 3 мая 1916 года он объявил, что не желает более занимать пост президента и мечтает об отставке. Единственным близким человеком в этот период была для него миссис Вильсон.

16 июня 1916 года Вильсон был единогласно переизбран демократами, и лозунг его 2-й кампании в борьбе за президентство первым прокричал губернатор Нью-Йорка Глинн: «Он уберег нас от войны!» Вильсон, зная, что в предшествующие 8 месяцев он делал все возможное для вступления Америки в войну на его собственных условиях, чувствовал себя столь неловко, что избегал в своих предвыборных речах затрагивать этот вопрос. Он также старался не давать каких-либо обещаний по поводу этого на будущее. Тем не менее он понимал, что не сможет быть

переизбранным без голосов от западных штатов, настроенных весьма резко против войны. Поэтому он санкционировал использование лозунга «Он уберег нас от войны!» его партией; и через тысячи плакатов и тысячи голосов эта идея вби-лась в головы американцев: Вильсон уберег нас от войны и спасет нас от нее в будущем. Голосовать за Вильсона значило голосовать за мир. Если бы американцы знали об истинном положении дел, он потерпел бы сокрушительное поражение.

На всем протяжении президентской кампании Вильсон продолжал находиться в плохом настроении. Он срывал свое раздражение, как на друзьях, так и на врагах. Сенатор Лодж узнал об инструкции Джерарду, которая была подготовлена Вильсоном и Брайаном для сопровождения первой ноты по поводу потопления «Лу-зитании». Лодж произнес в Бостоне речь, утверждая, что резкая нота Вильсона в Берлин была смягчена намеком на то, что ее не следует принимать всерьез и что Германия продолжала нарушать американские права, так как знала или верила в то, что, пока Вильсон остается президентом, США не будут защищать свои права. Вильсон ответил: «...Заявление, сделанное сенатором Лод-жем, несправедливо. Я никогда не писал и не собирался писать никакого постскриптума или поправки к ноте по поводу «Лузитании», за исключением вставленных мной самим изменений, которые усилили и сделали более резким выражаемый протест. Предлагалось, после того как нота была готова к передаче, послать германскому правительству намек на то, что будет приемлемым предложение о третейском суде. Один член кабинета говорил со мной по этому поводу, но это предложение никогда не обсуждалось на заседании кабинета, и не делалось какой-либо угрозы ухода в отставку по той простой причине, что я отверг это предложение после того, как уделил ему достаточное внимание, какого, я считаю, заслуживает любое предложение, затрагивающее столь важный вопрос. Оно было несовместимо с целью ноты. Публике известно все, что было сказано германскому правительству».

Читатель помнит, что Вильсон и Брайан совместно подготовили эту инструкцию и отправили ее в государственный департамент, чтобы ее вручили немецкому правительству одновременно с нотой по поводу «Лузитании». Каждое отдельное утверждение, высказанное Вильсоном в ответ на заявление Лоджа, является в его толковании верным. Отрицание своего участия в целом — это очень ловкое уклонение от истины. Однако намного более важным является тот факт, что в этот момент Вильсон начал ненавидеть сенатора Лоджа. Мы ранее отмечали, что со времени учебы Вильсона в колледже Лодж являлся для него отцовским представителем. Когда Лодж вынудил его воспользоваться столь ловким уклонением от истины, он начал использовать Лоджа, как ранее использовал Веста, в качестве выхода для своего реактивного образования против пассивности к отцу. Начиная с этих пор его отношения с Лоджем контролировались не разумом, а навязчивостью. Он был принужден стараться победить Лоджа, как ранее он был вынужден стараться победить Веста.

Так как союзники отказывались признать его спасителем человечества, он начал считать их почти такими же могучими врагами Бога, как и немцев, которых называл «дикими гуннами». Его желание превратить войну в крестовый поход, который он сможет возглавить, и его растущая уверенность в том, что союзники могут оказаться столь же неверными, как и немцы, перемешались в его речи от 5 октября 1916 года, в которой он сказал: «Необычность настоящей войны заключается в том, что ее причины и цели не были открыты... Для объяснения этой войны потребуется длинное историческое исследование. Но Европа не должна понять нас неправильно. Мы держимся в стороне не потому, что являемся менее озабоченными, а потому, что, когда мы применяем силу нации, мы хотим знать, ради каких целей мы это делаем... Когда нас спрашивают: «Не хотите ли вы воевать?» — ответ: «Да, мы ожидаем чего-то стоящего, чтобы за это сражаться; мы не ищем пустяковых ссор, а ищем такой ссоры, в которой затрагиваются все права человека, мы ищем некую причину, которая возвысит наш дух, а не ввергнет его в уныние. Такую причину,

за которую почетно пролить человеческую кровь, если это окажется необходимым». Это до некоторой степени расплывчатое заявление, переведенное на простой язык, означает: "Союзники, вероятно, столь же эгоистичны, как и немцы. Я не желаю вступать в войну из-за «мелочной ссоры» с Германией по поводу применения ею подводных лодок. Я крайне желаю возглавить крестовый поход за совершенный мир"».

Спустя 2 недели он получил сообщение от германского правительства, которое информировало его о том, что, если он в скором времени не осуществит шагов к мирному урегулированию, будут возобновлены неограниченные военные действия подводных лодок, Его настроение резко ухудшилось. Даже Хауз начал ощущать тяжесть его гнева. 2 ноября 1916 года Хауз записал в своем дневнике: «Прибыл президент. Мак-кормик и я встретили его и отправились с ним на яхту «Мэйфлауэр». Мы беседовали с ним в течение полутора часов, и это было наиболее язвительное обсуждение, которое я имел с ним за длительный промежуток времени... Он считал, что Нью-Йорк «прогнил до сердцевины» и его нужно снести с карты земли... Он считал, что у Маккормика и у меня были свои люди в Нью-Йорке и что кампанию следует вести где-нибудь в другом месте... Однако перед тем, как мы расстались, президент обнял нас обоих и выразил признательность за все то, что мы делаем... Он сказал: «Я не верю, что американский народ пожелает вступить в войну безотносительно к тому, сколь много американцев погибнет на море». Он сказал, что ему жаль, что это так, но тем не менее таково его мнение».

Вильсон потерял интерес к предвыборной кампании. Несмотря на свой нарциссизм и Супер-Эго, которые, конечно, требовали победы, временами, казалось, он испытывал полнейшее безразличие к тому, переизберут его или нет. Хауз записал в своем дневнике: «Президент препоручил все нам и не звонит, не высказывает какого-либо предложения и не подает никакого совета, хотя его шансы на успех весьма проблематичны». Вильсон решил немедленно уйти в отставку, если будет избран Хьюз, вместо того чтобы находиться на посту президента в течение еще 4 месяцев своего конституционного срока. 7 ноября 1916 года Вильсон был переизбран президентом США. Своим избранием он был обязан голосам «сомнительных» западных штатов, настроенных резко против войны.

Летом и в начале осени 1916 года президент был не в ладах почти со всеми и со всем в жизни. Еще зимой и в начале весны 1916 года он чувствовал себя счастливым человеком. Что привело его к разочарованию? В его личной жизни не произошло никаких изменений. Второй брак Вильсона принес ему такое же удовлетворение, как и первый. Жена полностью удовлетворяла его; но удовлетворение слабого потока его либидо, которое было направлено на женщин, не могло компенсировать отсутствие удовлетворения для тех огромных потоков либидо, которые были направлены на его отца. Зимой и в начале весны 1916 года он был так счастлив, он верил, что вскоре США вступят под его началом в войну и он станет диктовать условия мира. Мы видели, что этот проект давал великолепный выход всем потокам его либидо, направленным на отца. В течение лета его вынудили осознать более ясно, чем когда-либо прежде, что люди Америки ждут от него мира. Так он вынужден был отказаться от этого выхода для своих влечений, направленных на отца, которые давали ему такое счастье. Ранее он представлял себя выполняющим «самую благородную роль, которая когда-либо выпадала на долю человека». Все основные заряды его либидо объединились в непреоборимое желание играть эту роль. Он не мог быть счастлив без надежды на то, что он скоро станет спасителем человечества. Если он не мог возглавить США в войне, которая могла бы стать крестовым походом за мир, продиктованный им, он не очень заботился о том, будет он президентом или нет. Вильсон почувствовал ужас, исходивший от германского сообщения от 18 октября 1916 года. Он понял, что может оказаться вынужденным втянуть народ США в «мелочную ссору», в результате которой не только погибнут тысячи американцев и будет нанесен огромный экономический ущерб стране, но также установится

несправедливый мир. Ему ничего не было известно о секретных целях союзников. Но их отказ принять помощь США ради достижения провозглашенных ими военных целей убедил его в том, что секретные цели союзников были ничуть не более благородными, чем цели Германии. Его желание избежать войны, в результате которой установится несправедливый мир, который неизбежно приведет к новым войнам, было почти столь же сильным, как и его желание, стать во главе крестового похода за совершенный мир. Он хотел породить не войну, а мир. Его бессознательное отождествление себя с Христом удерживало его от вступления в войну без твердой уверенности, что это будет война за мир.

XX

После своего переизбрания Вильсон решил, что имеется лишь единственный путь выхода из затруднений: он должен требовать прекращения войны во имя благоденствия человечества независимо от того, будут ли его действия одобряться Англией или нет. Он считал, что такое моральное требование приведет к переговорам и миру на основе сохранения довоенного статус-кво. Хауз резко выступал против такого курса. Зависимость Вильсона от Хауза все еще была очень велика. Его презрение к Лансингу возросло, а недоверие к Тьюмалти побудило попросить своего секретаря покинуть Белый дом. Но он не смог вынести слез Тьюмалти и оставил его своим секретарем, однако принял меры предосторожности для того, чтобы скрыть свои намерения как от Тьюмалти, так и от Лансинга. Кроме миссис Вильсон и д-ра Грейсона, Хауз был единственным человеком, которому он доверял.

14 ноября 1916 года Вильсон послал за Хаузом, и они весь день спорили, «снова и снова рассматривая вопрос о том, что лучше всего предпринять». Хауз утверждал, что на данный момент нет необходимости предпринимать что-либо и что следует ждать дальнейшего развития событий; президент утверждал, что ситуация, вызванная действиями подводных лодок, не позволяет им оттягивать решение этого вопроса и что имеет смысл обдумать последствия, прежде чем разрывать отношения с Германией. Хауз записал в своем дневнике: «Было 11 часов ночи, когда он предложил идти спать, и я видел его глубокую обеспокоенность».

На следующий день Хауз писал: «Я завтракал один. Президент пришел необычно поздно, что говорило о плохо проведенной ночи. Я испытывал сожаление, но ничего нельзя было поделать. Я не люблю приходить в Белый дом с плохими известиями... Я сказал ему, что Лансинг, Полк и другие не видят какого-либо кризиса в полемике относительно использования германских подводных лодок, и попросил его забыть на данное время этот вопрос. Это заметно успокоило его и улучшило настроение...»

Несмотря на доводы Хауза, Вильсон решил написать воззвание к миру, но Хауз убедил его сделать воззвание менее эмоциональным и подождать с его распространением. Воззвание было готово, но Вильсон все еще испытывал колебания относительно его оглашения, когда 12 декабря 1916 года германское правительство опубликовало заявление, выражающее готовность Германии принять участие в мирной конференции. Вильсон, не проконсультировавшись с Хаузом, опубликовал свое воззвание, снабдив его объяснением по поводу того, что оно не было вдохновлено германским предложением. Это воззвание подписал секретарь Лансинг. В нем Вильсон ясно давал понять, что стал относиться к союзникам и к немцам почти с одинаковым подозрением. Он писал: «...те цели, которые были официально провозглашены государственными деятелями обеих воюющих стран, являются, в сущности, одними и теми же, как они излагаются в общем виде перед народами этих стран и всего мира».

Воззвание Вильсона не привело ни к какому конкретному результату, и он был крайне подавлен неудачей своей попытки умиротворения. Однако ужас перед тем путем, который он видел перед собой, был столь велик, что Вильсон продолжал бороться за достижение немедленного мира, несмотря на усилия Хауза убедить его ничего не делать. Хауз считал, что

Вильсону следует отказаться от надежды на мир и начать немедленную подготовку к войне. Вильсон не стал предпринимать никаких шагов в этом направлении. Он обратился к германскому правительству без заискивания, но с той же самой надеждой, с которой годом раньше обращался к правительству Англии. Вильсон пытался получить от Германии официальное заявление о разумных условиях мира и был готов, если Германия передаст свои условия мира в его руки и они окажутся приемлемыми, принудить союзников принять их. Он столь сильно желал уберечь США от войны с Германией, что иногда подумывал о заключении договора с немцами, который отдалит угрозу войны для США хотя бы на 9 месяцев. Таким образом, он приближался к той пацифистской позиции, которую побуждал его занять Брайан после потопления «Лузитании». Действительно, Вильсон никогда не был столь убежденным пацифистом, как в течение этих 2 месяцев, которые предшествовали объявлению неограниченного ведения боевых действий немецкими подводными лодками. Сдерживаемый в своем желании вступить на путь войны, видя себя в роли спасителя человечества, он остается принцем мира, но чуть меньшим.

2 7 декабря 1916 года граф фон Бернсторф зашел к Хаузу и предложил, если президент Вильсон не возражает, послать каблограмму своему правительству с предложением выступить посредником при передаче немецкой стороной условий мира американскому президенту. Президент принял это предложение с огромной благодарностью. Бернсторф сделал все, что было в его силах, чтобы убедить свое правительство послать ему разумные условия мира для передачи их президенту, и путем неоднократных бесед с Хаузом убедил президента в том, что он, вероятно, получит такие условия.

Вильсон начал верить в то, что немецкое правительство намеревается позволить ему диктовать условия мира, как год тому назад он ждал такого жеста от английского правительства. 4 января 1917 года он сказал: «Не будет никакой войны. Наша страна не желает быть вовлеченной в эту бойню. Мы являемся единственной из великих наций, свободной в настоящее время от бремени войны, и будет преступлением против цивилизации, если мы также в нее вступим». Он начал питать дружеские чувства к Бернсторфу, который чистосердечно помогал президенту в его попытке положить конец войне, и был весьма враждебно настроен по отношению к Лансингу, который, по его мнению, «не симпатизировал его цели не быть вовлеченным в войну». 11 января он сказал Хаузу: «Для Лансинга большую опасность представляет не Бернсторф, а он сам, ибо я был очень близок к тому, чтобы просить его об отставке, когда он зачитал ответ на последнюю ноту».

К 19 января 1917 года Вильсон был настолько уверен в том, что Германия намеревается передать ему свои условия мира и эти условия будут разумными, что попросил Хауза заранее подготовить и зашифровать послание к Бальфуру и Ллойду Джорджу, излагающее условия немцев и предпринимаемые ими шаги, указывающие на их готовность заключить мир на этих условиях. В этот же самый день, без ведома Вильсона, Бернсторф получил от немецкого правительства не разумные условия мира, а сообщение о том, что с 1 февраля 1917 года будут возобновлены неограниченные военные действия подводных лодок.

Вильсон, веря в то, что он стоит накануне заключения мира, произнес 2 2 января 1917 года одну из самых выдающихся речей в своей жизни, требуя «мира без победы» (какой-либо из сторон). Бернсторф, все еще пытаясь предотвратить войну с США, но понимая, что она неизбежна, написал Хаузу 20 января 1917 года: «...я боюсь, что ситуация в Берлине уходит из-под нашего контроля. Чрезмерные требования наших врагов и их резкие послания президенту, по-видимому, привели в ярость общественное мнение в Германии до такой степени, что результатом может быть все, что угодно, кроме благоприятных для нас мирных планов».

Хауз послал это письмо Вильсону. И 24 января 1917 года Вильсон ответил ему: «То, что можно прочесть между строк послания Шарпа, дополняет сведения, полученные Гувером, и

убеждает меня в том, что, если Германия действительно хочет мира, она может получить его, и довольно быстро, *если только доверится мне и даст мне шанс.* То, что Бернсторф сказал Вам на днях, будучи уравновешено и сбалансировано тем, что он написал впоследствии, ничего не объясняет в деле подготовки переговоров между воюющими странами. Мне кажется, что Вам будет необходимо немедленно встретиться с Бернсторфом (не там, где могли бы заметить Вашу встречу, как получилось в последний раз, а в каком-либо укромном месте) и сказать ему, что пришло время что-то завершать, если они действительно и искренне хотят мира. Что до нас доходят сведения, которые позволяют нам поверить в то, что, если будет предложено что-либо разумное какой-либо из сторон, я смогу провести это предложение в жизнь. В противном случае... отношения между США и Германией смогут подойти к разрыву, и все примет другой оборот. Ни здесь, ни там нет оскорбленных чувств и раздражения. Действительно ли они хотят мира? Я имею право знать это, так как поставил себя в такое положение, что придется оказывать помощь без покровительства какой-либо из сторон... Еще раз прошу у Вас одобрения и помощи, которые Вы постоянно даете мне. Иногда я чувствую себя очень одиноко, а иногда нахожусь в очень подавленном настроении, несмотря на все мои старания».

Невозможно удержаться от выражения симпатии к Вудро Вильсону, написавшему вышеприведенное письмо. В январе 1917 года он говорил, писал и вел себя как великий человек; и не его вина в том, что глубоко искренние усилия, которые он предпринял в то время в целях достижения мира, закончились войной. То, что каждый человек должен был считать его спасителем мира, является, возможно, абсурдным, но человечеству повезло бы много больше, если бы в тот момент посредничество, взятое на себя Вильсоном, было принято великими державами.

Хауз, отвечая на письмо Вильсона, писал 2 7 января: «Я сказал ему (Бернсторфу), что Германия должна предложить Вам для дальнейшей разработки нечто определенное, и немедленно. Я предложил, чтобы они заявили о том, что готовы полностью вывести свои войска из Бельгии и Франции и что они согласны на *взаимное* "восстановление, репарацию и компенсацию"».

Если бы Вильсон получил от немецкого правительства условия, записанные в соответствии с вышеприведенным предложением, он использовал бы всю свою власть для того, чтобы добиться мира на этой основе. В то время союзники столь полно зависели от США в поставках вооружения и финансовой помощи, что не смогли бы противостоять угрозе эмбарго. Вряд ли можно сомневаться в том, что Вильсон смог бы навязать им «мир без победы». Но немецкое правительство не хотело мира без аннексий и контрибуций. Так же как и английское правительство в 1915 и 1916 годах предпочитало сражаться за секретные военные цели без помощи США, так и немецкое правительство в 1917 году, рассчитывая на огромные территориальные приобретения и контрибуции, предпочло сделать США своим военным врагом. 3 1 января 1917 года граф фон Берн-сторф, выполняя приказы из Берлина, написал 2 письма: секретарю Лансингу, которое содержало декларацию об объявлении неограниченных военных действий подводными лодками, и полковнику Хаузу, в котором излагались немецкие условия мира — условия, выполнение которых сделало бы кайзера диктатором Европы.

XXI

Вильсон был потрясен. До этого он надеялся, что, не вовлекая США в войну, ему удастся добиться справедливого мира. Теперь он понял, что ему, по всей вероятности, придется вовлечь США в войну без какой-либо гарантии того, что последующий мир будет справедливым. Он пришел к мнению о том, что цели союзников были такими же эгоистичными, как и цели Центральных стран, и чувствовал, что может стать орудием союзников. Ему придется вступить в войну без конечного справедливого мира. Для отождествления им себя с Христом это было непереносимо.

Хауз записал в своем дневнике: «Президент был печальным и подавленным, и в течение

всего дня мне не удалось изменить его настроение. Он был глубоко разочарован внезапной и необоснованной акцией немецкого правительства. У нас были все основания полагать, что в течение месяца воюющие стороны сядут за стол переговоров. Президент сказал, что у него такое ощущение, будто мир перевернулся; что земной шар начал вращаться в обратном направлении и он не может обрести равновесие...

Дольше всего мы обсуждали вопрос о том, сразу ли отдать Бернсторфу его паспорта или лучше подождать До тех пор, пока немцы совершат некий явный акт. Когда пришел Лансинг, обсуждение возобновилось, и мы остановились на том, что лучше отдать ему паспорта сразу, так как это может образумить немцев... Президент сказал, что сделает все возможное, чтобы избежать вступления в войну. Он еще раз высказал свое мнение о том, что для правительства будет преступлением быть захваченным войной до такой степени, что впоследствии это сделает невозможным спасение Европы. Он говорил о Германии как о «сумасшедшем, которого надо обуздать». Я спросил его, считает ли он справедливым по отношению к союзникам предоставлять им право обуздания Германии без нашего вклада в это дело. При этих словах он заметно изменился в лице, но все же продолжал говорить о своей решимости не быть вовлеченным в войну, если только это будет возможно».

3 февраля 1917 года Вильсон объявил конгрессу, что принял решение порвать дипломатические отношения с Германией. Он подчеркнул при этом мирный характер политики, которую надеялся проводить. Он не мог заставить себя признать тот факт, который понимал почти всякий американец, что за разрывом дипломатических отношений неизбежно последует война. Он все еще с ужасом отворачивался от судьбы, которую столь долго пытался избежать. Он не возражал против войны в принципе, но одобрял один вид войны и ненавидел другой. Он с огромной радостью возглавил бы США в войне, которая, по его мнению, была бы крестовым походом за мир; но отнюдь не был уверен, что эта война будет таковой. Действительно, он был почти уверен в том, что война кончится несправедливым миром. Эта мысль была для него слишком тяжела. Ему надо было найти некоторый выход для своего желания быть принцем мира.

Гнев против Германии переполнял его. Германия заставила его оказаться в таком положении, в котором было невозможно отождествление себя с Христом. К гневу примешивалось горькое негодование против немецкого правительства. Он считал, что правители Германии дурачили его, обманывая относительно своих намерений в январе 1917 года, и поклялся, что никогда более не поверит немецкому правительству. Он испытывал ненависть ко всему правящему классу Германии. Этот класс стал для него гидрой, втягивающей его в такую войну, против которой он столь долго боролся. Он продолжал включать в свою «любовь человечества» немецкий народ, но правители Германии стали для него с этих пор дьяволами. Это различие, которое Вильсон неизменно проводил между немецким правительством и немецким народом, вначале было сделано в его бессознательном.

Он почувствовал себя очень больным. Его мучили бессонница, сильные головные боли и диспепсия. До 3 1 марта 1917 года он держался против растущей волны общественного мнения, которая поднялась после опубликования послания Циммермана германскому послу в Мексике. Ранним утром 1 апреля 1917 года он написал декларацию об объявлении войны.

Знаменательная беседа м-ра Франка Кобба с Вильсоном в этот день ясно показывает, что, когда Вильсон писал эту декларацию, он с ужасом и беспомощностью предвидел перспективу вступления Америки в войну за несправедливый мир. Он чувствовал, что вступает не в ту войну, в которой ему хотелось участвовать, а в войну, «которую хотели союзники, и что они будут следовать курсом, против которого выступала и боролась Америка». Тем не менее перед народом он выступал, как если бы возглавлял США в крестовом походе в борьбе за совершенный мир.

Это похоже на лицемерие, но тщательное исследование показывает, что это не было

лицемерием. Лицемерие Вильсона было почти всегда самообманом. Он обладал громадной способностью игнорировать факты и огромной верой в слова. Его отношение к фактам и фразам было прямо противоположно отношению к ним ученого. Он не мог позволить, чтобы прекрасная фраза была убита неоспоримым фактом. Он радовался, позволяя прекрасной фразе уничтожать неприятный факт. Когда он изобретал чудесную фразу, он начинал в нее верить безотносительно к каким-либо фактам. В начале марта 1917 года он оказался перед дилеммой, решить которую вначале ему не представлялось возможным. Факты говорили ему, что война закончится несправедливым миром. До тех пор пока он придерживался фактов, у него было лишь два выбора. Он мог занять позицию: война закончится несправедливым миром, но действия Германии принуждают нас вступить в войну, или, так как война закончится несправедливым миром, я отказываюсь вступить в нее, несмотря на провокации со стороны Германии. Он не мог заставить себя принять какую-либо из этих двух альтернатив. С одной стороны, он столь ясно и неоднократно заявлял о намерении США вступить в войну, если Германия возобновит без предупреждения потопление судов, что отказ от вступления США в войну сделал бы его и США всемирным посмешищем. С другой стороны, он не мог заставить себя сказать конгрессу: Германия совершает против нас военные действия, поэтому нам придется объявить войну. Я сожалею, так как война будет стоить нам много тысяч жизней, и громадных ресурсов, и расходов и в конечном счете будет заключен несправедливый мир, который обречет человечество на новую войну, еще хуже предыдущей. Его отождествление себя с Христом было столь сильным, что он не мог ратовать за войну, если только она не будет средством достижения мира. Ему оставалось верить, что каким-либо образом он выйдет из этой войны спасителем человечества. В конце марта 1917 года ему пришлось просить об объявлении войны. Он не мог делать это иначе, как в качестве крестового похода за мир. Он знал, что это не будет крестовый поход за мир. Факты вступили в противоречие с его желанием. И аналогичным образом, который стал для него столь обычным, он ушел от решения этой дилеммы путем игнорирования фактов.

В провозглашенной им декларации об объявлении войны он выразил не свое желание, чтобы война была крестовым походом за мир, а свою веру, что она будет таким походом, и забыл факты. Но факты все еще ярко стояли в его памяти при разговоре с Коббом, которому он сообщил факты. После этого он сделал все возможное, чтобы вытеснить неприятные факты, и в большей степени ему это удалось. Факты войны стали для него не действительными фактами, но фактами, которые он изобретал для выражения своих желаний. Время от времени действительные факты всплывали на поверхность, и он вытеснял их опять посредством новых воображаемых фактов, которые выражали его желания. Он был убеждаем собственными словами. Вильсон начал целиком доверять своим фразам. Своими словами он заставил многих людей поверить в то, что война закончится справедливым миром. Он заставил всю Америку «исполниться духом самопожертвования». Но ни один человек не обманывался или опьянялся его словами более, нежели он сам.

С 1 апреля 1917 года и до его смерти в рассудке Вильсона были 2 абсолютно разных набора фактов, имевших отношение к войне и миру: действительные факты, вытесненные настолько, насколько это было возможно, и факты, которые изобретали его желания. Отрыв от реальности, который в конечном счете привел его к прославлению Версальского договора как «99%-ной гарантии против войны», несомненно, корнями уходил в его детство, но начал свободно проявляться в ту ночь, когда он писал декларацию об объявлении войны и не мог смотреть в лицо фактам. Вильсон объявил, что война является крестовым походом за мир, хорошо зная в глубине своего рассудка, что «его крестоносцы» никогда не достигнут «святой земли», но веря, что посредством тех слов, которые он узнал, сидя на коленях отца, он приведет все армии дорогой бескорыстия к «священной гробнице» всеобщего мира, где они найдут его самого.

Неуверенность Вильсона в течение 2 месяцев, которые отделяют объявление неограниченных боевых действий подводными лодками с 1 февраля 1917 года от его решения вступить в войну 1 апреля 1917 года, по-видимому, требует некоторого дополнительного комментария. Даже после написания им декларации об объявлении войны продолжала иметь место его нерешительность. В воспоминании Кобба о разговоре с Вильсоном 1 апреля 1917 года содержится следующий отрывок: «Я никогда не видел его таким усталым. Он выглядел, как будто не спал всю ночь, и сказал, что действительно не спал. Вильсон заявил, что, вероятно, собирается выступить перед конгрессом с просьбой об объявлении войны и что никогда в жизни он не испытывал таких больших колебаний, как по поводу этого решения. Он сказал, что ночи напролет лежал без сна, вновь и вновь обдумывая создавшееся положение...» Отождествление Вильсоном себя с Христом, несомненно, было главной психической силой, которая сделала Для него столь трудным принятие решения, но, по-видимому, такая его чрезмерная нерешительность была вызвана еще одной причиной. Сцена в кабинете Белого дома, после того как Вильсон произнес свою декларацию об объявлении войны в конгрессе, осталась необъясненной. Тьюмалти описал ее следующим образом: «В течение некоторого времени он сидел в кабинете бледный и молчаливый. Наконец он сказал: «Подумать только, чему они аплодируют. Моя сегодняшняя декларация означает смерть для наших молодых людей. Как странно аплодировать этому... Хотя я казался безразличным к критике, которая доставалась на мою долю в эти критические дни, немногие попытались понять мою цель и симпатизировали мне на всем протяжении борьбы за претворение ее в жизнь.

...Например, редактор одной из крупных газет Спрингфилда понимал меня с самого начала и симпатизировал мне все это время... Я хочу прочесть тебе письмо, полученное мною от этого чудесного старика». Когда он читал, то теплые слова письма вызвали у него сильные эмоции... Он вынул из кармана платок, вытер обильные слезы и затем, положив голову на стол, зарыдал, как ребенок».

До тех пор пока был жив отец, Вудро Вильсон никогда не принимал какого-либо важного решения, не посоветовавшись с ним. И его нерешительность, проявленная при столкновении с самой главной задачей в своей жизни, по-видимому, проистекала от того простого обстоятельства, что он не мог попросить у отца совета. Ему приходилось принимать решение самостоятельно. Только что приняв решение, он прочитал письмо «нежной симпатии» от «прекрасного старика», затем, «положив голову на стол, зарыдал, как ребенок». Маленький Томми Вильсон все еще крайне нуждался в нежной симпатии и одобрении своего несравненного отца.

XXII

Сила желания Вильсона возглавить крестовый поход за мир, который закончится тем, что он станет судьей мира, была видна по его желанию играть эту роль в октябре 1915 года и, по его несчастью, в последующие за маем месяцы 1916 года, когда он убедился в том, что Англия не позволит ему этого. Как только он смог заставить себя поверить в то, что сможет сделать войну крестовым походом за мир, он успокоился, стал относительно счастливым и сильным. Для такого больного человека, каким являлся Вильсон, подобные нагрузки были весьма тяжелы, тем не менее он не испытывал «полного упадка сил». Его Супер-Эго, нарциссизм, активность и пассивность по отношению к отцу, а также реактивное образование против пассивности по отношению к отцу были обеспечены вследствие войны крайне удовлетворительной разрядкой. Нельзя отрицать, что он исполнял невозможное, был одним из величайших людей в мире, способным послать своих соотечественников на смерть и в то же время предстающим спасителем человечества, по-настоящему любившим только двух людей — жену и Хауза.

Вильсон делал все для того, чтобы сделать вступление США в войну эффективным и решающим. Он выступал за введение закона о воинской повинности и добился этого. Он

организовал новые правительственные агентства для решения различных военных проблем. Он назначил главами этих агентств наиболее способных людей, которых смог найти, безотносительно к их партийной принадлежности. В некоторых случаях назначенные им люди оказались крайне полезными, в других — крайне неспособными. У него не было ни физических сил, ни желания руководить работой этих новых агентств и департаментов. Он взял в свои руки руководство внешней политикой. Сенатор Лодж, который стал председателем сенатского комитета по внешним сношениям, предлагал свое сотрудничество в области внешней политики. Вильсон, который, как мы видели, в 1916 году начал ненавидеть Лоджа интенсивной невротической ненавистью, отказался от предложенного Лоджем сотрудничества.

Бальфур сменил Грея на посту министра иностранных дел Великобритании. Он прибыл в Америку в апреле 1917 года для того, чтобы сообщить Вильсону об отчаянном положении союзников и о возможном выходе из войны России. Он также рассказал об ужасном моральном состоянии французских войск и о бедственном финансовом положении Англии, в связи с чем США придется взять на себя намного более тяжелое бремя войны, чем предполагалось ранее. Он был готов открыть Вильсону по крайней мере некоторые из секретных договоров союзников и обсудить с ним военные цели, естественно предполагая, что Вильсон будет настаивать на определении именно тех целей, ради достижения которых он должен призывать народ США проливать свою кровь.

Вильсон желал решить с Бальфуром вопрос о военных целях определенно и сразу. В этот момент он, вероятно, мог бы выдвинуть собственные условия мира и, возможно, смог бы обратить войну в крестовый поход за мир, который он провозглашал с трибуны. Союзники полностью находились в его власти. Но Хауз убедил его не требовать от Бальфура определения военных целей под тем предлогом, что возникшая в результате этого дискуссия помешает ходу ведения войны. И Вильсон, и Хауз проглядели тот факт, что все воюющие державы детально обсуждали свои условия мира, и это не мешало им активно участвовать в войне. Хауз также обрисовал Вильсону последующую мирную конференцию, на которой Англия будет лояльно сотрудничать с США в основании справедливого и прочного мира. И Вильсон, всегда стремящийся «уйти от затруднений», упустил возможность избежать условий Версальского договора и обеспечить справедливый мир, о котором мечтал. Вильсон и Хауз, по-видимому, абсолютно неправильно представляли себе отношение европейских правительств к Вильсону. До тех пор пока физическая помощь США имела жизненно важное значение для союзников, им приходилось считаться с мнением президента США, но Вудро Вильсон никогда не смог заставить ни одного европейского государственного деятеля «проникнуться духом самопожертвования».

Бальфур упомянул Вильсону о существовании некоторых секретных договоров и обещал прислать их ему, но не вьйтолнил своего обещания и, сделав все для получения наибольшей военной помощи от США, уехал домой счастливым.

Хотя Вильсону не удалось разрешить с Бальфуром вопрос о секретных договорах, во всех своих публичных выступлениях он выражал абсолютную уверенность в том, что установит справедливый и прочный мир, и снова, и снова говорил о своем расположении к немецкому народу и о своем убеждении в том, что поражение принесет ему не страдание, а благо. Например, 14 июня 1917 года он сказал: «Мы... не являемся врагами немецкого народа, и он не является нашим врагом. Не простые немцы породили эту ужасную войну или желали, чтобы мы приняли в ней участие; и мы смутно осознаем, что боремся за их дело, как они в будущем поймут, так же как и за наше дело... Великий факт, который стоит превыше всего прочего, заключается в том, что это народная война, война за свободу, справедливость и самоуправление среди всех наций мира, война за то, чтобы добиться мира для всех людей земли, включая немецкий народ».

Однако неудобоваримый факт о существовании секретных договоров осел в голове

Вильсона и беспокоил его. 2 1 июля 1917 года он писал Хаузу: *«Англия и Франция никоим образом не разделяют аналогичных с нашими взглядов на вопрос о мире.* Когда война закончится, мы сможем принудить их принять нашу точку зрения, так как к этому времени они будут... в финансовом отношении в наших руках. Но мы не можем склонить их к этому в настоящее время, и любая попытка говорить за них или выражать наше общее мнение породит раздоры, которые неизбежно всплывут перед публикой и лишат все наши усилия эффективности... Наши истинные условия мира — те.'На которых мы, несомненно, будем настаивать, — в настоящее время не приемлемы ни для Франции, ни для Италии (даже если не рассматривать отношение к ним Великобритании)».

Вильсон, с его любопытной привычкой повторять Хаузу его же собственные мысли, занял позицию игнорирования секретных договоров на протяжении всей войны, так как старался избежать трений с союзниками. Он утверждал о своей решимости принудить союзников пойти на его условия мира после победы, используя финансовую мощь США. Он был уверен, что, используя экономические санкции и свою власть над людьми посредством слов, сможет достичь желаемого мира. Снова и снова он публично обещал немецкому народу абсолютно справедливый мир.

Часто утверждалось, что Вильсон был отъявленным лицемером, что он никогда не собирался обеспечить немецкому народу сносный мир и что его обещания были лишь оружием для разрушения немецкого духа, средством порождения недовольства внутри Германии. Это абсолютно несправедливо. Он полностью понимал, что его слова, разрушающие веру немецкого народа в свое правительство и заставляющие его поверить в то, что поражение принесет прочный и справедливый мир, подрывают его волю к борьбе и, таким образом, ускорят крах Германии. Но его намерение дать немецкому народу справедливый мир было абсолютно искренним. Самые глубокие влечения Вильсона стояли за его желанием добиться такого мира. В разговоре с одним из авторов этой книги после своего экзальтированного обращения от 4 декабря 1917 года Вильсон высказал свои истинные чувства: «Не правда ли, это ужасно? Все эти конгрессмены и сенаторы аплодируют всему тому, что не приходится говорить о войне, игнорируя все то, что для меня имеет действительное значение. Я ненавижу эту войну! Я ненавижу всякую войну, и единственное, о чем я забочусь на земле, — это о мире, который я собираюсь установить». Судя по всему, Вильсон полностью верил в свою миссию. Он был сыном Бога, начавшим войну ради обеспечения совершенного мира на всем земном шаре. Он давал немецкому народу обещания абсолютно искренне.

Поскольку Вильсон высказывал такие обещания, но не пытался претворить их в жизнь путем немедленных переговоров с союзниками, он чувствовал себя глубоко обязанным перед немецким, американским и всеми другими народами. Он был уверен в том, что у него хватит мужества использовать свои возможности, выполнить данные обещания и обеспечить совершенный мир. Его уверенность в своей храбрости и мудрости была абсолютной. 1 2 ноября 1917 года он сказал: «Я выступаю не против чувств пацифистов, а против их глупости. Мое сердце с ними, но разумом я полон к ним презрения. Я хочу мира, но я знаю, как добиться его, а они — нет».

8 января 1918 года он вручил конгрессу послание, в котором перечислил 14 пунктов, ставших основой соглашения о перемирии и Версальского договора. Для определения военных целей даже в такой общей характеристике, как эта, он не обладал достаточным знанием Европы и основывал свои пункты главным образом на рекомендациях, полученных от исследовательской организации, состоящей из профессоров колледжей, которую Вильсон предложил сформировать Хаузу в сентябре прошлого года в целях подготовки данных для мирной конференции.

К январю 1918 года Вильсон полностью верил в то, что сможет обратить войну в крестовый

поход за принципы, предначертанные Богом, используя силу своих слов. Его отождествление себя с Христом определяло его речи. Та степень, до которой это отождествление завладело им, иллюстрируется тем фактом, что после чтения книги Джорджа Б. Херро-на, в которой автор сравнивал Вильсона с Иисусом, он дарил ее своим друзьям со словами: «Херрон — единственный человек, который действительно меня понимает».

Успешное наступление Людендорфа 2 2 марта 1918 года принудило Вильсона сделать основой своих речей поднятие американского военного духа, оттеснив на задний план христианские мотивы. Лишь в сентябре 1918 года, когда немецкие войска терпели поражение на всех фронтах, он снова вернулся к христианскому содержанию.

2 сентября 1918 года Хауз писал Вильсону: «Не будет ли разумным попытаться склонить союзников к некоторым из тех целей, за которые мы сражаемся?» Он склонял его к проведению того курса, от которого сам же убеждал Вильсона воздержаться в апреле 1917 года, во время приезда Бальфура в Америку. Вильсон, впитав в себя мысли, высказанные Хаузом в апреле 1917 года, отказался начать переговоры с союзниками. Вместо этого 2 7 сентября 1918 года он снова выступал как Христос, высказав 4 принципа, на основе которых должен быть построен мир. Первый из этих принципов гласил: «Требуемая беспристрастная справедливость не должна включать в себя какой-либо дискриминации как по отношению к тем, к кому мы хотим быть справедливыми, так и по отношению к тем, к кому мы не хотим быть справедливыми. Это должна быть такая справедливость, у которой нет своих фаворитов и которая не знает какого-либо иного стандарта, кроме равных прав всех заинтересованных лиц».

2 9 сентября 1918 года Людендорф, считая, что его армии стоят перед полным крахом, потребовал, чтобы немецкое правительство попросило о немедленном перемирии. 5 октября 1918 года немецкий канцлер принц Макс Баденский попросил немедленного перемирия и принял «как основу для мирных переговоров программу, выдвинутую президентом США в послании к конгрессу от 8 января 1918 года и в его последующих заявлениях, особенно в его речи от 27 сентября 1918 года».

XXIII

Вильсон послал Хауза в Париж для обсуждения с союзниками переговоров о перемирии 19 октября 1918 года. Когда Клемансо, Ллойд Джордж и Сон-нино встретились с Хаузом, они отказались заключать перемирие на основе 14 пунктов. Хауз угрожал заключением сепаратного мира. Вильсон поддержал Хауза следующей каблограммой: «Я считаю моей священной обязанностью уполномочить Вас сказать, что не могу согласиться принимать участие в мирных переговорах, которые не включают в себя пункт о «свободе морей», так как мы взяли на себя обязательство сражаться не только с прусским милитаризмом, но с любыми проявлениями милитаризма. Я также не могу участвовать в переговорах о мире, которые не включают в себя создание Лиги Наций, так как в противном случае такой мир приведет к тому, что спустя несколько лет не будет никакой иной гарантии независимости, кроме военной, то есть кроме всеобщего вооружения, что явилось бы катастрофой. Я надеюсь, что мне не придется принимать такое решение публично».

Так Вильсон начал свою борьбу с союзниками, поддержав угрозу Хауза заключить сепаратный мир, и добавил к этому личную угрозу сделать публичным свое расхождение с лидерами союзников, если они откажутся от выполнения 14 пунктов. Никакие слова, допустимые в дипломатических переговорах, не могли бы
оказать более ясно его решимость бороться за тот мир, который он обещал человечеству, или силу его желания быть справедливым судьей человечества. Его отождествление себя с Божественной Троицей полностью владело им.

14 ноября 1918 года Вильсон послал каблограмму Хаузу относительно организации мирной

конференции: «Я также смею предполагать, что буду избран председательствовать». Хауз ответил, что, так как мирная конференция должна проводиться в Париже, дипломатический этикет требует, чтобы председательствовал Клемансо, и что для Вильсона, может быть, неразумно участвовать в мирной конференции. Вильсон был крайне недоволен. 16 ноября 1918 года он послал каблограмму Хаузу: «Это расстраивает все наши планы. Такое изменение программы приводит меня в крайнее замешательство... Я могу только предположить, что французы и англичане боятся, что американский президент поведет против них малые нации. Я крайне возражаю против того, чтобы гордость могла помешать нам достичь тех результатов, к которым мы стремились всем сердцем...»

Утверждение Божьего закона перед нациями предлагало такой великолепный выход для глубочайших влечений Вильсона, что простое предложение о том, что для него может быть более разумным не участвовать в конференции, повергло его «в крайнее замешательство». Он хотел лично быть судьей мира, реально присутствовать, восседая на троне и обладая неограниченной властью. Он не мог отказаться от участия в мирной конференции.

Обдумывая стоящую перед ним задачу, Вильсон сказал своему секретарю: «Ну, Тьюмалти, это путешествие окажется либо величайшим триумфом, либо небывалой трагедией во всемирной истории, но я верю в Божественное провидение. Если бы я не обладал верой, я сошел бы с ума. Если бы я считал, что направление дел в этом беспорядочном мире зависит от нашего ограниченного разума, я не знал бы, как рассматривать мое стремление к здравомыслию; но я верю в то, что никакая группа людей, как бы они ни напрягали свои усилия или использовали свою власть, не может сокрушить это великое мировое предприятие, которое в конце концов является делом Божьей милости, мира и доброй воли». Так же как в 1912 году он чувствовал, что избран Богом для того, чтобы стать президентом США, так ив 1918 году Вильсон полагал, что Бог приказал ему принести на Землю вечный мир. Он отправился в Париж как посланник Бога.

Вильсон намеревался сам заключить мир с ненавязчивой помощью Хауза, и, несмотря на тот факт, что республиканцы завоевали большинство мест в сенате на ноябрьских выборах и что договор, относительно заключения, которого он собирался вести переговоры, потребует ратификации большинством в /з голосов в сенате, он отказался от предложения республиканцев заручиться их поддержкой при условии, что возьмет с собой двух выдающихся лидеров республиканской партии. Как посланец Бога он чувствовал уверенность в своих силах преодолеть любую возможную оппозицию со стороны сенаторов.

Он также отказался взять с собой личного секретаря. Его смешанные чувства по отношению к Джо Тью-малти, корень которых уходил в ту амбивалентность, которую разбудил в нем маленький брат Джо Вильсон, породили это необычное явление. Он до такой степени не доверял Тьюмалти, что не мог взять его с собой на мирную конференцию. Однако Вильсон столь сильно любил Тьюмалти, что не мог оскорбить его чувств, взяв другого секретаря. Он отправился переделывать-мир с женой и со своей личной свитой, состоящей из врача и двух стенографов.

Он также взял профессоров из организации «Исследование», которые прочли много книг, но не были искушены в международных переговорах. Во время аудиенции на борту корабля «Джордж Вашингтон», во время которой он продемонстрировал свое невежество в европейских делах, Вильсон сказал им: «Говорите мне, что правильно, и я буду сражаться за это; дайте мне твердую позицию». У него не было никакого детального плана ведения дипломатической кампании, но это его не тревожило до тех пор, пока он не обнаружил, что секретарь и помощники секретаря американской делегации — это люди Лансинга, к которым он питал личное презрение. Он был взбешен. По прибытии в Париж 14 декабря 1918 года

Вильсон сказал Хаузу, что намеревается уволить своих секретарей и выбрать других. Хауз убедил его не принимать никаких мер. Послушавшись его совета, Вильсон избегал любого контакта с Лансингом и секретариатом американской делегации, таким образом полностью

отказавшись от той помощи, которую мог бы получать от них.

Хауз убеждал Вильсона немедленно взять нового личного секретаря. Вильсон отказался, говоря: «Это разобьет Тьюмалти сердце». Затем Хауз предложил Вильсону воспользоваться услугами своего личного штата, возглавляемого его зятем, которого Вильсон недолюбливал. Секретариат Хауза размещался в отеле «Крийон»; Вильсон остановился во дворце Мюра-та, в полумиле от них. Результатом этого явилось то, что он ни разу не воспользовался услугами секретариата Хауза. Он выполнял свою работу сам, уделяя внимание тысячам несущественных дел, которые никогда не должны были бы занимать его внимание. Неразбериха в его работах и его рассудке стала ужасной.

Тем не менее во время первых недель пребывания в Европе он верил в то, что собирается дать миру обещанный им совершенный мир. Он встречался с народами Европы как Спаситель. К низкопоклонству Франции и Англии добавилось восхищение Италии, где крестьяне зажигали свечки перед его портретом, и отчаянной верой в него Германии, где усталые солдаты, возвращаясь домой, распевали о нем песни.

Вильсон провел в Европе три счастливые недели, наслаждаясь своей славой, и неудивительно, что возросла его уверенность в себе и своей миссии. В Бу-кингемском дворце после обеда он произнес речь, в которой царственно отзывался о гражданах США как о «своих людях». В Милане он, побив все пресвитерианские прецеденты, отправился в оперу. Здесь крикливое обожание толпы перешло в исступление. Вильсон обменивался с толпой воздушными поцелуями, пока бредовое состояние толпы не перешло в экстаз. Неудивительно, что он возвратился из своих поездок, убежденный в том, что народы Европы поднимутся и пойдут за ним даже против своих правительств.

XXIV

Он вернулся в Париж 7 января 1919 года с желанием приступить к работе. Но не было достигнуто соглашения относительно какой-либо программы конференции. Вильсон лично отверг логическую программу ведения конференции, предложенную Францией, так как она ставила рассмотрение вопроса о Лиге Наций последним, а он желал, чтобы Лига Наций была основана до того, как будут обсуждаться условия мира. Он настаивал на том, чтобы США получили гарантию мира до соглашения о каких-либо условиях мира. Он объяснил Хаузу свое предпочтение этой процедуры 14 декабря 1918 года, говоря, что намеревается «сделать Лигу Наций центром всей программы... А раз это станет свершившимся фактом, почти все серьезные трудности отпадут».

Практические невыгодные стороны предложенного Вильсоном плана конференции были очевидны. Путем гарантирования условий мира до того, как он мог знать, что они будут справедливыми и удовлетворительными и что их следует поддерживать, он рисковал тем, что в конце конференции он найдет, что от имени США дал обещание сохранять условия мира, которые являются несправедливыми и не должны были быть поддержаны, и что вследствие этого станет неизбежным вовлечение народа Америки в будущие войны. Более того, заранее гарантируя мир, он давал государственным деятелям союзников один из сильнейших дипломатических козырей. Главной надеждой Ллойд Джорджа, Клемансо и Орландо было получение от США гарантии на аннексии, которые они намеревались осуществить. Англичане пытались получить такую гарантию посредством Лиги Наций еще со времен переписки Грея с Хаузом в 1915 году. И 7 января 1919 года, когда Хауз указал Клемансо, который был готов поддержать создание Лиги, но скептически относился к ценности такой организации, что тот сможет добиться гарантии Соединенными Штатами границ Франции через Лигу Наций, Клемансо стал выступать за намного более могущественную Лигу, чем та, которую хотели создать как англичане, так и Вильсон. Если бы Вильсон придерживался своей точки зрения, неоднократно высказываемой им в речи от 2 2 января 1917 года и вновь подтвер-экденной им в письме к Хаузу от 2 2 марта 1918 года, о том,

что, являясь доверенным лицом американского народа, он может гарантировать мир лишь при условии, что «конечные территориальные договоры, достигнутые на мирной конференции, будут справедливыми и удовлетворительными и их *следует* поддерживать», то лидерам союзников, для того чтобы добиться гарантии США, пришлось бы пойти на более справедливые условия. Но, заранее имея гарантию от США, они чувствовали себя свободными настаивать на крайних своих условиях.

Так что практические преимущества плана Вильсона относительно ведения конференции были, мягко выражаясь, довольно проблематичными. Он считал, что основание Лиги Наций посредством установления безопасности, предшествующей миру, даст государственным деятелям, собравшимся в Париже, такое чувство безопасности и братства, что сможет вызвать у них отношение ко всем нациям в духе божественных предначертаний и что «все очень серьезные трудности отпадут». Однако изменения позиций Ллойдом Джорджем, Клемансо и Орландо были столь сомнительными, что мы должны подозревать, что рассудок Вильсона снова действовал в угоду его либидо и что реальные мотивы его поступков находились в его бессознательном.

Война была окончена. В финансовом отношении союзники оказались в руках Вильсона, как он и предполагал. Резкая каблограмма президента США во время ведения переговоров заставляла поверить в то, что когда он приедет в Париж, то скажет Ллойду Джорджу, Клемансо и Орландо: «Джентльмены, я приехал сюда заключить мир на основе моих 14 пунктов, и ни на какой другой основе. Эти пункты должны быть интерпретированы в духе абсолютно беспристрастной справедливости, о чем я в последний раз говорил 27 сентября. Принятием соглашения о перемирии вы взяли на себя обязательство заключить мир на этой основе. Если вы попытаетесь нарушить свое слово и уклониться от обязательств, вытекающих из соглашения о перемирии, я ни при каких условиях не стану обязывать народ Америки гарантировать предлагаемый вами мир, вовлекая его в будущие войны, которые породит заключение несправедливого мира. Я не стану принимать участия в конференции, публично осужу вас как врагов прочного мира, откажу вам в финансовой и экономической помощи, благодаря которой вы можете держаться, заключу сепаратный мир на справедливых условиях с Германией и оставлю вас лицом к лицу с вашими народами, которые хотят справедливого и прочного мира».

Если бы он следовал этим курсом, он, возможно, смог бы добиться «справедливого и прочного мира», который обещал человечеству. Но в какое-то время между переговорами о перемирии и его приездом в Париж 14 декабря 1918 года он решил сражаться за желаемый им мир не этими мужскими, а женскими средствами, не силой, а убеждением. В его руках были крайне могущественные экономические и финансовые средства борьбы. Все страны союзников жили на поставках и кредитах из Америки. Но использование этих средств подразумевало как раз такую борьбу, которую он никогда не вел и не мог вести лично, если его не принуждало к этому реактивное образование против пассивности по отношению к отцу. Он никогда не осмеливался в своей жизни участвовать в кулачной драке. Он воевал словом. Послав из Белого дома резкую каблограмму Хаузу, он предоставил возможность сражаться ему одному. Изолированный в своей «комфортабельной цитадели», он мог греметь подобно Иегове, но когда он лично приблизился к полю битвы с Клемансо и Ллойд Джорджем, глубокая женская основа его натуры начала контролировать его действия. Вильсон обнаружил, что не хочет сражаться с ними посредством силы. Он мечтЪл, как Христос, через проповедь обратить их в праведников. В Париже он был истинным сыном преподобного Джозефа Раглеса Вильсона, переполненным пассивностью по отношению к отцу.

Рассудок Вильсона, находящийся в услужении у испытываемого им страха мужской борьбы, и его бессознательное желание быть Христом изобрели успокаивающую теорию о том, что он может достичь всего желаемого без борьбы, что он может передать все средства борьбы

своим врагам и превратить их вследствие этого благородного жеста в святых. Он решил не использовать экономические и финансовые средства воздействия, не воздерживаться от гарантии мира до тех пор, пока условия мира не будут составлены таким образом, как он того желал. А вместо всего этого он решил продолжать давать колоссальные кредиты союзникам, основать Лигу Наций и гарантировать мир до того, как условия мира будут рассмотрены. Послушный рассудок говорил Вильсону, что государственные деятели, собравшиеся в Париже, ощутят в этом случае такое чувство безопасности и братства и такую любовь к его благородной натуре, что послушаются его призывов относиться ко всем нациям в духе Божьего милосердия. Он начал рассматривать мирную конференцию в той форме, которая была знакома и глубоко близка ему: в форме братского дискуссионного клуба, в форме клуба «Быстроногих» и дискуссионных клубов Дэвидсона, Принстона, Виргинского университета, Университета Джона Гопкинса и Уэслианского университета. Он снова намеревался составить конституцию для дискуссионного клуба, который будет назван Лигой Наций, и представлял себя произносящим речь на братской ассамблее во время мирной конференции, чтобы «повести малые нации» против более могущественных. Профессора из организации «Исследование» скажут ему, что нужно делать, и во время дебатов он будет за это бороться. На этой ассамблее «братьев» он «заставит людей исполниться духом самопожертвования» и преодолеет, говоря его словами, любую оппозицию, а также приведет человечество к прочному миру, а себя — к бессмертию. Такая перспектива чрезмерно прельщала его. Она не только позволяла Вильсону «увильнуть от опасности», но также давала возможность показать перед правителями мира те из его качеств, которыми он больше всего гордился.

К сожалению, его гипотеза не имела ничего общего с фактами. Вера Вильсона в то, что, если Лига Наций станет свершившимся фактом, почти все серьезные затруднения отпадут, не имела реальной основы, а имела источник лишь в его бессознательном. Основание Лиги Наций ни в коей мере не изменило характеры государственных деятелей, собравшихся в Париже. На самом деле ее основание дало им последний козырь для использования против Вильсона.

Они вскоре осознали, что Лига Наций стала для Вильсона святым делом, частью его самого, его титулом к бессмертию, его законом. Они поняли, что он не сможет заставить себя отказаться от гарантии мира безотносительно к тому, какие условия мира они потребуют, и что они сами могут использовать Лигу как оружие против него, угрожая ему потерей ее, если не будут приняты их условия.

Убедив себя в том, что если будет основана Лига Наций, то все тени исчезнут перед солнцем христианской любви, Вильсон всю свою энергию направил на разработку устава Лиги. Он не обращал внимания на военные, экономические и территориальные проблемы конференции. Так продолжалось вплоть до 24 января 1919 года, когда он был вынужден взглянуть в лицо неприятной реальности. В этот день, выступая от лица Британской империи, Ллойд Джордж сказал, что он против возвращения Германии какой-либо из ее колоний. Пункт пятый из 14 пунктов Вильсона гласил: «Свободное, открытое и абсолютно беспристрастное урегулирование всех колониальных притязаний, основанное на строгом соблюдении принципа суверенитета интересов всех проживающих на этих территориях народов, которые должны иметь право голоса наравне со странами, чьи права на эти территории будут рассматриваться». Вильсон столкнулся с первым испытанием. Его ответ ожидался с острым нетерпением не только из-за интереса к колониям, но также потому, что данный ответ должен был характеризовать тот способ, которым президент США намеревался бороться за свои 14 пунктов. «Президент Вильсон сказал, что, по его мнению, все согласны в том, чтобы воспрепятствовать восстановлению немецких колоний». Таким образом, сражения не получилось. Вильсон не дрался. Германия потеряла свои колонии, а Вильсон начал свой путь к Версальскому договору.

Ллойд Джордж, ободренный неспособностью Вильсона сражаться, перешел к более

смелому наступлению. «Он хотел бы, чтобы конференция считала захваченные территории частью тех государств, которые их захватили». Это было уже чересчур для Вильсона. Он сделал огромную уступку в том, что колонии должны быть отняты у Германии, но не мог заставить себя допустить, что они уже были аннексированы Британской империей. Он настаивал на том, что моральная завеса, называемая мандатом, должна составляться по поводу каждой аннексии.

Это была единственная конкретная проблема условий мира, которую Вильсон рассмотрел до своего возвращения в Америку 14 февраля 1919 года. Он без споров уступил по основному пункту и отказался уступить в менее важном, так как чувствовал, что аннексию нельзя примирить со словами, которые он произносил в своих речах, и что это может угрожать созданию Лиги Наций.

14 февраля 1919 года, перед своим отплытием в Америку, Вильсон зачитал на пленарной сессии мирной конференции соглашение о создании Лиги Наций. Он ликовал. Он был уверен в том, что это соглашение положит прочный мир во всем мире, заключив свою речь словами, которые ясно показывали, какое воздействие, по его мнению, это соглашение окажет на все человечество, включая Ллойд Джорджа и Клемансо: «Много страшных событий произошло в ходе этой войны, джентльмены, но в результате ее произошли также некоторые чудесные вещи. Несправедливость была побеждена. Человечество ощутило все величие справедливости. Люди, ранее с подозрением относящиеся друг к другу, теперь могут жить как братья и друзья в единой семье и желают так жить.. Люди смотрят в глаза друг другу и говорят: "Мы братья, и у нас общая цель. Мы не осознавали этого раньше, но мы осознали это теперь, и это есть наше соглашение о мире и дружбе"». Он верил в то, что принес человечеству мир. Весь страх, ненависть, жадность и жестокость исчезнут. Соглашение стало свершившимся фактом.

XXV

Вечером 14 февраля 1919 года, в день отъезда Вильсона в Америку, Хауз записал в своем дневнике: «Президент сказал мне со слезами на глазах: «Прощай!» — пожал мне руку и обнял меня...» Это было в последний раз, когда Вудро Вильсон обнял полковника Хауза.

Немало работ посвящено взаимоотношениям Вильсона и Хауза. Их авторы пытались докопаться до истинной причины, положившей конец этой дружбе. Одни изображают миссис Вильсон как некую «женщину-демона», «женщину в красном», которая разрушила чудесную дружбу; другие представляют Хауза Иудой, в замыслы которого входило отделить вопрос о создании Лиги Наций от мирного договора в то время, когда Вильсон был в Америке. Для большинства же авторов этот вопрос является трагической тайной. Однако исследование фактов убеждает нас в том, что миссис Вильсон не была «женщиной-демоном», а Хауз — Иудой и что этот вопрос не является тайной. Мы также, к сожалению, убеждены в том, что нам придется долго обсуждать этот вопрос, так как публичные действия Вильсона и его личные реакции в течение остающегося периода его жизни не могут быть поняты, если не будет пролит свет на его отношение к Хаузу.

Давайте начнем с напоминания читателю о том, что Вильсон был связан с Хаузом как сознательными, так и бессознательными узами. Его зависимость от советов Хауза была громадной, и он, по крайней мере частично, осознавал те выгоды, которые получал от услуг Хауза. Но основой любви Вильсона к Хаузу был тот факт, что в его бессознательном Хауз представлял маленького Томми Вильсона. Посредством отождествления себя с отцом, а Хауза с собой Вильсон был способен возродить в своем бессознательном отношение к «несравненному отцу» и в лице Хауза получать для себя ту любовь, которую хотел и не мог более получать от отца. Таким образом, путем двойного отождествления пассивность Вильсона по отношению к отцу находила выход через Хауза. У него был еще один важный выход для этого влечения, его бессознательное отождествление себя с Иисусом Христом; но любовь к более молодому мужчине была не менее

важна для его счастья.

Любовь Вильсона к Хаузу, которая с самого начала их отношений в 191 1 году была интенсивной, достигла своего апогея в течение 6 месяцев, последовавших за смертью его первой жены. С августа 1914 по январь 1915 года Хауз являлся главным объектом его любви. В добавление к его пассивности по отношению к отцу, которая, как обычно, находила выход через Хауза, его пассивность по отношению к матери, вероятно, также находила в то время выход через его друга. Мы отмечали, что в эти месяцы, последовавшие за смертью Эллен Эксон, Вильсон заменил потерянную им мать субститутом, отождествив себя с матерью. Хауз, представляющий маленького Томми Вильсона, должно быть, получил от Вильсона в эти месяцы по крайней мере часть той любви, которую Вильсон хотел и не мог получить от своей матери или ее представительницы. Таким об->азом, до того как Хауз отправился за границу в январе 1915 года, Вильсон был способен в некоторой степени возродить свое отношение к отцу и к матери, играя по отношению к полковнику роль отца и матери, и неудивительно, что в его глазах стояли слезы, когда он сказал «прощай» лицу, представляющему его самого.

Как мы уже отмечали, Вильсон стал испытывать страшное одиночество и был близок к нервному расстройству. Его врач, Грейсон, настоял на том, чтобы в Белом доме звучала музыка и бывали гости. На одном из вечеров Вильсон увидел миссис Голт и сразу же в нее влюбился. Когда в июне 1915 года Хауз возвратился в Америку, он застал президента сияющим от счастья. Но эмоциональная зависимость Вильсона от своего друга осталась почти столь, же огромной, как и до отъезда полковника. Он рассказал Хаузу все о своей любви, продолжал обращаться к нему в своих письмах как к «Моему дорогому, дорогому другу» или «Дражайшему другу» и спрашивал у Хауза совета, когда и как ему следует объявить о своей помолвке и вступить в брак.

Вильсон женился на миссис Голт 18 декабря 1915 года, а спустя 10 дней Хауз покинул Америку, чтобы убедить английское правительство позволить Вильсону диктовать условия мира. Когда Хауз возвратился в Вашингтон (6 марта 1916 года), Вильсон, уверенный в том, что Хауз все подготовил для того, чтобы его назвали спасителем человечества, встретил полковника с распростертыми объятиями.

В конце зимы и начале весны 1916 года Вильсон верил в то, что вскоре провозгласит окончание войны. Огромное количество либидо, получаемое от его пассивности по отношению к отцу, заряжало его бессознательное отождествление себя с Иисусом Христом.

Заряд его либидо был столь могущественным, что Вильсон не мог отказаться от отождествления себя с Христом даже в мае 1916 года, когда стало очевидным, что его не призовут спасать человечество. Он был вынужден попытаться стать таким же Спасителем в мире реальности, каким он был в своем бессознательном. Его бессознательное отождествление себя со спасителем, по всей видимости, стало фиксацией.

Но в декабре 1915 года Вильсон верил, что Хауз подготовил для него божественный путь, на котором он не встретит каких-либо преград, и поэтому питал к полковнику сильную привязанность. Подавание надежды и последующее разочарование являются могущественными факторами в бессознательном. Хауз обещал Вильсону сделать его исполнителем «самой благородной роли, которая когда-либо выпадала на долю человека», — спасителя человечества. Хауз первый высказал эту мысль, вел переговоры и заставил Вильсона поверить в то, что близится тот момент, когда Вильсон сможет предстать «принцем мира». Он был ответственен как за надежду, так и за разочарование Вильсона. Хауз не оправдал его надежды, чем вызвал сильное раздражение. Ранее Вильсон считал себя в своем бессознательном Сыном Бога. Но его брат Джо ворвался в его мир и разрушил его. Мы уже отмечали, что доля пассивности Вильсона к отцу достигала его более молодых друзей через брата Джо и что все эти друзья были не только представителями маленького Джо Вильсона, но также в некоторой степени представителями

маленького Джо Вильсона — первого предателя. Летом 1916 года, когда те ожидания, которые Хауз возбудил в Вильсоне, не оправдались, враждебность, подозрение и ощущение предательства, которые были связаны с младенцем Джо, по-видимому, были в некоторой мере перенесены на Хауза. Такая замена Хаузом первоначального разрушителя надежд и предателя, хотя была и не столь важной в 19 1 6 году, несомненно, явилась первичным фактором в постепенном угасании любви его к Хаузу.

Летом 1916 года для Вильсона было нетрудно уменьшить количество либидо, которое находило выход через Хауза. Он просто крайне усилил поток либидо, направленный на бессознательное отождествление себя с Иисусом Христом. Как его любовь к Хаузу, так и его отождествление себя со Спасителем были выходами для одного и того же огромного источника либидо — его пассивности по отношению к отцу. Поэтому, когда его бессознательное отождествление себя с Христом возросло, потребность в любви Хауза уменьшилась. Однако его пассивность по отношению к отцу была наиболее могущественным из всех влечений, поэтому он нуждался как в отождествлении себя с Христом, так и в любви какого-либо представителя маленького Томми Вильсона для достижения адекватного выхода этого влечения. Хауз оставался наиболее ценным представителем Томми Вильсона, но летом 1916 года он, по-видимому, предпринял важный шаг к повороту основного заряда либидо, порождаемого его пассивностью по отношению к отцу, от Хауза к бессознательному отождествлению себя с Христом.

Затуханию любви Вильсона к Хаузу содействовало также влияние его жены. Не то чтобы она недолюбливала Хауза, просто ей не очень-то нравился контроль Хауза над ее мужем. Она негодовала на растущую в Америке веру в то, что мысли и действия ее мужа зарождались в голове Хауза. Всю свою жизнь Вильсон был чувствителен к атмосфере, создаваемой представительницей матери.

После своего переизбрания в ноябре 1916 года Вильсон снова желал предложить посредничество. Хауз яростно противился любому шагу к открытию этого выхода, куда был направлен основной поток пассивности Вильсона по отношению к отцу. Вильсон несколько раз спорил с Хаузом, и это так сильно расстраивало его, что он не мог спать в последующие ночи. В конце концов, поступая против совета Хауза, он решил опубликовать свое воззвание к миру. Так осенью 1916 года Хауз встал на пути громадного количества либидо, которое заряжало бессознательное отождествление Вильсона с Христом. Хауз более не был представителем Бога, а вместо этого пытался на деле помешать Вильсону попытаться стать Спасителем. Нетрудно представить, что творилось в бессознательном Вильсона. В глубине своего рассудка он, должно быть, ощущал, что Хауз выступает против того, чтобы он был единственным любимым Сыном Бога, что Хауз стал таким же врагом, каким был его брат Джо. Он решил, несмотря на оппозицию Хауза, что будет Спасителем. Вильсон опубликовал свое воззвание к миру 18 декабря 1916 года, а в январе 1917 года перестал обращаться к Хаузу в своих письмах как к «Дражайшему другу» и вернулся к обращению «Мой дорогой Хауз». В январе этого же года он величественно говорил в своей речи о «мире без победы» и в конце этого же месяца написал под гравюрой со своим изображением удивительные слова: «Пусть этот автограф напоминает тем, кто увидит его, о хорошем человеке, который преданно любил своих сограждан».

Нетрудно видеть, что случилось в бессознательном Вильсона. Он просто повернул большое количество либидо, которое проистекало из его пассивности по отношению к отцу, от Хауза к отождествлению себя с Иисусом Христом. Хауз все еще оставался для него наилучшим субститутом маленького Томми Вильсона, но побочным выходом для его пассивности по отношению к отцу, отождествление же с Христом стало основным проводником для громадного потока либидо. И ни Хауз, ни кто-либо иной из его друзей не мог противостоять ему, а мешая такому отождествлению, мог достичь лишь одного статуса в бессознательном Вильсона, статуса друга

спасителя, оказавшегося предателем, Иудой Искариотом.

Таким образом, разочарование в надежде, которую Хауз возбудил в Вильсоне, поддержка испытываемого им раздражения против Хауза со стороны миссис Вильсон и противодействие Хауза его желанию стать спасителем сделали полковника из «Дражайшего друга» «Моим дорогим Хаузом». Хауз все еще представлял собой маленького Томми Вильсона, но не совершенного Томми Вильсона, который обладал явным привкусом маленького Джо Вильсона, первоначального предателя, который положил конец счастливому уникальному положению Вильсона в качестве единственного любимого сына своего «божественного» отца.

Комната в Белом доме, известная как «комната полковника Хауза», продолжала держаться взаперти, ожидая его прибытия. Всегда, когда Вильсону предстояло выступить, он обращался к Хаузу за советом по поводу того, что следует сказать, и редко принимал важное решение, не спросив мнения Хауза. Хотя интеллектуальная зависимость Вильсона от Хауза продолжала оставаться огромной на всем протяжении 1917 и 1918 годов, две личные акции полковника сильно задели президента. Осенью 1917 года (после получения согласия от Вильсона) Хауз основал организацию «Исследование», состоящую из профессоров колледжей и предназначенную для сбора данных для мирной конференции. Директором этой организации Хауз назначил своего шурина Сиднея Эдварда Мезеса, президента колледжа в городе Нью-Йорке. Вильсон не любил Мезеса еще со дня его избрания президентом колледжа, так как на это место претендовал его шурин. Он считал назначение Мезеса актом «семейственности» со стороны Хауза и был им недоволен. Затем, когда потребовался человек, ответственный за личную телефонную связь между Нью-Йорком, где находился государственный департамент полковника Хауза, и Белым домом, Хауз снова выбрал члена своей семьи, своего зятя Гордона Очинклоса, молодого человека, не имеющего никакого отношения к государственному департаменту и не обладающего опытом в иностранных делах. Вильсон также невзлюбил Очинклоса и неоднократно критиковал полковника за «семейственность». Однако он никогда не высказывал прямо свое недовольство Хаузу, и тот продолжал оставаться в неведении относительно того, насколько его шурин и зять раздражали Вильсона. Таким образом, очевидно, что, несмотря на тесное интеллектуальное сотрудничество в вопросах внешней политики, Вильсон перестал быть полностью откровенным с Хаузом. Миссис Вильсон стала его доверенным лицом.

В конце концов, вполне нормально, что человек должен быть до некоторой степени сдержан в разговоре даже со своим самым близким другом; и ясно, что в бессознательном Вильсона до соглашения о временном перемирии Хауз все еще представлял собой маленького Томми Вильсона, хотя уже и не являлся более совершенным маленьким Томми Вильсоном. «М-р Хауз является моим вторым «Я». Он — мое независимое «Я». Его и мои мысли — одно и то же». Эти слова, произнесенные Вильсоном в 1912 году, показывают, до какой степени он относился к Хаузу как к самому себе; но это чувство идентичности с полковником проявилось почти столь же полно в октябре 1918 года, когда он послал Хауза в Европу для ведения переговоров о временном перемирии, не дав ему каких-либо инструкций на этот счет. Хауз отметил в своем дневнике: «Когда я отправлялся, он сказал: «Я не даю Вам каких-либо инструкций, так как считаю, что Вы сами знаете, что делать...» Я отправляюсь с одной из самых важных миссий, когда-либо имевших место, но с его стороны не последовало никаких указаний или совета».

Деликатное предложение Хауза о том, что Вильсону не следует приезжать в Париж, было поэтому воспринято Вильсоном как понуждение к самоотречению от своего отцовского права в Белом доме. Ни в планы Вильсона, ни в планы миссис Вильсон не входило, что Хауз должен стать спасителем мира. Они отправились в Париж.

Среди приглашенных на конференцию был и зять Вильсона Сайрэ, являвшийся членом организации «Исследование», но Вильсон был решительно против его поездки. Сознательная

нелюбовь Вильсона к «семейственности», каким бы бессознательным ни был ее источник, стала интенсивной. Ранее он отдал распоряжение, чтобы все сотрудники, входящие в американскую мирную делегацию, отправлялись на конференцию без жен. Однако на борту корабля «Джордж Вашингтон» он увидел не только Мезеса, но также миссис Мезес и очаровательную дочь Хауза, миссис Очинклос. Вильсон был менее, чем когда-либо, расположен поощрять тенденцию Хауза покровительствовать своим родственникам. Хауз абсолютно не подозревал об этом факте, и, когда Вильсон, по прибытии в Париж, яростно осуждал секретариат, выбранный Лансингом, Хауз великодушно предложил ему воспользоваться услугами Очинклоса! Вильсон отказался, поблагодарив. Но во время поездки Вильсона в Лондон для встречи с королем Хауз ввел Очинклоса в президентскую свиту для того, чтобы тот проинструктировал Вильсона относительно английского этикета, включив туда же сэра Уильяма Уайзмена, чтобы тот в свою очередь проинструктировал Очинклоса! Вильсон был взбешен увещеваниями Очинклоса. В январе 1919 года Хауз, абсолютно не осознавая всю глубину неприязни, которую президент питал к Очинклосу, вновь убеждал Вильсона взять его секретарем.

Вся эта история с Очинклосом не имела бы большого значения, если бы она не пошла дальше довольно комических попыток Хауза убедить Вильсона вступить в тесные отношения с человеком, которого тот не любил. К тому же зять Хауза имел обыкновение весьма пренебрежительно отзываться о Вильсоне и распространял слухи о том, что Хауз и он контролируют действия Вильсона. Некоторые лица в свите Хауза также разделяли эти мысли Очинклоса. Миссис Вильсон начала верить тому, что Хауз поощряет своих подчиненных неодобрительно отзываться о ее муже, чтобы на таком фоне казаться великим человеком Америки.

Между прочим, Хауз так же, как и всегда, находился в стороне. На встречах комитета по созданию Лиги Наций он столь заметно проявлял субординацию, что даже не претендовал на роль второй скрипки; он просто «перевертывал листы партитуры для своего господина». Вильсон был так глубоко тронут преданностью Хауза, что предложил ему занять свое место в Совете десяти на время своего пребывания в Америке. Он попросил Хауза разработать с представителями союзников условия предварительного мира. Ясно, что, несмотря на уменьшение количества пассивности Вильсона по отношению к отцу, которая находила выход через Хауза, его отождествление Хауза с маленьким Томми Вильсоном оставалось нетронутым до отъезда Вильсона в Америку 14 февраля 1919 года.

Собственные слова Вильсона относительно того курса, который он хотел, чтобы Хауз проводил в его отсутствие, могут быть найдены в документах Высшего военного совета от 12 февраля 1919 года и в дневнике полковника Хауза от 14 февраля 1919 года. Во время утренней встречи в Высшем военном совете 12 февраля 1919 года Вильсон решительно поддержал предложение Бальфура о том, что «окончательные морские и наземные условия мира» должны быть как можно скорее разработаны и навязаны Германии. Клемансо возражал, говоря/что сугубо военные условия мира будут зависеть от политических, экономических и финансовых условий. В полдень, во время собрания Совета, когда возобновилось обсуждение, Вильсон говорил о том, что можно свести на нет возражение Клемансо путем сокращения немецких вооруженных сил до минимального уровня: «До количества вооруженных сил, требуемых Германии для поддержания внутреннего порядка и подавления большевизма». Неважно, какие другие условия мира могут возникнуть, будет явно нецелесообразно сокращать вооруженные силы Германии ниже этого уровня.

Клемансо, ясно видя те преимущества, которые дает Франции предложение президента США о сокращении немецких вооруженных сил до такого минимального уровня, и вполне понимая, что мирный договор — будет он или нет назван «предварительным» — будет означать мир, и все еще полный решимости включить политические, экономические и финансовые условия,

сказал, что готов согласиться с предложением Вильсона, «однако до этого ему хотелось бы получить более точную информацию по определенным пунктам... Хотя отчет экспертов будет вскоре получен, он не хотел бы обсуждать такой важный вопрос в отсутствие президента Вильсона».

Вильсон ответил, что м-р Клемансо чересчур переоценивает его. В технических вопросах он в основном пользовался услугами иностранных специалистов, которые находятся в Париже. Поэтому он отправится с легким сердцем, если будет полагать, что его план принят в принципе... Если с его планом согласятся в принципе, он сможет уехать и оставить своим коллегам право решать, будет ли подходящей программа, предложенная техническими консультантами. Он не хочет, чтобы его отсутствие тормозило столь важную, существенную и неотложную работу, как подготовка предварительного мира. Он надеется возвратиться к 13 или 15 марта, позволив себе лишь недельное пребывание в Америке.

Но он не хочет, чтобы во время его отсутствия поднимались такие вопросы, как территориальный вопрос и вопрос о компенсации. Вильсон попросил полковника Хауза на время его отсутствия занять свое место.

М-р Клемансо сказал, что он «полностью удовлетворен».

И у него были все основания для полного удовлетворения, так как Вильсон предложил уничтожение немецкой армии и флота, кроме сохранения минимальных сил для поддержания внутреннего порядка, и не стал противодействовать включению в предварительные условия мира тех территориальных и финансовых условий, которые Клемансо считал необходимыми.

Перед концом обсуждения Вильсон ясно дал понять, что имеет в виду, по крайней мере в данное время, действительный мирный договор, который положит конец временному перемирию, сказав, что он за возобновление перемирия на неопределенный срок: «Затем временное перемирие закончится вследствие сформирования определенных предварительных условий мира на военных условиях». Однако Вильсон добавил, что «вопрос о Кильском канале и вопрос о подводной связи, включенные в морской перечень, следует отделить от чисто морских условий, которые должны будут вступить в силу в конце временного перемирия. Эти вопросы имеют отношение к окончательному миру».

Невозможно избежать заключения о том, что Вильсон имел в виду три разных состояния международных отношений: «временное перемирие», «предварительный мир» и «окончательный мир». И также очевидно, что он упустил из виду тот факт, что мирный договор, называется он или нет предварительным, означает мир и должен быть ратифицирован сенатом США для того, чтобы быть утвержденным в Америке; В международном кодексе нет такого понятия, как состояние предварительного мира. Есть война, временное перемирие и мир. Слово «предварительный» ничего не меняет. «Предварительный мирный договор» с Германией, включающий в себя одни лишь военные условия, должен быть ратифицирован сенатом США, а после ратификации покончит с состоянием войны и восстановит мир. Последующий договор, содержащий дополнительные требования, называемый окончательным договором, или «окончательным миром», будет договором уже не между воюющими сторонами, а между бывшими воюющими сторонами. Таким образом, то предложение, которое Вильсон столь решительно поддерживал, включало в себя заключение мирного договора, который не включал в себя создание Лиги Наций. Самым лелеемым чаянием Вильсона было сделать Лигу Наций неотъемлемой частью мирного договора, но к 12 февраля 1919 года он выступал в защиту как можно скорейшего принятия мирного договора, хотя и названного им предварительным, но тем не менее договора о мире, который не включал в себя создание Лиги Наций, и 14 февраля указал Хаузу те положения, которые должны быть включены в этот договор.

Хауз записал в своем дневнике: «14 февраля 1919 года... я наметил свой план действий во

время его отсутствия: мы сможем все увязать в течение 4 последующих недель. Он, казалось, удивился и даже встревожился от такого утверждения. Поэтому я объяснил ему, что имел в виду не привести эти вопросы к окончательному решению, а подготовить их решение к его приезду... Одним из наиболее важных вопросов была выработка программы предварительных мер, необходимых для установления предварительного мира с Германией. Таким образом, программа сводилась к следующим пунктам:

1. Сокращение германской армии и флота до нужд мирной жизни.

2. Определение границ Германии. Сюда должен вхо дить вопрос о лишении ее колоний.

3. Та сумма денег, которую следует заплатить за репарацию, и то время, в течение которого она должна выплачиваться.

4. Соглашение относительно экономического положения Германии.

Я спросил его, хочет ли он что-либо предложить в дополнение к этим 4 пунктам. Он ответил, что этого достаточно».

Ясно, что Вильсон не изменил своего мнения о том, что будет желательным включить Лигу Наций в мирный договор, но он считал, что добавление слова «предварительный» к словам «мирный договор» вызовет магический результат, сделав мирный договор действительным мирным договором, когда он того пожелает, а когда он того не будет желать, этот договор не будет считаться таковым. Переговоры закончатся временным перемирием, он «свяжет» Германию и сделает «безопасность предшествующей миру», но этот договор не должен будет ратифицироваться сенатом США и не будет «окончательным миром». И снова Вильсон пришел к юмыслимому заключению из-за своей уверенности в том, что сила слов может трансформировать факты в соответствии с его желаниями.

Хауз, Бальфур, Клемансо и остальные деятели, в Париже, естественно, предполагали, что .сон действительно хочет заключения предвари-ного мирного договора, так как он об этом говорил и даже определил те условия, которые должны быть включены в него. Но на самом деле Вильсон не хотел ничего подобного. Он покинул Францию, питая иллюзию, что договор, называемый «предварительным», заключения которого он добивается, даст ему в руки неограниченную возможность сделать из него временное перемирие. Ему ни разу не пришло в голову, что вследствие такого договора он неизбежно будет просить совета и согласия сената ратифицировать этот договор, а также что этот договор о мире не включал в себя Лигу Наций. Довольно любопытно, что он в точности следовал курсу, предлагаемому сенатором Ноксом, бывшим госсекретарем республиканцев, который после Лоджа был его самым могущественным противником. Но Вильсон считал, что просто нашел еще один метод сделать «безопасность предшествующей миру», и покинул Париж, убежденный в том, что обессмертил себя как человек, который принес мир на землю.

XXVI

Несмотря на триумф бессознательного отождествления Вильсоном себя со спасителем человечества, он был крайне нервозен и истощен. В течение 5 недель в Париже он работал более напряженно, чем когда-либо До этого. Он не привык к напряженной работе. На всем протяжении его правления Грейсон защищал его от истощения, но Париж подорвал его силы. Когда он ступил на борт «Джорджа Вашингтона», он был близок к физическому и нервному истощению, а о его душевном состоянии можно судить по его самообману в вопросе о предварительном договоре.

На борту корабля Вильсон услышал неприятные для себя вещи о своем друге Хаузе. Ему рассказали, что зять Хауза — Очинклос — распространяет о президенте сплетни и Хауз одобряет его действия. Вильсон был чувствителен к сплетням, особенно если они подтверждались представительницей матери, и не мог отнестись к этой истории с тем презрением, которого она заслуживала. Его неприязнь к Очинклосу была слишком интенсивной, его бессознательная

привязанность к Хаузу — слишком глубокой, и его сознательная зависимость от Хауза — чересчур обширной. Он изолировал себя от всех советников, за исключением Хауза. Он отказался взять с собой Тьюмалти и использовать секретариат американской делегации. Он игнорировал Лансинга и других членов американской делегации. Эксперты из созданной Хаузом организации «Исследование» докладывали ему свои соображения через Мезеса, шурина Хауза. Секретариат Хауза, который вследствие отсутствия у Вильсона своего собственного был единственным находящимся в его распоряжении, возглавлялся зятем Хауза. Его юридический советник был партнером по работе того же зятя Хауза. Сам Хауз был его представителем в Совете десяти. До тех пор пока он ощущал, что полковник является его «независимым Я», эта зависимость от Хауза и от его спутников была для Вильсона приемлемой. Такая внешняя зависимость и внутренняя потребность в отношениях с Хаузом требовали не допускать возникновения даже тени обиды со стороны Вильсона. Поведение Очинклоса было лишь небольшим облачком, но оно угрожало как проводимой им работе в Париже, так и потоку его пассивности к отцу, который находил выход посредством его любви к Хаузу.

Вильсон, на основании виденного и слышанного им самим, имел свидетельство того, что Хауз все еще оставался тихим, незаметным, подчиняющимся другом, превосходным маленьким Томми Вильсоном; но, под впечатлением услышанного, он начал думать, что, возможно, за его спиной Хауз был совсем иным. Он, несомненно, вспомнил, что Хауз планировал «подготовить все в течение последующих 4 недель», и, возможно, вспомнил, что Хауз вообще отговаривал его от поездки в Европу. Во всяком случае, отождествление им Хауза с собой как с ребенком претерпело удар из-за Очинклоса. В первый раз Хауз начал более походить на маленького Джо Вильсона, обманщика, соперника и предателя, нежели на маленького Томми Вильсона.

24 февраля 1919 года Вильсон высадился в Бостоне и сразу же «атаковал» своих противников эмоциональным посланием — пытаясь заставить соотечественников «проникнуться духом самопожертвования». Его речь была весьма туманна. Он говорил об американских солдатах как о «сражавшихся за мечту» и следующим образом оценил мощь своих слов: «Я получил сладостное удовлетворение. Говоря с полнейшей откровенностью от имени народа США, я называл целями этой войны идеалы, и одни лишь идеалы, и война была выиграна вследствие такого воодушевления». Его идеалы не просто выиграли войну, но также сотворили дальнейшие чудеса. «А теперь эти идеалы сотворили новое чудо, сплотив все народы Европы и вселив в них дух доверия и надежды, так как они считают, что мы находимся накануне новой эры, когда нации будут понимать друг друга, когда нации будут поддерживать друг друга в любом справедливом деле, когда нации объединят все свои моральные и физические силы для того, чтобы преобладала справедливость. Если Америка в этот момент не оправдает надежд мира, что получится из этого?»

На Америку его речь не произвела большого впечатления. Она не походила на истину. Вильсон, по-видимому, пытался устранить факты посредством слов. Американские либералы чувствовали, что не Америка, а Вильсон намеревается не оправдать надежды мира, а американские консерваторы считали, что Вильсон не оправдывает надежд Америки.

Противодействие договору в Америке возникло частично вследствие личной неприязни к Вильсону — например, Лодж ненавидел Вильсона почти столь же глубоко, как Вильсон ненавидел его, — но основная сила противодействия вытекала из того убеждения, что такие условия мирного договора не уменьшат возможность войн в будущем и что США окажутся втянутыми в эти войны из-за обязательств, записанных в договоре. Противники договора заняли в 1919 году позицию, в точности аналогичную той, которую занял Вильсон в величественной речи, обращенной к сенату, относительно «мира без победы» 2 2 января 1917 года, в которой он утверждал, что имеется лишь одна разновидность мира, гарантировать которую может народ Америки: «Договоры и соглашения, которые положат конец войне, должны выдвинуть такие условия, которые га-

рантируют истинный мир, стоящий того, чтобы его гарантировать и сохранять, мир, который завоюет одобрение человечества, а не такой, который будет служить интересам и сиюминутным целям вовлеченных в войну наций». Вильсон, приписывая договору почти магическую исцеляющую мощь, позабыл о своих убеждениях в предшествующие 2 года.

Он прибыл в Вашингтон и, следуя совету Хауза, дал банкет для членов сенатского комитета по внешним сношениям. Этот банкет не вызвал того восстановления дружеских отношений, на которые рассчитывал Хауз. Сенаторы Лодж и Нокс молчали. Гнев президента был обращен против Хауза, посоветовавшего ему устроить этот банкет.

Читатель помнит, что Вильсон, пока находился в Париже, избегал рассмотрения конкретных требований союзников. В Вашингтоне, через каблограммы от Хауза, он впервые осознал условия мира союзников. Хауз при передаче их требований не отзывался о них воинственным образом. Как только цели союзников были сообщены полковнику, особенно цели англичан, о которых он ранее думал как о союзниках американцев в борьбе за заключение справедливого мира, он оставил надежду на то, что заключенный мир будет напоминать тот мир, который Вильсон обещал человечеству. 3 марта 1919 года он записал в своем дневнике: «Теперь очевидно, что мир не будет таким, на который я рассчитывал, или таким, который должен был бы возникнуть вследствие этой страшной бойни... Я испытываю отвращение при мысли о том, что нас принудят заключить этот навязываемый нам мир. Мы можем кое-чего добиться, используя Лигу Наций, но даже она не является совершенным инструментом».

4 марта 1919 года Лодж объявил в сенате, что 3 7 сенаторов обязались голосовать против ратификации договора из-за Лиги Наций. Вильсон тем же вечером ответил Лоджу с вызовом и угрозой, сказав: «Когда этот договор о мире вернется сюда, джентльмены, сидящие здесь, найдут в нем не только соглашение о создании Лиги Наций, но столь много нитей договора, связанных с этим соглашением, что вы не сможете оторвать соглашение от договора, не разрушив всю органическую структуру договора». Так, его прощальная угроза Лоджу перед отъездом из Нью-Форка во Францию, истощенного и осунувшегося, была: либо соглашайтесь на договор с предложенным мною соглашением о создании Лиги Наций, либо не получите никакого договора.

Вильсон произнес эту угрозу, так как знал, что народ США желал как можно быстрее прийти к миру, и был уверен, что народ предпочтет немедленный договор, заключающий в себе создание Лиги Наций, неопределенным проволочкам в демобилизации, связанным с военным положением. Таким образом, связывая в одно целое мирный договор и соглашение о создании Лиги Наций, Вильсон надеялся вызвать по отношению к Лоджу, как к противнику быстрого заключения мира, ненависть и принудить его признать создание Лиги Наций. Но он проглядел тот факт, что до своего отъезда в Париж отдал распоряжение о подготовке предварительного мира, включающего в себя военные, морские, территориальные, экономические и финансовые условия, которые могут выбить у него из рук то оружие, которое он выбрал для борьбы против Лоджа. Сенат мог эатифицировать предварительный договор и, таким образом, заключить мир с Германией и мог отвергнуть последующий «окончательный» договор, который включал в себя создание Лиги Наций. Очевидно, что Вильсон не имел ни малейшего понятия о том, что мирный договор — именуемый «предварительным», — за который он выступал, в действительности мог восстановить мир. Когда он в Нью-Йорке произносил эту угрозу, Хауз, преданно исполняя его приказания, напряженно работал в Париже над подготовкой договора, который сводил угрозу Вильсона к нулю. Вильсон создал для себя дилемму: либо «погубить» предварительный договор, либо «проглотить» свою угрозу Лоджу.

Его ненависть к Лоджу стала более яростной, чем когда-либо ранее, и нам представляется важным отметить, что он начал бороться с Лоджем до того, как начал борьбу с Ллойд Джорджем и Клемансо. Мы видели, что Лодж давно уже являлся для него отцовским представителем и что его

реактивное образование против пассивности к отцу в течение нескольких лет находило меньший выход посредством ненависти к Лоджу. Мы также видели, что, когда действие этого реактивного образования было направлено против отцовского представителя, как в случае с Вестом, Вильсон мог бороться с беспощадной решимостью; но когда, по той или иной причине, энергия этого реактивного образования была направлена против человека, который в моральном и умственном отношении не уступал ему, он чувствовал себя слабым и не в духе. На всем протяжении 1919 года энергия его реактивного образования против пассивности по отношению к отцу была направлена против Лоджа и ни разу не направлялась против какого-либо европейского государственного деятеля, разве что, да и то ненадолго, против президента Пуанкаре. Вильсон оставался беспощадным и непреклонным в своей оппозиции к Лоджу, но никогда не был беспощадным и непреклонным по отношению к Клемансо и Ллойд Джорджу.

Нежелание Вильсона относиться к лидерам союзников с бескомпромиссной враждебностью, несомненно, проистекало из его невежества в делах Европы. Он был на незнакомой почве и мог быть устрашен любыми пугалами, подобно угрозе о том, что его бескомпромиссная позиция по отношению к Ллойд Джорджу и Клемансо ввергнет всю Европу в большевизм. Когда он сражался с Лоджем, он был дома, на родной почве, уверенный в себе. Но основная причина его суровости, когда он сталкивался с Лоджем, и его безвольности при встречах с Ллойд Джорджем и Клемансо заключалась, по-видимому, в том простом факте, что Лодж, а не Клемансо пришел на смену Весту. Его ненависть к Лоджу, по-видимому, съедала всю, или почти всю, его энергию мужественности, которая никогда не была чересчур обильной. Он боролся с лидерами союзников не мужскими, а женскими средствами: воззваниями, мольбами, уступками, подчинением.

На всем протяжении его 2-недельного пребывания в Америке он был крайне занят и лишь бегло просматривал каблограммы Хауза из Парижа. Он знал, что его ожидает борьба, но лишь после того, как Хауз рассказал ему о фактах, он осознал чрезмерность требований союзников и размеры битвы, ожидающей его. Вильсон был глубоко шокирован не столько самими фактами, сколько отношением к ним Хауза.

Он возвратился во Францию как Сын Бога, собирающийся сражаться за Господа, своего Бога, которым в его бессознательном также был он сам. Он все еще верил в то, что Бог избрал его для того, чтобы дать миру справедливый и прочный мир, и надеялся, что, сделав «безопасность предшествующей миру», он сделал для себя возможным перевести переговоры в русло божественной проповеди. Хауз сказал ему, что основание Лиги Наций ни в какой степени не изменило требований союзников и что их условия мира являются мстительными. Он добавил, что никакие доводы не изменят требований Клемансо и Ллойд Джорджа, и посоветовал Вильсону смотреть в лицо этому факту и, так как человечество нуждается в мире, сразу же пойти на компромисс: как можно быстрее заключить несправедливый мир, который он все равно вынужден будет заключить.

Хауз настолько всецело было уверен в том, что компромисс неизбежен и в действительности желаем, по сравнению с открытой борьбой, что в первый же день по возвращении Вильсона во Францию 14 марта 1919 года записал в своем дневнике: «Моим основным желанием в настоящее время является заключение мира с Германией как можно скорее». Все отождествления Вильсоном себя с Божеством протестовали против такой оценки Хаузом ситуации и против совета Хауза. Он не мог примириться с мыслью о том, что для него невозможно повернуть переговоры в Париже в русло христианских идеалов. Он не хотел признать, что после всех его благородных надежд и слов, а также обещаний, после его призыва к Америке следовать за ним в крестовом походе за прочный мир, после того, как тысячи американцев отдали свою жизнь и были затрачены громадные средства, он должен сознаться в том, что является не спасителем человечества, а орудием союзников. Согласиться с Хаузом

означало для него признаться в том, что то мрачное предвидение, которое сделало его столь нервным и несчастным летом и осенью 1916 года и преследовало его, во время написания воззвания к народам мира стало реальностью. Принять совет Хауза означало отказ от его веры в свою миссию, в свое сходство с Сыном Божьим. Эта вера стала основой его существа, центральной иллюзией, под которую должны были подгоняться все факты. Его отождествление себя с Христом было фиксацией. Как мы уже указывали, Вильсон уменьшил значение Хауза с «Дражайшего друга» до «Моего дорогого Хауза» в январе 1917 года, так как Хауз противился разрядке его либидо, связанного с этой идентификацией. А ночью 4 марта 1919 года Хауз не только посоветовал ему отказаться от карьеры спасителя человечества, но привел его в ужас мимолетным замечанием, которое было столь шокирующим для него, что он ощутил потребность как можно скорее рассказать кому-либо об этом. Рядом оказался один из друзей, которому Вильсон и поведал о том, что Хауз не выполнил его приказа включить в предварительный договор о мире вопрос о создании Лиги Наций.

Постольку поскольку Вильсон ранее приказал Хаузу подготовить именно такой договор, отрицание этого полковником было бы равносильно объявлению о том, что он умышленно не исполнил приказаний Вильсона. Президент забыл, что именно он проглядел вопрос о включении Лиги Наций, когда приказывал Хаузу подготавливать предварительный договор. Поэтому Хауз совершил, по его мнению, предательство. Хауз согласился отделить соглашение о создании Лиги Наций от мирного договора. Он лишил Вильсона его оружия в борьбе с Лоджем. Он пытался украсть у Вильсона титул на бессмертие! Нетрудно понять, что творилось в бессознательном президента США. Там он был Иисусом Христом. А Хауз предал его. Хауз не мог быть никем иным, кроме как Иудой Искариотом.

Отождествление Вильсоном Хауза с маленьким Томми Вильсоном получило смертельный удар. Оно не исчезло сразу. Давнишние отождествления умирают медленно. Жизнь понемногу уходит из них с печалью и надеждами на выздоровление. Вильсон продолжал встречаться с Хаузом, как Иисус делил хлеб с Иудой, зная страшный характер своего друга. Но эта дружба умирала, угасала бесповоротно. «Начиная с этого времени и далее отношения между ними становились все холоднее...» — записал Бейкер. «Холодность» целиком была на стороне Вильсона. Хауз всячески пытался спасти дружбу. Но бессознательное является суровым властителем. Два дня спустя после своего разговора с Хаузом Вильсон спросил одного из своих друзей, не кажется ли ему, что полковник Хауз изменился и не является более тем, кем был прежде. В бессознательном Вильсона Хауз действительно изменился и более не был тем, кем он был ранее. Прежде он был маленьким Томми Вильсоном, теперь он стал Джо Вильсоном, Гиббеном, Иудой:

Так 14 марта 1919 года любовь Вильсона к Хаузу начала перерастать в «холодность». Тот канал, который в течение 8 лет столь успешно давал выход значительной доле его пассивности по отношению к отцу, -был перекрыт. Его бессознательное отождествление себя с любимым Сыном Всемогущего Отца было единственным большим выходом его пассивности по отношению к преподобному Джозефу Раглесу Вильсону, и неудивительно, что по мере уменьшения его любви к Хаузу потребность Вильсона отождествлять себя с Христом становилась все сильнее. С этого времени громадное количество либидо заряжало его отождествление себя со Спасителем. Но пассивность по отношению к отцу была сильнейшим из его влечений, и невозможно поверить в то, что это единственное отождествление могло дать ему адекватный выход. Невольно приходишь к мысли о том, что после 14 марта 1919 года значительное количество его пассивности к отцу не находило выхода, нуждалось в выходе, искало выхода. Непосредственное подчинение мужественному противнику, с сопутствующим материнским отождествлением, предлагало возможный выход. В последующие за охлаждением Вильсона к Хаузу недели он подчинился

лидерам союзников.

XXVII

Вильсон с энтузиазмом принял один совет, который дал ему Хауз: предложение о том, что ему не следует более посещать встречи Совета десяти, а лучше договариваться об условиях мира в ходе секретных переговоров с Ллойд Джорджем и Клемансо. Несмотря на защиту Вильсоном «договоров о мире, к которым приходят в ходе открытого обсуждения», по прибытии в Париж 14 марта 1919 года он принял в офисе Хауза, расположенном в отеле «Крийон», Ллойд Джорджа и Клемансо. Вильсон был полон решимости перевести переговоры в русло божественной проповеди, не идти ни на какие компромиссы, а также направить лидеров союзников на праведный путь, а если они не изменят своих взглядов, то обрушить на них мощь Иеговы — отказать в финансовой подд[e]Р[жке] США Англии, Франции и Италии, покинуть конференцию и объявить Ллойд Джорджа и Клемансо врагами человечества.

Определенно известно, что 14 марта 1919 года Вильсон был полон решимости применить эти мужские средства борьбы и не идти на несправедливый мир. Но существует разного рода решимость, и есть лишь одна разновидность решимости, на которую можно полагаться: решимость, которая черпает свою силу из огромного потока либидо, подобно решимости Вильсона, когда он сражался против Веста или Лоджа. Решимость, проистекающая от Супер-Эго, часто является столь же беспомощной, что и решимость пьяницы бросить пить. Из всех слов и действий Вильсона во время мирной конференции ясно, что его решимость сражаться, при определенных обстоятельствах, не проистекала от его реактивного образования против пассивности по отношению к отцу. Она проистекала из его нежелания нарушить те обещания, которые он дал человечеству, то есть из его Супер-Эго, и из его неспособности признать, что он не является спасителем человечества, то есть из его потребности отождествить себя с Иисусом Христом ради сохранения этого выхода своей пассивности по отношению к отцу. Но пассивность по отношению к отцу может также находить глубокое удовлетворение в полном подчинении мужественному противнику. Таким образом, с одной стороны, его пассивность по отношению к отцу требовала, чтобы он не отказывался от своего отождествления с Христом, с другой стороны — чтобы он подчинился. Ее сила была разделена. И не следует забывать того, что Спаситель, с которым Вильсон отождествлял себя, спас мир полнейшим подчинением воле своего Отца. Для примирения этих конфликтующих требований со стороны его пассивности по отношению к отцу и для разрешения всех своих других личных затруднений Вильсон нуждался лишь в нахождении некоторой рационализации, которая позволит ему пойти на компромисс и одновременно сохранит его веру в то, что он является спасителем человечества. Но когда он говорил с Хаузом, то не находил такой рационализации или, по крайней мере, не мог заглушить свои сомнения относительно законности такого компромисса.

Редко в человеческой истории будущий ход мировых событий зависел от одного человека так, как он зависел в то время от Вильсона. Когда он встретился с Клемансо и Ллойд Джорджем 14 марта 1919 года, судьба мира зависела от характера его личности. Он начал сражаться за тот мир, который обещал человечеству, сделав самую расточительную уступку, которую когда-либо делал. «В момент энтузиазма» он согласился заключить договор о союзничестве, гарантирующий не-медленное вступление США в войну на стороне Франции в случае нападения на нее Германии. Он сделал это по той же самой причине, по которой настаивал на га-антировании мира до заключения условий мира, чтобы -делать «безопасность предшествующей миру» и таким эбразом направить обсуждение действительных условий мира в русло братской любви. Вильсон надеялся возвысить Клемансо до духа братства посредством заключения соглашения. В своем безнадежном желании вести мирные переговоры в атмосфере христианской любви и не прибегать к использованию оружия Иеговы он полностью забыл о том глубоком недовольстве, которое американцы и сенат

питали к заключению «обязывающих союзов». Он также забыл и о том (в чем ранее был убежден), что союзы с европейскими державами противоречат интересам американского народа. Его предложение было жестом женщины, которая говорит: «Я полностью подчиняюсь вашим желаниям, так будьте же добры ко мне. Ответьте на мое подчинение равной уступкой». Но Клемансо остался Клемансо: стариком с навязчивым желанием силой добиться обеспечения безопасности Франции.

15 марта 1919 года Вильсон опубликовал удивительное «официальное заявление», ведя себя таким образом, как если бы он полностью забыл свои слова в Совете десяти от 12 февраля и свои приказания, данные Хаузу 14 февраля, говоря о предварительном договоре не как о своем детище, а как об «интриге» против него. В книге м-ра Бейкера «Вудро Вильсон и вопросы мирного урегулирования» это действие Вильсона описывается следующим образом: «...Тем временем он действовал с ошеломляющей смелостью и прямотой. В субботу утром, 15 марта, около 11 часов он связался по секретному каналу, непосредственно соединяющему рабочий кабинет в его резиденции с отелем «Крий-он», со мной. Вильсон попросил меня опровергнуть молву, в то время повсеместно распространенную в Европе — и до некоторой степени и в Америке, — что будет иметь место сепаратный предварительный мирный договор с немцами за спиной Лиги Наций. «Я хочу, чтобы вы сказали, что мы находимся там же где находились 25 января, когда мирная конференция приняла резолюцию, делающую соглашение о создании Лиги Наций неотъемлемой частью общего мирного договора». Поэтому я составил заявление, принес его президенту и, получив от него одобрение, немедленно его опубликовал».

Далее следует это заявление:

«Сегодня, 15 марта 1919 года, президент заявил, что решение, принятое мирной конференцией на пленарной сессии 2 5 января 1919 года относительно образования Лиги Наций, должно стать неотъемлемой частью мирного договора. Оно является окончательным, и нет никаких оснований для сообщений о том, что намечается изменение этого решения...»

«Это смелое заявление, — продолжает Бейкер, — было подобно взрыву бомбы. Оно низвергло одним быстрым ударом наиболее важные постановления союзников, принятые во время отсутствия президента. Неясные тенденции, «темные силы», которые действовали в течение прошлого месяца, были повергнуты одним ударом... Это был удар огромной силы... Он разрушил паутину интриги, плетущейся во время его отсутствия, отложил рассмотрение всей программы предварительного договора, в которой Лига не должна была иметь места».

Нет сомнения в том, что Вильсон так же, как и Бейкер, считал, что все так и случилось. Бейкер в то время находился в ежедневном контакте с Вильсоном. По просьбе Вильсона он опубликовал «смелое заявление». Вильсон не читал окончательный вариант рукописи «Вудро Вильсон и вопросы мирного урегулирования», но дал Бейкеру документы и бумаги и выразил ему свое мнение по этому вопросу. Более того, Вильсон и миссис Вильсон были настолько довольны книгой Бейкера, что позднее поручили ему подготовку официальной биографии Вильсона. Поэтому несомненно, что Бейкер писал то, что думал Вильсон.

На самом же деле «бомба» Вильсона от 15 марта разрушила «интригу», которая существовала лишь в рассудке Вильсона. Ранее он сам выступал за заключение предварительного договора о мире и не упоминал о включении в него вопроса о создании Лиги Наций. Кроме того, не было никаких «неясных тенденций» или «темных сил». Присутствующие на конференции Клемансо и Ллойд Джордж сражались за те же самые требования, за которые они выступали в самом начале конференции. А поверить в то, что полковник Хауз участвовал, хотя и неясно, в «интриге» с целью изменения всей программы Вильсона, значило уйти из реальности в страну фантазии, в которой факты являются воплощениями бессознательных желаний.

Итак, своим «заявлением» Вильсон сообщил человечеству, что не будет предварительного

мира и что уставшим солдатам придется и далее сидеть в окопах, а населению Германии и Австрии — продолжать голодать в условиях блокады, пока не будет подписан окончательный договор о мире с включением в него Лиги Наций. Вильсон столь резко изменил свою позицию от 12 и 14 февраля, что 17 марта, 2 дня спустя после своей «бомбы», настаивал на том, чтобы мир был заключен одновременно с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. В своем дневнике Хауз писал: «Так как и Австро-Венгрия, и Турция лишены возможности членства, они будут откладывать заключение мира на неопределенное время».

17 марта 1919 года, на встрече Высшего военного совета, Вильсон завершил свое уничтожение предварительного мирного договора, за заключение которого он выступал на собрании того же самого Высшего военного совета 12 февраля 1919 года. Он сказал, что имел в виду временное предварительное соглашение, пока не будет готов окончательный договор, и что оно явится кратковременным военным перемирием, условия которого будут включены в формальный договор. Если бы такое предварительное соглашение было представлено на рассмотрение сенату для общего обсуждения, то, как ему известно, прошло бы несколько месяцев, до того как оно могло быть ратифицировано.

Он не упомянул действительную причину своей оппозиции против предварительного договора, не сказав о том, что если предварительный договор был бы ратифицирован, то тогда бы то оружие, с помощью которого он надеялся заставить Лоджа смириться с созданием Лиги Наций, было бы выбито из его рук. М-р Бальфур произнес эпитафию предварительному договору, отцом которого был он сам, а матерью — Вильсон: м-р Бальфур высказал свое мнение о том, что заявление, сделанное президентом Вильсоном, является в высшей степени важным и серьезным. Он понимал данную ситуацию так, что следует заключить предварительный мир, каждое предложение которого должно стать частью окончательного мира. Так что посредством заключения предварительного мира будет в большой степени решена проблема окончательного прочного мира. Однако теперь, по-видимому, прояснилось, что американская конституция делает эту программу непрактичной. Вильсон продолжал считать, что Хауз, Бальфур и Фош за его спиной договорились не включать в договор вопрос о создании Лиги Наций.

Таким образом, возвращение Вильсона во Францию ознаменовалось двумя поразительными политическими акциями и двумя, в равной степени поразительными, эмоциональными реакциями: он предложил союз с Францией и объявил, что не будет заключаться никакого предварительного договора без создания Лиги Наций. Вильсон начал полагать, что Хауз предавал его и что предварительный договор, относительно заключения которого он ранее настаивал, был продуктом «интриги», плетущейся во время его отсутствия с целью изменения всей его программы. Трудно не видеть в этих действиях и реакциях свидетельства отхода от реальности, который начал характеризовать душевную жизнь Вильсона. Они были вызваны не событиями в мире фактов, а навязчивой внутренней потребностью найти выход своей пассивности по отношению к отцу через бессознательное отождествление себя со Спасителем. Вильсон быстро приближался к такому психическому состоянию, из которого немногие возвращаются назад, вступая на ту почву, в которой факты являются продуктами желаний, на которой предают друзья и на которой стул в сумасшедшем доме становится троном Бога.

XXVIII

После 14 марта 1919 года Вильсон ежедневно встречался с Клемансо и Ллойд Джорджем на секретных переговорах и, по словам м-ра Бейкера, «сжав зубы, мужественно сражался, пытаясь посредством чистой логики и воззванием к более высоким мотивам заставить Клемансо изменить свою позицию, убедить его в том, что все эти военные средства никогда не гарантируют Франции того, что она в действительности хочет, и что имеются лучшие — не только более справедливые, но и более практичные — способы обеспечения будущего Франции». В приведенном выше

описании лишь одно слово представляется нам до некоторой степени неточным: слово «мужественно», возможно, следует заменить словом «по-женски».

Клемансо слушал. 20 марта Хауз, которого Вильсон более не информировал о ходе своих обсуждений с главами государств, спросил у Клемансо, как обстоят дела. «Превосходно, — сказал Клемансо, — мы разошлись во взглядах по всем вопросам».

Трудно восхищаться стратегией и тактикой, применяемыми президентом США в его борьбе за достижение того мира, который он обещал человечеству, но невозможно не симпатизировать уставшему, больному человеку, который, цепляясь за свою веру в то, что Всемогущий Отец послал его на Землю для того, чтобы дать миру справедливый и прочный мир, растрачивал свои убывающие силы в призывах к Клемансо и Ллойд Джорджу. В конце концов, Вильсон стоял за человеческое достоинство, и, хотя он был слабым борцом за него, он стоял за дело, защищать которое почетно.

Ему было 6 2 года, уставший и больной, лишившийся единственного близкого друга из-за своего недоверия к нему, он был очень одинок. Он испытывал сильную потребность в друге, который верил бы в его миссию. Вильсон направил свою симпатию на эмоционального Джорджа Б.Херрона, который написал о его сходстве с Христом. Херрон взывал к нему покинуть конференцию, но не идти на компромисс.

Клемансо оставался непоколебимым. Ллойд Джордж переходил от вопроса к вопросу с такой ошеломляющей быстротой, что Вильсон не успевал за ходом его мыслей. 26 марта Хауз сказал Вильсону, что «Ллойд Джордж отказывается от данного им накануне обещания включить соглашения о создании Лиги Наций в мирный договор, утверждая, что ничего не обещал». Президент ответил: «Тогда он лжет, ибо он не только согласился, но согласился в присутствии Орландо и Клемансо, которые могут подтвердить это». Бедный Томми Вильсон, который всю свою жизнь боготворил английских государственных деятелей и презирал французских, оказался в кризисной ситуации, презирающим Ллойд Джорджа и уважающим Клемансо.

К 2 7 марта Вильсон, все еще делающий призывы и воззвания, был близок к нервному коллапсу. Клемансо требовал 3 0-летней оккупации Рейнской области и аннексии Саара. В припадке раздражительности Вильсон ответил, что французы поднимают территориальные вопросы, которые не имеют ничего общего с военными целями какой-либо страны, что никто не слышал об их намерении аннексировать Саарскую область до того, как было подписано соглашение о временном перемирии. Клемансо гневно ответил: «Вы прогерманец. Вы хотите разрушить Францию». «Это неправда, и вы знаете, что это неправда», — ответил Вильсон. Затем Клемансо сказал, что, если Франция не получит Саар, он не подпишет мирный договор. Вильсон спросил: «Если Франция не получит того, что она хочет, она отказывается сотрудничать с нами? В этом случае, не лучше ли мне будет вернуться домой? » «Я не хочу, чтобы вы отправились домой, но намереваюсь сделать это сам», — сказал Клемансо и, надев шляпу, покинул совещание.

М-р Бейкер следующим образом описывает то, что последовало далее: «В полдень, во время перерыва, президент, глубоко оскорбленный, отправился на продолжительную прогулку в Булонский лес». Во 2-й половине дня Вильсон выступил с речью, которая, по словам Грейсона, была одной из наиболее сильных речей, когда-либо произнесенных президентом.

«Речь Вильсона, — продолжает Бейкер, — очень растрогала м-ра Клемансо. Пожав президенту руку, он сказал: «Вы хороший человек, м-р президент, вы — великий человек». Хотя президент затронул чувства Клемансо, он не смог заставить его уступить. «Разновидность женского рассудка» — так охарактеризовал президент своего трудного оппонента».

Мнение Вильсона о том, что Клемансо обладает «разновидностью женского рассудка», проливает больше света на личность Вильсона, чем на личность Клемансо. Нельзя вообразить ничего менее женственного, чем отказ Клемансо быть повергнутым в прах разглагольствованиями

Вильсона, и трудно представить себе что-либо более женственное, чем реакция Вильсона на поведение Клемансо в это утро. Клемансо нарушил границы вежливости. Он оскорбил Вильсона, и мало найдется мужчин, которые отказались бы после этого применить те мужские средства борьбы, которые были в руках Вильсона. Но Вильсон в своей речи снова обрисовал свое видение мира. Таким образом, ответ Вильсона был продуктом чистейшей женственности, а его замечание о том, что Клемансо обладает «разновидностью женского рассудка», явно было попыткой убедить себя в том, что его собственное поведение не является женственным, посредством перенесения своего собственного отношения на Клемансо. Как и всегда, он и в мыслях не мог допустить, что женственность взяла верх в его натуре. Комплимент Клемансо был, несомненно, искренним. Четыре дня спустя, описывая Вильсона, он отметил: «Он считает, что является еще одним Иисусом Христом, сошедшим на Землю, чтобы исправлять людей». Клемансо, возможно, ничего не знал о психоанализе, но бессознательное отождествление Вильсоном себя со Спасителем стало настолько очевидным, что вынудило даже тех, кто никогда не изучал более глубокие пласты психики, признать его существование.

Комплимент Клемансо произвел на Вильсона большое впечатление. Он считал, что все еще может обратить Клемансо в свою веру посредством слов и добиться обещанного им мира без открытой борьбы. Вечером 2 7 марта м-р Бейкер предложил Вильсону опубликовать заявление, осуждающее «препятствующие группы», которые высказывают требования о расширении границ и национальном усилении... и своими действиями сеют семена будущих войн. Вильсон отказался опубликовать такое заявление. Вечером следующего дня м-р Бейкер снова побуждал его к открытой атаке. Вильсон, все еще испытывая колебания и надеясь, ответил: «Время еще не пришло, мы не можем рисковать — поставить, под угрозу мирную конференцию».

К этому моменту каждому, имеющему отношение к переговорам, за исключением Вильсона, было ясно, что, если он не хочет принять условия Ллойд Джорджа и Клемансо, ему придется использовать мужские средства борьбы, от которых он столь долго отказывался. Херрон, который все еще полностью верил в сходство Вильсона с Христом, умолял его покинуть конференцию. «Президент был очень тронут словами Херрона и, шагая взад и вперед по комнате, восклицал: "Боже мой, я никогда не смогу довести это дело до конца"».

К сожалению, это было истинной правдой. В этот момент, когда судьба мира зависела от его личного характера, он не мог найти в себе храбрости сражаться. Единственный источник его мужской храбрости, его реактивное образование против пассивности по отношению к отцу, был направлен не против лидеров союзников, а против Лоджа. Однако в то же самое время он не мог открыто пойти на компромисс. Все его отождествления себя с Божеством не позволяли ему признаться в том, что он был не чем иным, кроме как орудием союзников. Он упорствовал, надеясь и молясь своему Богу Отцу, что он все еще может выиграть, разглагольствуя, как Христос.

М-р Бейкер писал: «2 апреля президент дошел до предела своих сил. В моих записях в этот день я нашел следующее: "Президент сказал, что так не может продолжаться долгое время; что, если не будет достигнуто какого-либо решения к середине следующей недели, он определенно вынужден будет взять перерыв..."».

Я говорил о чувстве тревоги в мире, о новых восстаниях в Германии и Венгрии и об обвинениях, которые несправедливо направлены против него.

«Я знаю об этом, — сказал он. — Я знаю об этом. — Он помолчал. — Но мы должны добиться заключения мира на основании приемлемых для нас принципов или не заключать его совсем».

Вильсон избегал, пока только это было возможно, личного контакта с Хаузом. Но вечером 2 апреля 1919 года он позвонил Хаузу по телефону, и Хауз записал в своем дневнике: «Мы обсудили сложившуюся ситуацию от начала до конца... Он заявил, что старик упрям и что он не

может заставить его прийти к решению. Что Вильсон в действительности имел в виду, так это то, что он не может заставить Клемансо прийти к его способу мышления... Президент спросил, считаю ли я, что Ллойд Джордж ведет с ним искренний диалог... Складывается общее впечатление о том, что Ллойд Джордж ведет его к разрыву с Францией... Я спросил Вильсона, ведутся ли кем-либо на встречах Совета четырех записи. Вильсон ответил, что профессор Мэнтоукс присутствует на встречах в качестве переводчика сеньора Орландо и делает какие-то записи. Президент признал, что, по его мнению, Мэнтоукс не любит его. И добавил: "Действительно, я не уверен в том, что кто-либо меня любит"».

В словах «действительно, я не уверен в том, что кто-либо меня любит» заключен искренний пафос. Они были сказаны президентом США, которого тремя месяцами ранее принимали Франция, Англия и Италия с такой искренней любовью и благоговением, что он казался всем и самому себе Властелином мира. И действительно, по его призыву все еще откликнулись бы и пошли за ним в бой столько людей, сколько их не имел никто ни до, ни после него. Он все еще оставался лидером всех идеалистов. Они были озадачены и обеспокоены, так как он не звал их на битву, но они еще не потеряли веру в него. Он сам потерял веру в себя. Конфликт между его решимостью вступить в борьбу, которая ожидала его, и его страхом борьбы снова сделал из него маленького Томми Вильсона: слабого, болезненного, в очках, с головными болями и диспепсией, который не осмеливался играть с грубыми мальчишками на улицах Огасты, ощущая себя изгоем.

На следующий день после своего разговора с Хаузом он занемог, испытывая полное нервное и физическое истощение. «Он был охвачен яростными приступами кашля, которые были столь сильными и частыми, что затрудняли его дыхание. У него была лихорадка с температурой 103 по Фарингейту и сильный понос... его состояние представлялось крайне тяжелым». Ранним утром 4 апреля 1919 года состояние Вильсона резко ухудшилось. Он корчился в постели от болей в животе, его рвало, не прекращался сильный понос с кровью. Он задыхался от кашля, испытывал стреляющую боль от воспаления предстательной железы и неврита в левом плече. Левую сторону лица сводило судорогой. Но физические мучения в данный момент были, возможно, менее страшными для него, чем умственные. Он стоял перед двумя альтернативами, обе из которых были ужасны. Он мог нарушить свои обещания и стать орудием в руках союзников, а не «принцем мира», или мог сдержать свои обещания отказать Европе в финансовой поддержке, заклеймить Клемансо и Ллойд Джорджа, возвратиться в Вашингтон и оставить Европу на — что? — и себя на — что?

Он пришел в ужас от возможных последствий применения мужских средств борьбы, преувеличивая опасность и сводя до минимума шанс на успех. Достаточно было одной его угрозы покинуть Францию и оставить ее наедине с Германией, чтобы заставить Клемансо пойти на компромисс; достаточно было одного удара кнутом финансовых санкций, чтобы поставить Ллойд Джорджа на колени. Но больному человеку, прикованному к постели, мир снова начал представляться глазами маленького Томми Вильсона. Он воображал кошмарную картину возможных последствий своих действий. Он страшился, что его отъезд с конференции вызовет немедленное возобновление войны в Европе, что голодающие французские армии пройдут маршем по телам голодающих немцев, австрийцев, венгров, русских и установят, в конечном счете, мир намного хуже того, чем это может сделать он. Вильсон опасался, что такие события могут вызвать столь широкое революционное движение, что весь Европейский континент подпадет под власть большевизма, и, самое главное, он страшился даже мысли о такой возможности. Он ненавидел и боялся коммунистов гораздо более сильно и глубоко, чем ненавидел и боялся милитаристов. В его теле не было ни искры радикализма. Он был «христианским государственным деятелем», посланным просветить капиталистический мир посредством пересказа божественной проповеди. Его видение совершенного мира было видением «новой свободы» — видением процветающих

маленьких городков, подобных тем, в которых он прожил большую часть своей жизни. На самом деле коммунистическая революция как во Франции, так и в Англии была вне границ возможности, но она фигурировала в опасениях Вильсона. Снова и снова в эти дни и ночи, когда судьба мира зависела от его решения, он повторял: «Европа в огне, и я не могу подливать масла в огонь!»

А каков будет результат борьбы не на жизнь, а на смерть? Он представлял себе, как его поносят во всем капиталистическом мире, а это был его единственный мир. Пресса Парижа и Лондона уже злобно нападала на него, что причиняло ему крайнюю боль. Он знал, что, хотя он будет превозноситься как пророк либеральными и идеалистически настроенными кругами Америки, основная масса нации пойдет против него. Его назовут «прогерманцем», как назвал его Клемансо. Его обвинят в желании отпустить немцев без наказания. Его назовут большевиком. Пропаганда, которую он начал в Америке с помощью своего друга Джорджа Криля, приносила свои результаты. Американцев приучили ненавидеть Германию и Россию. Престарелые леди требовали крови. Если американцам покажется, что он выступает в защиту Германии и коммунизма, они направят свою ненависть против него. Весь мир станет ненавидеть его, за исключением немногих американских и английских либералов, мнением которых он дорожил, да социалистов и коммунистов Европы, одобрение которых он не мог вынести, с которыми он даже не мог помыслить каким-либо образом отождествить себя. И самое худшее, ему придется вывести США из Лиги Наций. Лига будет основана, но без него. Ему придется лишить себя титула на бессмертие.

Таким образом, альтернатива отъезда с конференции была для него непереносима; но его другая альтернатива была в равной степени непереносима. Одним из его самых глубоких чувств было чувство того, что, если он привел США к войне, он должен вести страну к войне за мир. Почти вся энергия его чрезмерно могущественной пассивности по отношению к отцу заряжала его бессознательное отождествление себя с Христом. Пойти на компромисс, уступить означало признать, что он не является «принцем мира». Более того, она нарушит свое слово, его обещания станут предметом насмешек. Он сделает посмешищем идеалы идеалистов. Он разрушит все либеральное движение в Америке, лидером которого он являлся. Его будут осуждать все те люди, хорошим мнением которых он дорожил больше всего. Что скажет Херрон, человек, «который по-настоящему понял его»? Что подумают все те молодые люди, которые верили в него? Что он сам подумает о себе? Он предстанет перед миром не как Сын Бога, который вступил в войну, чтобы добиться королевской короны и получить ее, а как Сын Бога, который вступил в войну и проиграл, когда увидел крестное знамение.

XXIX

На протяжении всего дня и ночи 4 апреля 1919 года Вильсон метался в кровати, будучи не в состоянии сделать выбор между двумя альтернативами, которые были в равной степени ужасны для него.

5 апреля 1919 года Вильсон все еще был прикован к постели. Клемансо, Ллойд Джордж и Орландо встретились с Хаузом в кабинете Вильсона, находившемся рядом с его спальней. Полковник исполнял роль курьера, курсируя между спальней и кабинетом. Вильсон уже уступил требованию Англии в вопросе о пенсиях и различных денежных выплатах, которые по требованию английской стороны должны были быть включены в счет репараций. Он также приказал американским экспертам прекратить борьбу за свое первоначальное намерение проставить в договоре какую-либо определенную сумму, которую Германия должна будет выплатить. По остальным вопросам Вильсон не собирался идти на компромиссы, надеясь, что Ллойд Джордж поддержит его в том, что все репарационные платежи должны быть ограничены суммой, которую Германия сможет выплатить в течение 30 лет.

Однако, к удивлению Вильсона и Хауза, Ллойд Джордж высказался против любого

ограничения как в годах, так и в количестве денег, которые должна выплатить Германия. Отчаявшийся Хауз уступил Ллойд Джорджу и Клемансо и облек эту уступку в форму слов «репарационного компромисса», что в действительности означало отказ от всей американской позиции. «График платежей враждебных государств будет составлен комиссией. При этом при установлении времени выплат будет приниматься во внимание их способность к выплате». Он считал, что будет лучше заключить «немедленный мир и установить в нем порядок... чем... пытаться добиться в будущем более справедливого мира».

Хауз сам был настолько взбешен требованиями Клемансо и Ллойд Джорджа, что посоветовал Вильсону пойти на этот компромисс, но покинуть конференцию, если союзники потребуют дальнейших уступок.

Таким образом, в субботу 5 апреля 1919 года даже Хауз, который был главным защитником компромисса, рекомендовал Вильсону бороться. Из Америки Вильсон получит такой же совет. Как раз перед болезнью Вильсона Грейсон, его врач и друг, послал каблограмму Тьюмалти, в которой говорилось: «Все еще уверен в том, что президент победит. Столкновение с трудностями, серьезная ситуация. Президент более, чем когда-либо, является надеждой всего мира, и при его смелости, мудрости и силе он добьется своего. Есть ли у Вас какие-либо предложения относительно гласности или иного способа борьбы?» 5 апреля 1919 года Тьюмалти ответил: «По моему мнению, президент должен... очистить воздух от сомнений, непонимания и отчаяния, которые в настоящее время характеризуют всю ситуацию в мире. Он должен взять руководство в свои руки, чтобы спасти мир от происков политиканов. Лишь смелый удар, нанесенный президентом, спасет Европу и, возможно, весь мир. Этот удар необходимо нанести, невзирая на крики и предостережения его друзей-советников. Он пытался решить этот вопрос тихо, без огласки; лишь гласность, и очень драматическая, может спасти ситуацию, которая требует от него той смелости, которая помогала ему побеждать в любой битве».

Вильсон получил каблограмму от Тьюмалти и 6 апреля, в воскресенье, принял решение изложить перед прихожанами, которыми являлось все человечество, закон Бога. Президент послал за специально уполномоченными членами американской делегации.

Таким образом, 6 апреля 1919 года Вильсон принял решение либо отправиться домой, если в течение нескольких последующих дней Клемансо и Ллойд Джордж не согласятся с условиями мира, соответствующими их обещаниям заключить мир на основе 1 4 пунктов, либо настаивать на том, чтобы они открыто высказывали свои предложения, и таким образом бороться против них в открытую. Такое решение позволяло ему «увильнуть от затруднений» еще на несколько дней и снова выражало утешительную надежду на то, что он наконец-то сможет поднять мирную конференцию до уровня университетских дискуссионных клубов, в которых он доминировал за счет своей моральной честности и ораторского искусства.

И снова, как ив 1918 году, он надеялся, что ему не придется использовать мужественные средства борьбы.

Тем не менее это решение было важным, так как указывало на его готовность начать борьбу. Однако вскоре он отступает, согласившись на «репарационный компромисс» Хауза. В воскресенье того же дня Хауз записал в своем дневнике: «Я обсуждал с президентом вопрос о репарациях, над которым в этот день работали эксперты, и убедил его согласиться с внесением несущественных изменений». Таким образом (так как «репарационный компромисс» в действительности означал полный отказ от американской позиции), Вильсон после принятого им решения не идти более ни на какие уступки совершил столь громадную уступку, что она, скорее, была не компромиссом, а поражением. Ясно, что он все еще был в тисках своих конфликтующих желаний и страхов, хотел по-прежнему говорить и верить в то, что не пойдет на компромисс, и в то же самое время путем уступок избежать страшащей его борьбы.

Позднее, вечером того же воскресного дня, 6 апреля 1919 года, он, по-видимому, действительно пришел к решению сражаться. Он находился в постели, рядом с которой сидела с вязаньем в руках миссис Вильсон, когда Грейсон привел к нему Бернарда М. Баруха, близость которого с Вильсонами начала расти по мере охлаждения отношений с Хаузом. Вильсон сказал, что его терпение истощилось в спорах с англичанами, французами и итальянцами и придется каким-либо образом оказать на них давление. Барух предложил прекратить их кредитование. Вильсон послал каблограмму секретарю казначейства, приказывая не давать новых кредитов Англии, Франции и Италии. Затем он подчеркнул свою решимость бороться, попросив Грейсона отправить каблограмму на корабль «Джордж Вашингтон» с указанием немедленно вернуться в Брест. Вильсон решил держать корабль наготове, чтобы иметь возможность сразу же покинуть Францию, если Ллойд Джордж и Клемансо не захотят выполнять свои обещания заключить мир на основе 14 пунктов. Когда Клемансо, говоря о цели Вильсона, приказавшего привести корабль «Джордж Вашингтон» в Брест, сказал: «Это запугивание, не правда ли?» — Грейсон с полнейшей искренностью ответил: «Он ни на йоту не обладает ничем подобным в своем характере».

В то же воскресенье, 6 апреля 1919 года, Грейсон по просьбе одного из авторов этой книги пытался получить от Вильсона решение относительно предложения советского правительства о мире, срок которого истекал 10 апреля. Вильсон, «однонаправленный разум» которого был целиком поглощен Германией, сказал, что передал этот вопрос для рассмотрения Хаузу, и отказался лично беспокоиться о мире в России и с Россией. Ленин предлагал заключить немедленное перемирие на всех фронтах и признать де-факто установление антикоммунистических правительств, которые возникли в следующих областях на территории бывшей русской империи: 1) Финляндия, 2) Мурманск — Архангельск, 3) Эстония, 4) Латвия, 5) Литва, 6) Польша, 7) Западная Белоруссия, 8) Румыния, включая Бессарабию, 9) более половины Украины, 10) Крым, 11) Кавказ, 12) Грузия, 13) Армения, 14) Азербайджан, 15) весь Урал, 16) вся Сибирь.

Таким образом, Ленин предлагал ограничить власть коммунистов Москвой и небольшой прилегающей площадью плюс городом, известным теперь как Ленинград. Будучи коммунистом, Ленин, естественно, рассчитывал расширить область большевистского правления, как только он сможет безопасно это сделать, невзирая ни на какие обещания, которые он вынужден будет дать. Однако, сокращая коммунистическое государство до площади, немного больше той, которая была у первого русского диктатора, назвавшего себя царем, — Ивана Грозного, — Ленин предлагал Западу уникальную возможность предотвратить насильственное завоевание коммунистами прилегающих областей. Между прочим, Ленин также предложил принятие советской республикой долгов Российской империи.

Последствия отказа Вильсона обратить внимание на вопрос о России были значительными. Действительно, мы даже по сегодняшний день не знаем, сколь колоссальны могут быть последствия этого. Может оказаться и так, что отказ Вильсона перегружать свой «однонаправленный разум» Россией в конечном счете окажется единственным, самым важным решением, которое он принял в Париже.

На следующий день, в понедельник 7 апреля 1919 года, Хауз занял место Вильсона на встрече премьер-министров, которая проводилась в апартаментах Ллойд Джорджа. Представители союзников столь рассердили Хауза своими придирками, что полковник в гневе ушел. По всей видимости, наконец-то наступил явный разрыв. Хауз записал в своем дневнике: «Я пришел к президенту, чтобы сообщить ему о ходе встречи, и он полностью одобрил мои действия. Мы провели вместе всю вторую половину дня, ничего не предпринимая.

...Когда мы обсудили создавшееся положение, президент был сильно обескуражен и не знал, каковы будут последствия этого».

После ухода Хауза Рей Стэннард Бейкер разговаривал с Вильсоном: «Я поднялся к президенту в 6.30 — в первый раз после его болезни — и имел с ним продолжительную беседу. Я застал его изможденным и бледным...

Я понял, что он не пойдет на дальнейшие уступки... «Значит, Италия не получит порта Фиуме?» — спросил я. «Конечно, нет — до тех пор, пока я здесь», — резко ответил он. «А Франция не получит Саарскую область?» — «Нет...» Я спросил его, что я могу сказать корреспондентам. Он поручил мне посоветовать им снова перечитать наши соглашения с союзниками и Германией и заверить их в том, что он не откажется от этих принципов. Я сказал президенту о том эффекте, который произвело заявление относительно прибытия «Джорджа Вашингтона». "Пришло время довести это до сознания, — сказал он. — Хауз тоже был здесь и сказал мне, что Клемансо и Клоц весь день совещались... Я не буду более ничего с ними обсуждать. Мы согласились между собой, а также с Германией относительно определенных общих принципов. Весь ход конференции состоял из неоднократных попыток, особенно со стороны Франции, нарушить это соглашение, завладеть территорией и установить громадные контрибуции. Единственная действительная заинтересованность Франции в Польше состоит в ослаблении Германии посредством передачи Польше территории, на которую она не имеет прав"».

М-р Бейкер записал также в связи с этим разговором с Вильсоном следующее: «Мы говорили также о переменчивой позиции Ллойд Джорджа; было даже сказано, что Ллойд Джордж ввиду этого кризиса намеревается опубликовать заявление, обвиняющее Вильсона в задержке принятия решений. Я никогда не забуду ту крайнюю печаль, отразившуюся на изможденном после недавней болезни лице президента, когда он стоял у своего рабочего стола. "Хорошо, — ответил он. — Полагаю, мне придется сражаться в одиночку"».

В свете всех этих слов трудно поверить, что вечером 7 апреля 1919 года у Вильсона была какая-либо иная мысль, нежели мысль о борьбе в противовес дальнейшему компромиссу. Но мы уже видели, сколь часто он приближался к мысли о борьбе и сколь часто в последний момент шел на компромисс. И мы можем быть шокированы, но не удивлены, узнав о том, что в полдень 8 апреля 1919 года, спустя менее 24 часов после того, как он сделал все эти заявления м-ру Бейкеру, он в первый раз после своей болезни принял премьер-министров и уступил их требованиям, приняв соглашение о репарациях, которое разрушило экономическую жизнь Европы. Хауз записал в своем дневнике: «К моей большой радости, они пришли к пробному соглашению по вопросу о репарациях. Президент уступил больше, чем, как мне казалось, ему следовало уступить, но не больше того, чем требовалось в данном случае».

Начиная с этого момента падение Вильсона к Версальскому договору было быстрым. Оно было ускорено каблограммой, посланной ему Тьюмалти 9 апреля 1919 года: «Приказание «Джорджу Вашингтону» вернуться в Европу рассматривается здесь как акт нетерпеливости и обиды со стороны президента и не одобряется ни друзьями, ни врагами. Оно рассматривается как свидетельство того, что президент намеревается покинуть конференцию, если не будет принята его точка зрения... Отъезд в такое время будет равнозначен дезертирству». Более того, секретарь казначейства сообщил ему, что уже были выданы кредиты, покрывающие потребности союзников до июля. 9 апреля Вильсон согласился уступить Франции Саарскую область, и никогда более он не грозил бороться за тот мир, который обещал дать человечеству.

До того как мы попытаемся проанализировать моральное падение Вильсона, представляется разумным отметить еще одно изменение в его дружбе с Хаузом. После их беседы 14 марта Вильсон до минимума сократил личный контакт с Хаузом. Но когда он заболел 3 апреля, он должен был назначить кого-либо, кто занял бы его место в Совете четырех, и, так как он не доверял Лансингу даже больше, чем Хаузу, он выбрал полковника. В течение нескольких дней казалось возможным, что их отношения могут стать близкими. Но среди друзей Хауза в Париже

был политический корреспондент лондонской «Тайме» по имени Уикхэм Стид, который писал передовицы для парижской «Дэй-ли мэйл». Хауз хвастался миссис Вильсон, что Стид напишет все, что он пожелает. Когда миссис Вильсон взяла вырезку из «Тайме», датированную понедельником 7 апреля 1919 года, и, протянув ее полковнику, сказала: «Мне кажется, вы попросили его написать это», Хауз увидел следующее:

«Поборники мира...

(От нашего политического корреспондента)

Париж, апрель 6

Деятельность полковника Хауза

...До настоящего времени всякое реальное улучшение перспектив на благоприятный исход конференции, как считают, главным образом связано с государственной деятельностью полковника Хауза, который, вследствие недомогания президента Вильсона, снова направил свой такт и примиренческий строй мысли на службу главным миротворцам.

Полковник Хауз — один из очень немногих делегатов, «приносящих пользу» во время работы конференции. И действительно, представляется вероятным, что мир был бы успешно заключен уже много недель тому назад, если бы не болезнь, которая застигла его в начале работы конференции. Когда же он выздоровел, Совет десяти уже усвоил плохие манеры... Мало что можно было сделать, чтобы поправить дела до возвращения м-ра Ллойд Джорджа в Англию, а президента — в Америку. Во время их отсутствия полковник Хауз, у которого никогда не было затруднений в работе со своими коллегами, так как он бескорыстный человек, не боящийся кропотливой работы, быстро продвинул дело вперед. Проволочка, имеющая место со времени возвращения президента Вильсона и м-ра Ллойд Джорджа, была главным образом обусловлена расстройством той хорошей работы, которая была проведена в их отсутствие, и отказом от здравых методов в пользу «прекраснодушных импровизаций...».

Если и есть шансы на то, что конференция выйдет из полосы неудач на относительно здравую почву, то они главным образом обусловлены усилиями полковника Хауза и целебным воздействием того общего чувства, что народы союзных держав становятся серьезно встревожены по поводу секретных манипуляций их главных представителей».

Хауз был ошеломлен. Некоторое время он безмолвно стоял, глядя на миссис Вильсон. Затем поспешил к президенту, говоря, что объяснит все позже. Но он так и не пришел объясниться. Да какое могло быть объяснение. Стид завершил круг личной размолвки, который начал Очинклос. Миссис Вильсон была убеждена в том, что Хауз был инспиратором как Очинклоса, так и Сти-да. Начиная с этого времени она ненавидела Хауза и верила в то, что он предает ее мужа, чтобы присваивать его достижения, в то время как всю вину за свои ошибки сваливает на Вильсона.

Президент был менее резок, нежели миссис Вильсон, по отношению к Хаузу. Он не доверял Хаузу, но не испытывал к нему ненависти. Его отождествление Хауза с маленьким Томми Вильсоном еще было живо, хотя постепенно и отмирало. Он продолжал использовать Хауза как помощника, так же как продолжал использовать в качестве секретаря Тьюмалти после того, как потерял в него веру, но следил за тем, чтобы Хауз знал не слишком много о его мыслях и действиях, так же как из-за предосторожности держал Тьюмалти на расстоянии. В первых числах апреля на одной из встреч Совета четырех появился сэр Морис Ханки, которого рекомендовал Ллойд Джордж для ведения протоколов заседаний. Итак, Ллойд Джорджу помогал Ханки, Клемансо — Мэнтоукс, у Вильсона же не было никого (к тому же в это время вместо него на заседаниях присутствовал полковник Хауз). Англичане предложили Вильсону, чтобы Ханки ежедневно передавал протоколы совещаний Хаузу. Вильсон ответил, что протоколы не должны предоставляться ни Хаузу, ни кому-либо другому из американской делегации, кроме него. После этого ни один американец не знал, какие соглашения подписывает президент США. Вильсон

перед всеми решил продемонстрировать, что он, а не Хауз является правителем США. В апреле 1919 года он согласился на внесение изменений в свои 14 пунктов в Версальском договоре.

XXX

Читателю, вероятно, наскучило наше подробное исследование слов и действий Вильсона в феврале, марте и апреле 1919 года. Но мы чувствуем, что нет никакой потребности в оправдании за детальность нашего исследования.

Весь поток человеческой жизни может быть изменен вследствие характера одного индивида. Если бы Мильтиад бежал из Марафона или Карл Мартелл бежал из-под Пуатье, западная цивилизация развивалась бы иным образом. И вся жизнь текла бы по-иному, если бы Христос отрекся от своей веры, стоя перед Пилатом. Когда Вильсон покинул Париж, поток западной цивилизации был направлен в такое русло, о котором не очень приятно размышлять.

Психологические последствия его морального поражения были, возможно, такими же серьезными, как и политические и экономические последствия. Человечество нуждается в героях, и так же, как герой, который оправдывает веру в него человечества, вносит свой вклад в развитие цивилизации, герой, который предает надежды человечества, снижает уровень развития общества. Вильсон великолепно проповедовал, обещал великие свершения, а затем позорно бежал от данных им обещаний. Обещать и убегать от обещаний не соответствует лучшей американской традиции и не является общепринятой линией поведения в Европе. Западному миру нелегко будет стереть из памяти трагикомическую фигуру своего героя, президента, который обещал и убежал от выполнения обещанного. Поэтому нам кажется, что мы не должны каким-либо образом оправдывать нашу попытку определить точную причину и момент поражения Вильсона.

Если бы Вильсон был жив и подвергся психоанализу, могло бы оказаться возможным точно определить, почему и когда он отказался от обещанной им борьбы. В действительности лее, располагая материалами об этом периоде, мы в состоянии указать лишь на возможную причину этого. Ясно, что кризис начался 3 апреля с болезни Вильсона и закончился 10 дней спустя. Так как вечером 7 апреля Вильсон, по-видимому, был преисполнен реши мости вести борьбу и уступил в полдень следующего дня в важном вопросе репараций, никогда более не вступая в борьбу (за исключением второстепенного вопроса о порте Фиуме), то представляется очевидным, что в ночь с 7 на 8 апреля или утром 8 апреля он решил прекратить борьбу. Но 6 апреля он говорил Хаузу, что согласится с «репарационным компромиссом», так что его уступка 7 апреля была уступкой, которую он согласился сделать ранее. Он мог совершить ее с твердой уверенностью ни когда более не уступать, и его окончательное решение идти на компромисс до конца, возможно, было принято, когда он получил каблограмму от Тьюмалти, которая оканчивалась следующими словами: «Отъезд в такое время будет равнозначен дезертирству». Действитель но, начиная с этого времени он, возможно, вообще не принимал никаких решений и просто распадался как личность.

С другой стороны, после своей беседы с Хаузом 6 апреля он стал намного более воинственным. Он приказал вернуться кораблю «Джордж Вашингтон» и отдал распоряжение прекратить кредитование союзников. На протяжении всего дня 7 апреля он, казалось, настолько решительно был настроен сражаться, что даже Хауз был изумлен полнотой его капитуляции в полдень 8 апреля. Таким образом, трудно избежать заключения о том, что значительные изменения в его взглядах произошли в период между вечером 7 и полуднем 8 апреля. Без Вильсона невозможно определить точный момент его упадка духа, но создается впечатление, что окончательное решение Вильсона отказаться от борьбы за заключение того мира, который он обещал человечеству, очевидно, было принято ночью 7 апреля. Вероятно, он лежал без сна в эту

ночь, раздираемый сомнениями и страхом перед мужской борьбой, который таился в душе маленького Томми Вильсона, никогда в своей жизни не вступавшего в кулачную драку. И он принял решение сдаться. Возможно, так и было. Но Вильсон не умел и не желал смотреть фактам в лицо, и ни одно из его будущих оправданий или действий не указывает на то, что он сознательно понимал правду о себе. Напротив, они указывали на то, что он вытеснил ее, загнав в бессознательное, а сознательно убедил себя в том, что путем компромисса достигнет всего того, и даже большего, что могло бы быть достигнуто вследствие борьбы.

Мы отмечали, что для того, чтобы разрешить внутренний конфликт, терзающий его, Вильсон нуждался лишь в нахождении некоторой рационализации, которая позволит ему одновременно уступить и остаться в своей собственной вере спасителем человечества. Мы находим, что он обнаружил не только одну такую рационализацию, а целых три! В месяц, последующий за его компромиссом 8 апреля 1919 года, Вильсон снова и снова повторял три рационализации. Конечно, его самой главной рационализацией была Лига Наций. Каждый раз, когда он шел на компромисс, несовместимый с обещанием, данным ранее человечеству, заключить мир на основании 14 пунктов, он говорил сопровождающим его лицам: «Я никогда не сделал бы этого, если бы не был уверен в том, что Лига Наций пересмотрит это решение». Он убедил себя в том, что Лига изменит все несправедливые постановления договора. Когда его спросили о том, как Лига сможет изменить договор, если она не является парламентом, а каждый член совета Лиги обладает абсолютным вето, он ответил, что в данное время Лига действительно не может изменить договор, но уверен, что когда-нибудь она станет столь могущественной, что сможет изменить его. Таким образом он освободил себя от какой-либо моральной ответственности бороться. В тот момент, когда он поверил в то, что условия мирного договора являются лишь временными и будут заменены постоянной Лигой, он мог поверить в то, что в действительности ничто не имеет большого значения, кроме существования Лиги. В это он крайне хотел верить, так как создание Лиги Наций, по его мнению, даровало ему бессмертие. Он закрыл глаза на тот факт, что Лига может оказаться временной, а условия мира — постоянными, пока они не будут изменены войной. В своем желании быть крестным отцом Лиги он абсолютно забыл о своей точке зрения, которой придерживался в прошлом году, а именно: просить американский народ вступить в Лигу Наций, чтобы гарантировать условия мирного договора, если этот договор будет столь справедливым, что сделает новые войны крайне маловероятными. Он так сильно нуждался в рационализации, что был способен закрыть глаза на тот факт, что Лига по своему существу являлась органом, который должен был гарантировать неизменность условий Версальского договора, а также поверить в то, что Лига по своей сути была органом, созданным для пересмотра тех самых условий мира, которые она должна будет гарантировать как неизменные! Путем использования этой рационализации он смог одновременно подчиниться и сохранить свою веру в то, что все еще является спасителем человечества.

Его вторая рационализация была и продолжает быть вызывающей изумление. Он всегда был способен найти некоторый принцип для прикрытия поведения, которое является шокирующим для обычной человеческой личности и порядочности. Тем не менее вызывают удивление его уверения в том, что он сделал Версальский договор вопросом принципа. Вильсон изобрел великолепный софизм: он говорил своим друзьям, что так как прибыл в Европу для установления принципа международного сотрудничества, то должен поддерживать этот принцип и сотрудничать с Ллойд Джорджем и Клемансо даже за счет компромиссов, которые трудно было примирить с 14 пунктами. Его компромиссы, сделанные во имя принципа международного сотрудничества, делали его невозможным. Он боролся за международное сотрудничество, подготавливая решение о репарациях и «польский коридор»! Он применял этот принцип не к реальности, а к своей совести с таким успехом, что снова чувствовал себя освобожденным от

обязанности бороться. Действительно, вопросом принципа стало не вступать в борьбу! И опять, как столь часто случалось в его жизни, красивая фраза пришла ему на помощь и убила злобный факт, который угрожал миру в его душе.

Его последней рационализацией был большевизм. Снова и снова он рисовал картины того, что произойдет, если он будет бороться и покинет мирную конференцию вместо того, чтобы пойти на компромисс. Снова и снова он повторял: «Европа в огне, и я не могу подливать масла в огонь». Таким образом, он окончательно смог убедить себя в том, что подавил свое личное мужское желание вести борьбу для того, чтобы спасти Европу от тех страшных последствий, которые были бы неизбежны при его участии в борьбе. Не сражаться стало для него равносильно принесению себя в жертву. Посредством такого, до некоторой степени окольного, пути рассуждений он смог еще более убедить себя в том, что жертвует собой ради благосостояния человечества и поэтому напоминает Христа.

Вильсон, по всей видимости, полностью и окончательно принял эти рационализации во 2-ю неделю апреля 1919 года. Ему хотелось верить в их законность, поэтому он поверил в них. Так крайне удовлетворительным для себя образом он избежал внутреннего конфликта, который мучил его. Но все его рационализации основывались на игнорировании фактов, а факты нелегко игнорировать. Человек может вытеснить знание о неприятном факте и загнать его в бессознательное, но оно остается там, пытаясь прорваться в сознание, и он вынужден вытеснять не только воспоминание об этом факте, но также все тесно связанные с ним другие факты для того, чтобы продолжать не помнить о нем. Его душевная целостность нарушается, и он неуклонно движется в сторону от этого факта, все более и более отрицая его существование. Человек, который «смотрит в лицо» фактам, какими бы неприятными они ни были, сохраняет свою душевную целостность. Те факты, которым Вильсону приходилось «смотреть в лицо», были, конечно, крайне неприятными: он призывал своих соотечественников следовать за ним в крестовом походе за мир. И они последовали за ним храбро и самоотверженно. Он обещал как им, так и врагу, да и всему человечеству, заключить абсолютно справедливый мир, основанный на 14 пунктах. Он выступал как пророк, готовый пойти на смерть ради своих принципов. И он убежал от борьбы. Если, хотя бы очень робко, вместо изобретения успокаивающих рационализации Вильсон сказал бы себе: «Я нарушил свои обещания, так как опасаюсь борьбы», он бы не распался душевно как личность, что с ним произошло после апреля 1919 года. Его душевная жизнь, начиная с апреля и по сентябрь 1919 года, была диким бегством от факта. Такой душевный распад является добавочным указанием на то, что в апреле 1919 года он не мог «смотреть в лицо» своей женственности и страху, а просто окончательно ухватился за рационализации, которые позволяли ему уходить от правды. Во время этого кризиса Вильсон фактически был подавлен своей пассивностью и своим страхом перед отцом. Но, по-видимому, он никогда не позволил знанию этого факта пробиться в свое сознание. Очевидно, что, когда он решил позволить изменить 14 пунктов в Версальском договоре, он осознавал лишь самые благородные мотивы. Он предал то доверие, которое питало к нему человечество, как «дело принципа».

XXXI

Когда Вильсон решил уступить до конца, нежели вступить в борьбу, и спас свое отождествление со Спасителем, убедив себя в том, что Лига Наций изменит все несправедливые постановления, которые он может допустить в мирном договоре, и установит прочный мир, он поразительно быстро пошел на уступки. 7 апреля он угрожал уехать с конференции, а неделю спустя, 14 апреля, договор о мире оказался настолько продвинутым, что германскому правительству предложили послать делегатов в Версаль для подписания договора.

Быстрота уступок, на которые шел Вильсон, вызывалась не только его рационализацией о том, что условия мирного договора имели относительно небольшое значение, пока существовала

Лига Наций, но также его желанием внести поправки в соглашение о создании Лиги Наций. Стало ясно, что, если Доктрина Монро не будет резервирована Лигой Наций, сенат Соединенных Штатов не ратифицирует договор о ее создании. Поэтому Вильсону приходилось просить о неприятных поправках в отношении Доктрины Монро в соглашении о создании Лиги Наций. Наконец-то он оказался в положении, когда вынужден был о чем-то просить французов и англичан. Ему было дано понять, что его просьба не будет удовлетворена, пока он не пообещает англичанам сократить американский флот и не согласится на условия мира, выдвигаемые Англией и Францией. 8 апреля Вильсон согласился с репарационными условиями Ллойд Джорджа и Клемансо. 9 и 10 апреля уступил в вопросе о Саарской области и об американском флоте. 11 апреля были внесены поправки в отношении Доктрины Монро. 15 апреля он согласился с требованиями Клемансо относительно оккупации Рейна.

Как мы видели, Вильсон настаивал на образовании Лиги Наций и дал гарантию с американской стороны в том, что мир будет заключен до определения каких-либо условий мира, в надежде на то, что посредством этого он сможет поднять переговоры на уровень божественной проповеди и избежать борьбы. А затем, в апреле, когда он испугался вступить в борьбу, принял создание Лиги как свое моральное оправдание. Ллойд Джордж и Клемансо наконец осознали, что Вильсон и помыслить не может о том, чтобы остаться без этой мечты, что он готов согласиться ради ее создания с любыми условиями мира. Так что, когда Вильсон возражал против условий заключения мира, которые нельзя было примирить с 14 пунктами, Ллойд Джордж вежливо напоминал ему о том, что дальнейшее сопротивление «положит конец Лиге Наций».

Ллойд Джордж мог эффективно использовать эту угрозу лишь вследствие внутренней психической потребности Вильсона сохранить свое отождествление с Христом посредством рационализации о том, что Лига изменит все несправедливые условия мира. Однако Вильсон нуждался не просто в создании Лиги, а в особой ее разновидности, чтобы спасти «слабый привкус» рассудка, оправдывающий его рационализацию. Вильсону нужна была такая Лига, которая бы одновременно удовлетворяла сенат США и не была слабой. В противном случае надо было отказаться от рационализации, которая делала для него возможным верить в то, что он действительно спас мир. Действия Вильсона в этот последний период его жизни главным образом контролировались его потребностью заполучить такую Лигу.

Лишь однажды он на мгновение остановил свое опрометчивое «скатывание» к Версальскому договору. 2 3 апреля он опубликовал манифест относительно порта Фиуме, призывая народ Италии поддержать его против премьер-министра Орландо. Он опубликовал это воззвание после продолжительных безрезультатных переговоров, не представляющих большого значения. Итальянцы отказались принять предложение комитета американских «экспертов». Хауз создал другой комитет, во главе которого поставил своего зятя Мезеса, разработавшего компромиссное предложение. Вильсон, который настороженно следил за действиями полковника, посчитал, что создание комитета во главе с Мезесом было попыткой Хауза нанести ему удар в спину. Говоря словами м-ра Бейкера: «Несомненно, позиция полковника Хауза в отношении комитета экспертов, а также поддержание им концессий в пользу Италии, хотя он и твердил постоянно, что это необходимо сделать «ради спасения Лиги», углубили разрыв, который уже существовал между ним и президентом Вильсоном».

Вильсон не желал идти на компромисс с Италией не только потому, что столь часто уступал Франции и Англии, но также вследствие глубокого стыда из-за своего абсолютного невежества в этом вопросе. Он пообещал Италии весь юг Тироля вдоль перевала Бреннера с 250 000 австрийского населения, говорящего по-немецки. Он решил, что Италия не получит от него более никаких незаслуженных аннексий. Он опубликовал свой манифест. Орландо возвратился в Италию и заявил итальянскому народу: выбирайте между Вильсоном и мной. Портреты

Вильсона, перед которыми ранее итальянские крестьяне зажигали свечи, внезапно исчезли, зато появились многочисленные карикатуры, изображавшие его с немецким шлемом на голове. До Вильсона дошли слухи, что его манифест не имел успеха из-за действий Мезеса и Хауза, которые якобы объяснили итальянцам, что президент США их просто запугивает. Это был конец. Его любовь к Хаузу истощилась. Более не существовало отождествления Хауза с маленьким Томми Вильсоном. Полковник стал для президента составной параноидальной фигурой: Джо Вильсоном, Гиббеном, Искариотом.

Нет необходимости детально описывать те уступки, которые Вильсон сделал в оставшиеся апрельские дни 1919 года. Его реакция на требования союзников стала стереотипной: подчинение, сожаление, самооправдание. Его поведение вечером 30 апреля, после того как он уступил китайскую провинцию Шаньдун Японии, было типичным. М-р Бейкер записал: «Я, как обычно, встретился с президентом в 6.30 утра, и он подробно рассказал мне все детали (решения этого вопроса японцами). Он сказал, что не мог заснуть всю ночь, думая об этом решении. Он ничего не мог сделать. Президент сказал, что вследствие тяжкого наследия прошлого решение не могло быть иным... Единственная его надежда — сохранить целостность мира, создать Лигу с участием в ней Японии, а затем попытаться добиться справедливости в отношении Китая... Он знает, что его решение не найдет должного отклика в Америке, китайцы выразят недовольство, Япония будет праздновать победу, его же обвинят в нарушении собственных принципов. Но тем не менее он *должен* работать ради упрочения порядка и стабильности в мире, борясь против анархии и возвращения к старому милитаризму, отдавая, в противовес здравому смыслу, китайскую провинцию японским милитаристам».

Версальский договор был вручен немцам 7 мая в Веймаре. При его чтении президент национальной ассамблеи заметил: «Непостижимо, чтобы человек, который обещал человечеству справедливый мир, на котором будет основано содружество наций, мог поддержать этот проект, продиктованный ненавистью». Первый официальный ответ Германии на этот договор был дан 10 мая 1919 года. В нем говорилось, что «по существенным пунктам нарушены требования о справедливом мире, на которые согласились воюющие стороны», что некоторые из требований являются таковыми, что «их не потерпит ни одна нация» и что «многие из пунктов договора, вероятно, не могут быть осуществлены».

Это заявление привело Вильсона в ярость. Он стремился вычеркнуть из своей памяти тот факт, что заключил мир, который нельзя примирить с его 14 пунктами. Напоминание о правде, по всей видимости, было непереносимо для его Супер-Эго. М-р Бейкер писал: «Послание оказало крайне неблагоприятное воздействие на президента Вильсона... который попросту возмутился по поводу этого бессмысленного обвинения. Он достаточно хорошо знал о том, что было сделано. Знал, что принятые решения не соответствуют его стандартам и не удовлетворяют его, но что они были приняты для того, чтобы дать немедленный мир ввергнутому в хаос человечеству и создать могущественную новую организацию для гарантии мира. Неоправданное обвинение породило в нем лишь дух отрицания и ввергло обсуждение этого вопроса в атмосферу яростного спора». Он обладал магической способностью игнорировать факты и верить в то, во что хотел верить, но для него, по всей видимости, было трудно сохранять уверенность в собственном сходстве со Спасителем в свете немецкого заявления. Однако ему удалось это сделать с помощью веры в то, что Лига исправит договор. Начиная с этого времени он игнорировал, насколько только возможно, всю критику по поводу заключенного договора. 12 мая Хауз записал в своем дневнике: «"Ассошэйтед пресс" дало мне копию тирады президента Эберта, направленной против президента Вильсона и его 14 пунктов. Я спросил Вильсона, желает ли он дать на нее ответ. Он ответил: "Нет, я даже не хочу читать ее, ибо американский народ доволен заключенным миром и его не беспокоит, довольна ли этим Германия или нет"».

Это утверждение Вильсона, по-видимому, знаменует собой важное продвижение в его бегстве от реальности. Очевидно, что он отказался читать немецкую критику не потому, что ни во что ее не ставил, а потому, что она столь много значила для него. Его чрезмерно могущественное Супер-Эго все еще требовало, чтобы он был справедливым судьей человечества. Й в конце концов, именно он в свое время настаивал на том, чтобы союзники приняли как часть соглашения о временном перемирии его заявление от 27 сентября 1918 года, включавшее в себя требование справедливого отношения ко всем нациям. Ни один человек, который произносил бы такие речи, как он, и обладал таким Супер-Эго, не мог бы читать комментарии немцев по поводу договора без чувства личного стыда — возможно, вытесненного, однако жгучего. В конце концов, он предал человечество, и его чувство вины, должно быть, было громадным; и каждый раз, когда его внимание обращали на совершенное им предательство, его чувство вины, очевидно, грозило прорваться из его бессознательного в сознание.

Многие из соотечественников Вильсона почти ничего не знали о международных событиях и об условиях Версальского договора. Более того, под влиянием пропаганды они испытывали преувеличенную ненависть к Германии, так что строгость договора была близка им по духу. Но большинство американцев также выступало против «впутывания в дела Европы», и, так как Лига в качестве неотъемлемой части договора рассматривалась как впутывание США в европейские склоки, имело место значительное недовольство по поводу ратификации договора даже среди тех американцев, которые не возражали против его условий и были готовы нападать как на «прогерманца и большевика» на каждого, кто говорил правду об условиях заключенного мира.

Кроме того, те немногие американцы, которые более или менее разбирались в международных событиях и могли представить политические и экономические последствия такого мира, резко протестовали против его ратификации из-за порочности его условий. Даже среди членов американской делегации в Париже критика договора была яростной. Репарационные требования, как предполагалось, ввергнут Европу в экономический хаос, политические требования посеют семена новых войн, а положения Лиги сделают возможным вовлечение США в такие войны. Эта критика, большей частью, проходила за закрытыми дверьми, так как многие члены американской делегации чувствовали себя участниками преступления, соучастниками в совершавшемся факте, а другие не решались подать в отставку из-за опасения прослыть «прогерманцами и большевиками». Однако 17 мая 1919 года один из авторов этой книги подал в отставку и открыл публичную атаку на договор публикацией следующего письма, адресованного Вильсону:

Уважаемый м-р Президент!

Я передал сегодня государственному секретарю прошение о своей отставке с поста помощника председателя государственного департамента, атташе американской комиссии по ведению переговоров о мире. Я был одним из миллионов, который полностью и беспрекословно доверял Вашему руководству и считал, что Вы не согласитесь ни с чем, кроме «прочного мира», основанного на «бескорыстной и беспристрастной справедливости». Но наше правительство согласилось в данное время подвергнуть страдающие народы земли новым притеснениям, зависимости и раздробленности, ведя человечество к новому веку войн. Я более не могу убеждать себя в том, что возможна эффективная работа за «новый порядок в мире» в качестве слуги этого правительства.

Россия, «большое испытание нашей доброй воли», как для меня, так и для Вас, не была даже понята. Несправедливые решения конференции относительно провинции Шаньдун, Тироля, Фракии, Венгрии, восточной части России, Данцига, Саарской области и отказ от принципа свободы морей делают новые международные конфликты неизбежными. По моему мнению, существующая в настоящее время Лига Наций будет беспомощна предотвратить эти войны и

США будут втянуты в них вследствие обязательств, заключенных в договоре об образовании Лиги и в отношениях с Францией. Поэтому обязанностью правительства США перед своим народом и человечеством является отказ от подписания или ратификации этого несправедливого договора, отказ от гарантирования принятых в нем решений посредством неприсоединения к Лиге Наций, отказ от дальнейшего впутывания США в дела Европы вследствие особых соглашений с Францией.

Хорошо известно, что Вы лично значительно противодействовали принятию этих несправедливых решений и согласились на них лишь под огромным давлением. Тем не менее, по моему мнению, если бы Вы вступили в открытую борьбу, а не вели переговоры за закрытыми дверьми, то мировое общественное мнение было бы на Вашей стороне. Вы смогли бы противостоять оказываемому на Вас давлению и, возможно, установили бы «новый международный порядок, основанный на всеобъемлющих и универсальных принципах правоты и справедливости», о которых Вы имели обыкновение говорить. Мне жаль, что Вы не сражались до конца за наше дело и что Вы питали столь малое доверие к миллионам людей, которые, подобно мне, верили в Вас.

Май 17, 1919

Искренне Ваш, Уильям С.Буллит

Влияние этого письма было огромным. Конечно, его заклеймили как «пронемецкое» и «большевистское» те люди, которые были столь охвачены ненавистью к Германии и России, что не желали возвращаться к реальности. Но оно породило всемирную волну одобрения и благодарности у тех, кто был знаком с реалиями международных отношений. Эта реакция была особенно сильна в Англии. Вильсон не ответил на письмо, но неделю спустя ему пришлось столкнуться с выражаемой в нем точкой зрения.

Ллойд Джордж, который с гордостью отвез этот договор в Лондон, возвратился в Париж в таком душевном состоянии, которое Вильсон описал как «полнейшая паника». Несмотря на тот факт, что он добился для Британской империи новых владений в Африке, Малой Азии, восточных морях и разрушил экономическую, морскую и военную мощь Германии, его коллеги в правительстве резко критиковали его за то, что он позволил Франции стать слишком могущественной. Ему было указано на то, что он разрушил баланс сил в Европе и сделал Францию главным потенциальным врагом Англии. Он возвратился в Париж, полный решимости изменить договор за счет ослабления Франции и Польши, союзника Франции, в то же время сохранив все полученные Англией преимущества. Он пытался убедить Вильсона присоединиться к его нападкам на те условия договора, которые были выгодны Франции, но ему удалось лишь возбудить презрение и гнев Вильсона: презрение — потому что такая позиция Англии действительно вызывала презрение; гнев — потому что Ллойд Джордж осмеливался предполагать, что сын преподобного Джозефа Раглеса Вильсона предъявил Германии условия, которые не соответствовали 14 пунктам. Вильсон боялся публичной огласки своего отступления от этих пунктов. Он, возможно, и приветствовал бы такое изменение взглядов Ллойд Джорджа, и потребовал бы пересмотра и устранения незаконных приобретений как Франции, так и Англии, если бы не тот факт, что при проведении такого курса он вынужден был бы признать свои действия неправильными, подписанный мир — порочным и отказаться от признания себя справедливым и беспристрастным судьей человечества. Предложения Ллойд Джорджа грозили подорвать его веру в свою правоту. Он не мог просить об общем пересмотре договора, который сам санкционировал. Испытывая гнев и презрение, Вильсон указал на то, что условия договора оказались такими лишь потому, что Ллойд Джордж объединился против него с Клемансо. Он отказался оказать нажим на Клемансо, но сказал, что согласится на любые изменения в направлении милосердия, на которые Ллойд Джордж сможет убедить пойти Клемансо.

Страх того, что немцы не подпишут этот договор, начал распространяться в Париже, и

отказ Вильсона сотрудничать с Ллойд Джорджем в целях достижения последних модификаций договора вызвал широкую критику. 30 мая 1919 года Хауз, который более не являлся любимым учеником, записал в своем дневнике: «Стало распространяться мнение о том, что слова президента расходятся с его делами. В Лондоне и Париже часто услышишь следующую злую шутку: «Вильсон говорит, как Иисус Христос, а действует, как Ллойд Джордж!» Я почти не имею возможности поговорить с ним серьезно, и на данное время он практически вышел из-под моего влияния. Мы встречаемся для решения некой насущной проблемы, а не для обсуждения создавшегося положения в целом или составления планов на будущее, что мы имели обыкновение делать ранее. Если бы я смог встречаться с президентом в спокойной обстановке, то, как мне кажется, смог бы воздействовать на него таким образом, чтобы его слова не расходились с делом. Хотя наши взгляды на многие вещи различны, я всегда мог взывать к его интеллектуальному либерализму».

3 июня 1919 года Вильсон собрал американскую делегацию и высказал следующие замечания относительно новой тактики Ллойд Джорджа: «Конечно, я не хочу показаться неразумным, но, по моему мнению... мы должны были рассматривать все эти вопросы во время составления договора, и мне несколько надоедают люди, которые теперь приходят и говорят, что они опасаются отказа Германии подписать этот договор. Причем их страх основывается на тех самых вещах, на принятии которых они настаивали во время составления договора. Все это крайне раздражает меня...

Эти люди, оказавшие влияние на ход переговоров, из-за чего в договор вошли положения, породившие настоящие затруднения, сейчас лезут из кожи вон для устранения этих затруднений. Далее, если их следует устранить, то давайте устраним их, но не надо устранять их на основании лишь того факта, что договор был подписан...

Хотя и не удалось полностью воспрепятствовать введению ими в статьи договора нерациональных положений, нам удалось значительно видоизменить их. Если бы мы подписали договор, который им хотелось получить, немцы без колебаний отказались бы его подписать.

Да будет с нами Бог».

Речи Ллойд Джорджа стали напоминать дешевые копии речей Вильсона, ибо он начал говорить о том, что пришло время решить, будет ли мир «несправедливым» или «божественным», но Клемансо оставался невозмутимым и просто-напросто говорил Ллойд Джорджу, что выгоды, полученные английской империей, намного превышают выгоды, полученные Францией, и что речи Ллойд Джорджа произвели бы на него большее впечатление, если бы он был готов вернуть немецкие колонии, а не старался выглядеть милосердным за счет одной лишь Франции. В первый раз за весь ход конференции английские интересы и человеческая порядочность совпадали друг с другом. Однако та степень, до которой евангелизм Ллойд Джорджа вызывался первым, а не вторым из этих мотивов, ясно выявилась 9 июня на Совете четырех. Когда американцы предложили изменить условия репараций и указать определенную сумму в договоре, Ллойд Джордж наотрез отказался рассматривать любое посягательство на свои чрезмерные требования. Британский премьер-министр, который желал превратить «несправедливый» мир в «божественный», не желал ни на йоту отказываться от получения Англией выгод. Таким образом, трагедия мирной конференции, в ее последние дни, озарилась комическим, хотя и несколько надоедливым, зрелищем маленького уэльского Шейлока, который, тщательно оберегая свое добро, проповедовал бескорыстие — для других.

XXXII

На мирной конференции Вильсон не пытался «набить себе карманы». Его презрение к Ллойд Джорджу и британской политике, взывающей к милосердию и в то же время грабящей, в июне 1919 года стало яростным. Развенчались все его детские иллюзии относительно

благородства британских государственных деятелей. Он начал испытывать дружеские чувства к Клемансо, который говорил правду и не подслащивал требования Франции английским моральным мармеладом. Он устал от всей этой грязной сделки и хотел лишь скорейшего подписания договора, чтобы вернуться в Америку и добиться его ратификации сенатом, основав, таким образом, Лигу Наций. Чем большую критику в отношении договора высказывали Ллойд Джордж и другие, тем с большей отчаянностью Вильсон цеплялся за свою рационализацию о том, что Лига изменит все, что нужно изменить в договоре.

Силы Вильсона были на исходе. Его состояние вновь ухудшилось. С неохотой он предпринял давно откладываемую поездку в Бельгию и возвратился в Париж 20 июня. В этот день он, Клемансо и Ллойд Джордж уполномочили Фоша в случае отказа Германии подписать договор до 23 июня начать боевые действия. Вечером 2 3 июня договор был подписан.

Подчинение Германии не вызвало восторга у Вильсона. Его ненависть и отвращение почти ко всему человечеству (что в глубине души означало его ненависть и отвращение к себе) достигли фантастического уровня. Его переполняла раздражительность. И ненависть, которую он не осмеливался направить против Клемансо или Ллойд Джорджа, прорвалась против Пуанкаре, президента Французской Республики. Пуанкаре произнес речь по случаю прибытия Вильсона во францию, которая заставила президента США усомниться в своих выдающихся риторических способностях. Он отказался присутствовать на прощальном банкете, который Пуанкаре намеревался дать в его честь. Жюссеран, французский посол в США, лично зашел к Вильсону выяснить причину отказа. Вильсон не захотел его принять. 2 4 июня Хауз записал в своем дневнике: «Вопрос стал столь серьезным, что Пуанкаре созвал заседание Государственного совета... Он (Вильсон) давал любые глупые оправдания Жюссерану типа: «Я немедленно уезжаю после заключения договора о мире, и у меня не будет времени присутствовать на банкете, так как поезд отправляется в 9 часов вечера». Жюссеран прислал записку, в которой говорилось о том, что поезд президента будет задержан до тех пор, пока не кончится банкет.

Президент зашел в «Крийон» примерно в 12 часов дня, и мы выяснили этот вопрос... Он сказал, что не собирается есть за одним столом с Пуанкаре, что его тошнит от одного вида Пуанкаре... Я обратил его внимание на тот факт, что Пуанкаре представляет французский народ и что он — как президент США — был гостем этой нации почти 6 месяцев. Он сказал, что это не имеет никакого значения и он не будет есть за одним столом с ним; что Пуанкаре... пытался посеять вражду, отправив послание к итальянскому народу... Он продолжал говорить о том, что пришел в «Крийон» не для обсуждения такого малозначащего вопроса, как обед с «этим парнем Пуанкаре»... Я снова вернулся к приглашению, сделанному Пуанкаре, и не удивился, увидев признаки уступчивости. Он настаивал, однако, на том, что не получил обычного приглашения; что Жюссеран лишь зашел и спросил, какое время будет ему удобно... Затем он утверждал, что Пуанкаре всего лишь пытается выйти сухим из воды и что он не намерен помогать ему в этом. «Почему он сам не придет ко мне, а посылает Хауза, Лансинга, Уайта и Жюссерана?» — возмущался он...»

На следующий день Хауз записал в своем дневнике: «Он полностью капитулировал по вопросу о банкете, послав Жюссерану записку, в которой был указан четверг как наиболее удобный день. Этот эпизод был откровением для каждого, кроме меня, показав нечто в его характере, чего многие не замечали ранее. Оно объяснило им, почему у него столь много врагов. Хотя в конце концов он согласился присутствовать на банкете, Пуанкаре никогда не простит ему своего унижения».

Этот инцидент, хотя он по существу не имеет большого значения, представляется очень важным указанием на состояние рассудка Вильсона под конец мирной конференции. Ясно, что «нечто в его характере», удивившее участников мирной конференции, было его реактивным

образованием против пассивности по отношению к отцу. Он боялся разрядить заряд либидо, который накопился у него против Клемансо и Ллойд Джорджа, несмотря на их крайне провокационное поведение по отношению к нему, И он временно уступил Лоджу, внеся поправки в договор о создании Лиги Наций, в надежде сделать этот договор приемлемым для Лоджа. Таким образом, либидо, наполнявшее реактивное образование против его пассивности по отношению к отцу, не находило выхода и достигло такого уровня интенсивности, что должно было против кого-то прорваться. Этой жертвой оказался Пуанкаре не только потому, что он был президентом, но и потому, что обладал большими риторическими способностями и, следовательно, являлся превосходным заменителем преподобного Джозефа Раглеса Вильсона. В конце концов Вильсон уступил Пуанкаре, и смешанный заряд либидо и инстинкта смерти снова не нашел выхода и оставался вытесненным, дожидаясь Лоджа.

28 июня 1919 года, в день подписания Версальского договора, Хаузу пришлось говорить с Вильсоном в последний раз. На следующий день он записал в своем дневнике: «Мой последний разговор с президентом не был обнадеживающим. Я убеждал его провести встречу с членами сената в духе примирения; если он будет относиться к ним с таким же почтением, как к своим иностранным коллегам здесь, все будет хорошо. В ответ он сказал: "Хауз, я понял, что в этой жизни нельзя добиться чего-либо стоящего, не вступая в драку!"». Для того чтобы найти выход своему реактивному образованию против пассивности по отношению к отцу, ему приходилось относиться к Лоджу с бескомпромиссной ненавистью. Но ему также надо было добиться ратификации договора в сенате для поддержания рационализации, сохранявшей его отождествление себя с Христом. Имела место несовместимость между двумя этими необходимостями. Огромные потоки либидо, которые проистекали из его инфантильных влечений к отцу, снова вступили в состояние конфликта. Вследствие реактивного образования против пассивности по отношению к отцу для него было невозможно посредством компромисса с Лоджем добиться ратификации договора, чего требовала его пассивность. Его психические потребности оставили для него открытым лишь один курс действий: он должен достичь удовлетворения, сокрушив Лоджа.

В день подписания договора Вильсон выступил перед американцами: «Был подписан мирный договор. Если он будет ратифицирован и выполняться искренне и в полном соответствии с заключенными в нем положениями, он заложит основу нового положения дел в мире. ...Он раз и навсегда покончит со старым и невыносимым порядком, при котором небольшие кучки эгоистичных людей могли использовать народы великих империй для удовлетворения собственного честолюбивого стремления к власти и господству. ...При этом имеется возможность достижения глубокого удовлетворения, всеобщего спокойствия и искренней надежды».

На следующий день после подписания договора Хауз записал в своем дневнике: «Я, пожалуй, соглашусь с теми, кто говорит, что этот договор является несправедливым и что его вообще не стоило бы заключать, так как он вовлечет народы Европы в неисчислимые бедствия. ...Нам приходится иметь дело с ситуацией, чреватой опасностями, которую можно было разрешить лишь в духе бескорыстия и служения идеалам, а такой дух почти полностью отсутствовал, и ожидать его вряд ли было возможно среди собравшихся здесь в данное время людей. Однако я бы желал следовать, как теперь, так и впоследствии, другим путем, пусть даже менее гладким. По крайней мере, мы шли бы по правильному пути. И если бы те, кто пошел вслед за нами, сделали невозможным продолжать движение в этом направлении, ответственность за это пала бы на них, а не на нас».

Вильсон избежал чувства вины, которое переполняло Хауза, твердо цепляясь за веру в то, что Лига изменит любые несправедливости в договоре, а также что эти несправедливости не столь уж сильны. Он возвратился в Америку и сбросил с «крыльев своих желаний» те неприятные факты, которые беспокоили его до тех пор, пока не исчезли из поля зрения его рассудка. Теперь он

смог заявить, что договор является почти совершенным, «99%-ной гарантией против войны».

XXXIII

Прогресс духовного и физического краха Вильсона, который последовал через 3 месяца после подписания им Версальского договора 2 8 июня 1919 года, можно проследить на основании внимательного изучения его публичных высказываний. Его душевное равновесие зависело от его способности заставить Лоджа подчиниться и от вытеснения им истины относительно мирной конференции.

Он представил договор для ратификации сенату 10 июля 1919 года и в своей речи, принимая во внимание его неустойчивое физическое и душевное состояние, был на удивление здравомыслящим. Он отходил от фактов в определенных местах, говоря, например: «Государственные деятели находят планируемое создание Лиги Наций удобным и, можно сказать, незаменимым инструментом в деле осуществления принятых мирных планов и выплаты репараций. Еще до окончания конференции они увидели значение Лиги Наций в новом аспекте. Они восприняли ее создание как главную цель мира, как единственное средство, которое может сделать мир прочным и справедливым. Они увидели в Лиге Наций надежду для будущего человечества, отказаться от которой они даже не могут помыслить. Неужели мы, да и другие свободные нации, не захотим принять эту великую обязанность? Неужели мы осмелимся отвергнуть ее и нанести удар в сердце человечеству?» Но после таких высоких слов он спустился на землю, несомненно, по поводу критики принятого решения о провинции Шаньдун. «Было невозможно удовлетворить интересы всех наций... без многих несущественных компромиссов. В результате этого договор получился не совсем таким, каким нам хотелось бы его видеть. Но достигнутые результаты в целом выдержат проверку временем. Я считаю, что народы придут к мнению, что принятые неизбежные компромиссы не нарушают в целом какой-либо из наших принципов. Работа конференции согласуется как с принципами, принятыми в качестве основы для мира, так и с практическими возможностями международной обстановки, с которой приходилось считаться как с фактом».

В течение следующего месяца он мучился, ожидая решения сената. Договор был так же далек от ратификации, как и 19 августа 1919 года, когда состоялась встреча Вильсона с членами сенатского комитета, на которой обсуждался этот договор. Вильсон начал эту встречу с заявления, в котором пытался представить Лоджа противником желаемого нацией возвращения к мирной жизни. Он приписал застой американской торговли неудаче сената ратифицировать договор, применив, таким образом, то средство борьбы, ради сохранения которого разрушил «предварительный договор». Затем, отвечая на вопросы, он проявил крайний душевный распад. Его аргумент в отношении статьи X договора о создании Лиги Наций, приведенный в форме силлогизма, звучит следующим образом:

«1. Статья X налагает определенные моральные обязательства. 2. Юридические законы менее важны, чем моральные

обязательства.

Следовательно, возражения против статьи X неразумны, так как обязательства, принимаемые в ней, не являются юридическими, а следовательно, и обязательными».

Но еще более удивительным было его свидетельство относительно секретных договоров союзников. Он подтвердил, что ничего не знал о них до своего приезда в Париж на мирную конференцию, говоря: «Тогда для меня все открылось впервые». Далее, он заявил, что его не информировали о договоре, заключенном в Лондоне. Сенатор Джонсон перечислил список договоров, включая договор, заключенный в Лондоне, договор с Румынией и другие договоры, разделяющие «Малую Азию», и спросил: «Знали ли Вы о них что-либо до начала конференции?» — на что Вильсон ответил: «Нет, сэр, я могу с уверенностью сказать, что лично я ничего о них не

знал».

Известно, что Вильсон был информирован о существовании секретных договоров в 1917 году, во время приезда Бальфура в Америку (если не ранее). И не остается никакой другой альтернативы, кроме как заключить, что Вильсон либо лгал, либо действительно забыл об этом, отвечая сенатору Джонсону. Однако он мало чего мог достичь, отрицая свое знание о существовании секретных договоров, и мог много потерять, если бы ему указали на то, что он лжет. И почти наверняка он мог быть пойман на этой лжи. Поэтому трудно поверить в то, что он лгал умышленно. С другой стороны, трудно поверить и в то, что он забыл о своем намерении довести до конца борьбу с Бальфуром по вопросу секретных договоров в апреле 1917 года, так как Хауз убедил его не вступать в эту борьбу, а также в то, что он не видел этих текстов, опубликованных позднее советским правительством. Но тогда вспоминается то, что условия секретных договоров были аналогичны условиям Версальского договора, и правильнее предположить, что Вильсон пытался вытеснить эти сведения с целью сохранения своего отождествления с Христом и избежания наказания со стороны Супер-Эго.

Осознание того, что он включил многие из условий секретных договоров в договор, который представил миру как реализацию своих 14 пунктов, было бы непереносимым для него. Поэтому представляется вероятным, что он не лгал и что его вытеснение своего знания о том, что Версальский договор является претворением в жизнь секретных договоров, завоевало дополнительное место в его рассудке. Такое вытеснение факта существования секретных договоров, несомненно, получило усиление вследствие его бессознательного желания считать себя жертвой заговора — предательства Иисуса Христа.

После этой встречи с сенаторами физическое состояние Вильсона ухудшилось. Он решил, несмотря на возражения своего врача, жены и секретаря, отправиться в турне по Америке, чтобы призывать американский народ поддержать его в борьбе за договор — в его борьбе против Лоджа. Вспоминается, что однажды он уже отправлялся в подобное турне с целью создания оппозиции против отцовского представителя. В конце концов, Лодж был лишь последователем Веста, и отношение Вильсона к этому второму отцовскому представителю было лишь воспроизведением его отношения к первому.

Тьюмалти возражал против этой поездки. Вильсон ответил: «Я знаю, что нахожусь на пределе сил, но мои друзья из Капитолия говорят, что поездка необходима для спасения договора. И я желаю принести любую жертву, ибо, если договор не будет подписан, один лишь Бог знает о том, что случится с человечеством в результате этого. Перед лицом великой трагедии, которая нависла над миром, ни один порядочный человек не может заботиться о личных выгодах. Хотя в моем состоянии это может означать гибель, я с радостью пожертвую своей жизнью ради спасения договора».

Грейсон предупреждал Вильсона, что его турне может окончиться фатальным исходом. Он всячески удерживал Вильсона от поездки, пока тот не сказал ему: «Я надеюсь, что ничего страшного не случится, но даже если это и произойдет, я должен ехать. Солдаты в окопах не бегут от опасности, и я не могу отворачиваться от своей задачи сделать Лигу Наций установившимся фактом». Так в августе он почти решился принести свою жизнь в жертву. Очевидно, для Вильсона важна была не цель, за которую можно отдать свою жизнь, а вера в то, что он отдает жизнь за некую цель, которая бессознательно укрепит его в отождествлении себя с Христом. Ему приходилось заново убеждать себя в том, что он Спаситель. Его пассивность по отношению к отцу и его Супер-Эго не позволяли ему отдыхать, и, кроме того, нелегко было вытеснять знание о том, что он сделал в Париже. 3 сентября 1919 года он сел в поезд, отправляющийся на Запад. Думаю, мы не ошибемся, если предположим, что, сев в поезд, Вильсон возомнил себя садящимся на осла, чтобы ехать в Иерусалим.

xxxrv

Поездка Вильсона была крайним выражением невроза, который управлял его жизнью.

Его первая речь, которую он произнес 4 сентября в Коламбусе, штат Огайо, показала, что он ушел от фактов и реальности в ту страну, в которой факты являются лишь осуществлением желаний. Он забыл, что его мать была иммигранткой из Англии и что родители его отца прибыли в Америку из Ольстера: «Я горжусь тем, что являюсь потомком старого революционнного рода, который создал правительство США...» Он описал Версальский договор как: «Это ни с чем не сравнимое исполнение надежд человечества». Позднее в Ричмонде, штат Индиана, он сказал: «Это первый договор из когда-либо принятых великими державами, который заключен не в их пользу. Он является новым Священным писанием. Ни Англия, ни Франция, ни Италия не стремились добиться для себя какой-либо выгоды. Они аннексировали немецкие колонии, «расчленили» Австрию, Венгрию и Турцию, отделили Восточную Пруссию от Германии, «распотрошили» Тироль, конфисковали немецкий торговый флот и все немецкое частное имущество, на которое они могли наложить руки, и обложили Германию данью, без границ во времени или в размере выплат; но все это не в свою пользу!»

На следующий день в Сент-Луисе Вильсон охарактеризовал своих противников как «презренных трусов», чье «невежество» и «заблуждения» изумляют его. Он задал вопрос: «Какова была старая формула пангерманизма?» И сам на него ответил: «От Бремена до Багдада, не правда ли? Посмотрите на карту. Что лежит между Бременом и Багдадом? Вслед за германской территорией в этом направлении лежит Польша. Там находится Богемия, из которой мы сделали Чехословакию. Затем — Венгрия, которую мы отделили от Австрии и которая не обладает силой Австрии. Там находится Румыния, а также Югославия. Там лежит разбитая Турция, а затем Персия и Багдад». Невежество в географии, продемонстрированное Вильсоном, столь поразительно (особенно в свете того факта, что он месяцами изучал карты, находясь в Париже), что оно представляется дальнейшим свидетельством его попытки забыть составленную им же самим карту мира.

Вечером 5 сентября 1919 года во время вечерней речи в Сент-Луисе он заявил: «Истинной причиной только что закончившейся войны являлось опасение Германии по поводу коммерческой конкуренции других держав». Менее чем 24 часа спустя в Дес-Мойне-се, штат Айова, он заявил: «Деловые люди Германии не хотели войны, через которую мы прошли. Банкиры, владельцы предприятий и купцы знали, что война является несомненной глупостью. Почему? Потому, что

Германия вследствие своего индустриального гения начинала экономически доминировать над миром и ей нужно было лишь подождать». То, что один и тот же человек мог произнести эти противоположные утверждения в пределах одних суток, указывает, что его рассудок все больше и больше подпадал под контроль бессознательного, в котором противоречия счастливо могут сосуществовать бок о бок, так как всемогущественным является желание, а не разум. Он добавил: «Формула пангерманизма, как вы помните, является — от Бремена до Багдада — от Бремена, расположенного у Северного моря, до Багдада в Персии». И завершил свою речь следующим описанием Версальского договора: «Я хочу сказать, что это ни с чем не сравнимое достижение разумной цивилизации. До своего последнего дня я буду считать высшей привилегией в своей жизни то, что мне было позволено поставить свою подпись на таком документе».

Вильсон не смог бы сделать столь извращающего истину утверждения, кроме как в качестве защиты против невыносимых укоров совести. Ясно, что он находился в «руках инквизиции», проводимой его Супер-Эго. Для того чтобы избежать своей душевной пытки, он готов был верить всему и говорить что угодно. К 6 сентября 1919 года его потребность забыть парижские события вплотную подвела его к психозу. Факты стали тем, во что он хотел верить. В последующую неделю стало ясно, что он желал верить в то, что заключил в Париже абсолютно такой договор,

какой обещал заключить; что он выполнил все свои обещания и что Версальский договор был почти совершенен. В Спокане, Вашингтон, 12 сентября он заявил, что Версальский договор является «99%-ной гарантией против войны», причем это было не единственное его заявление такого рода.

На следующий день, 13 сентября 1919 года, у Вильсона начались сильнейшие головные боли, которые не прекращались до 2 6 сентября — до его краха как личности. Вдобавок вновь появились желудочные боли, повышенная раздражительность и т. д. Левую сторону лица сводило судорогой.

В воскресенье 14 сентября он отдыхал и молился. 15 сентября в Портленде, штат Орегон, он начал свою речь с утверждения: «Больше всего я уважаю факты», однако его речь содержала не факты, а устрашающие предсказания. В заключение он сказал: «Я рад за каждого, кто дожил до сегодняшнего дня. Я дожил до того дня, когда после изучения мной истории и традиций Америки, которому я посвятил большую часть жизни, мне внезапно предстает видение кульминации американской надежды и истории — все ораторы видят воплощенными свои мечты, если их дух смотрит с небес. Все люди, высказывавшие самые благородные пожелания Америке, оттаяли сердцем при виде великой нации, откликнувшейся на их пожелания и осуществляющей их мечты, говоря: "Наконец-то мир знает Америку как спасительницу мира!"». Трудно избежать впечатления, что в этот момент потребность маленького Томми Вильсона в одобрении своим «несравненным отцом» породила фантазию о том, что преподобный Джозеф Раглес Вильсон перегнулся через золотую перегородку рая и сказал: «Наконец-то знает весь мир, как всегда было известно мне, что мой Томми является спасителем человечества».

17 сентября в Сан-Франциско бедный Вильсон поднял Клемансо, Ллойд Джорджа и Орландо до уровня божественной проповеди, таким образом завершив, по крайней мере в собственном рассудке, то чудо, которое он столь долго и безуспешно пытался осуществить в Париже. Он описал мирную конференцию следующими словами: «Отблеск глубокого понимания человеческих дел освещает неторопливый ход этой конференции, равной которой нет в истории... Я рад, что после начала мною переговоров я вошел в небольшой коллектив, который назывался «Большой четверкой»... Это был очень непринужденный совет друзей. Задушевные разговоры, которые велись в маленькой комнате, определяли ход конференции, и они велись людьми, цели и намерения которых полностью совпадали. Сердца людей, подобных Клемансо, Ллойд Джорджу и Орландо, бьются в унисон с сердцами народов мира, а также с сердцами народов их стран. Они испытывают те же чувства, что и мы с вами, и знают, что есть лишь один путь борьбы за мир, заключающийся в борьбе за справедливый мир».

В конце еврей речи он сказал: «Мои соотечественники, я верю в Божественное провидение. Если бы я не обладал верой, я бы сошел с ума. Если бы я считал, что направление дел в этом беспорядочном мире зависит от нашего ограниченного разума, я не знал бы, как рассматривать мое стремление к здравомыслию; но я верю в то, что никакая группа людей, как бы они ни напрягали свои усилия или использовали свою власть, не может сокрушить это великое мировое предприятие, которое, в конце концов, является делом божьей милости, мира и доброй воли». Этот божественный договор был дан человечеству Сыном Бога — Вудро.

Таким образом к 17 сентября Версальский договор стал божественным, а на следующий день американская армия стала божественным войском: «Эта слава будет связываться с воспоминаниями о великой американской армии, которая не только разбила германские армии, но также принесла человечеству мир. Эта армия величественнее той, что сражалась за Святую землю, величественнее тех армий, которые пытались спасти гроб Господень, а также армий, сражавшихся под руководством мечтательной и чудесной девушки Жанны д'Арк, величественнее, чем армии американской революции, которые пытались освободить нас от несправедливого гнета Англии, и

даже величественнее армий, сражавшихся в годы Гражданской войны и спасших страну, ибо эта доблестная американская армия спасла человечество!»

В последующие дни бедный Вильсон все ближе и ближе приближался к «жертвенному алтарю», говоря, например, в Лос-Анжелесе 2 0 сентября 1919 года следующее: «Самым трудным, что мне пришлось перенести... было ношение гражданской одежды во время войны, не надевать военную форму, не рисковать ничем, кроме репутации. Мы знаем, что был воздвигнут алтарь, на который можно было принести более почетную жертву, чем та, которая когда-либо ранее выпадала на долю человечества, и мы желаем принести себя в жертву для блага человечества. Так мы и сделаем, мои сограждане». Человечество будет спасено, в крайнем случае кровью Вильсона.

Совершенства договора все возрастали, пока наконец 24 сентября в Чейенне, штат Вайоминг, они не стали шедевром человечества: «Этот договор является уникальным документом. Я осмелюсь сказать, что это самый замечательный документ в истории человечества, так как в нем записано полное уничтожение тех способов правления, которые были характерны практически для всей истории человечества... мы говорили, что это должен быть мир для всех народов. Таким он и стал. Ни один человек не сможет опровергнуть это утверждение, читая условия этого великого договора, с которым я возвратился из Парижа. Это настолько полный мир для всех народов, что в каждом пункте договора любая мысль о достижении личных выгод, о политическом или территориальном усилении великих держав отметалась, отбрасывалась в сторону самими представителями этих держав... Они не претендовали ни на один кусок территории».

Ясно, что, когда Вильсон произносил такие утверждения, он не лгал сознательно. Он начал с вытеснения своего знания о том, что сделал в Париже, и обычным способом вытесненная область захватила соседнюю территорию, пока для него не стало невозможным помнить, что он или кто-либо другой делал в Париже. Он был близок к психозу.

Вечером следующего дня, 25 сентября 1919 года, в Пуэбло, штат Колорадо, бедный маленький Томми Вильсон, который научился говорить подобно Богу, слушая своего «несравненного отца», говорил, как Бог, в последний раз. Факты в его речи были фантастически искажены: «Победители не притязают ни на пядь территории, они не требуют какого-либо подчинения своему диктату».

Однако конец речи был чудесным. Он задал вопрос: «Какие торжественные обещания мы даем тем, кто пал во Франции?» И ответил: «Эти люди были борцами за идею. Они сражались не для того, чтобы доказать мощь США. Они сражались за то, чтобы в мире восторжествовала правда и справедливость, и все человечество видит в них борцов за мир, а их ни с чем не сравнимый подвиг заставил все человечество поверить в Америку так, как оно не верит ни одной другой нации в современном мире. Мне видится, что между нами и отвержением или принятием этого договора стоят ряды этих парней в хаки, не только тех, которые все еще возвращаются или вернулись домой, но и тех дорогих нам душ, которые бродят по полям Франции.

Друзья, в последний день награждений я отправился на прекрасный косогор, расположенный недалеко от Парижа, где размещалось кладбище Суреснес, кладбище, отданное для погребения погибших американцев. Позади меня, на склонах, рядами стояли живые американские солдаты, а передо мной, на равнине, были ряды могил погибших американских парней. Справа от того места, где я произносил речь, стояла небольшая группа французских женщин, «усыновивших» эти могилы, женщин, которые сделались матерями этих дорогих всем нам душ, каждый день принося на их могилы цветы, как если бы они были их собственными погибшими сыновьями или любимыми. Они отдали свою жизнь за общее дело. Франция и весь мир стали свободны, так как им на помощь пришла Америка! Мне бы хотелось, чтобы некоторые общественные деятели, которые в настоящее время выступают против принятия мирного договора, за который многие американцы отдали свои жизни, смогли бы посетить это место. Я бы

хотел, чтобы желание, исходящее из этих могил, смогло проникнуть в их сознание. Как бы мне хотелось, чтобы они смогли почувствовать ту моральную ответственность, которая не позволяет нам обмануть ожидания этих парней, но заставляет нас продумать и довести дело до конца, оказавшись достойными их жертвы во имя человечества. Ибо от этого решения зависит освобождение и спасение людей и всего мира». Вильсон разрыдался. Он действительно верил в то, что принес божественный мир, за который умирали американские парни. Но эта вера была построена над зияющей ямой его чувства вины, зияющей ямой факта в его бессознательном.

Этой ночью в поезде последовал его душевный и физический крах как личности. Грейсону было ясно, что турне необходимо прервать. Посоветовавшись с Тьюмалти, он решил уговорить Вильсона вернуться домой. Вильсон со слезами на глазах умолял Грейсона и Тьюмалти позволить ему продолжать поездку, говоря: «Неужели вы не понимаете, что, если вы отмените эту поездку, сенатор Лодж и его друзья назовут меня трусом, поездка на Запад провалится и договор не будет ратифицирован?» Он не сказал то, что мы можем сказать за него, — неужели вы не понимаете, что, если вы отмените эту поездку, я не умру за человечество, я не буду Христом, не добьюсь победы над своим отцом и не буду Богом? Турне было прервано. Вильсон возвратился в Белый дом. 3 дня спустя в 4 часа утра он потерял сознание в ванной. Его разбил паралич.

Читатель вспомнит, что в 1906 году Супер-Эго Вильсона и его конфликтующие влечения к отцу побудили его к кампании лихорадочных выступлений, которая кульминировала слепотой левого глаза, и что те же самые влечения были причастны к его настойчивому желанию выступать в 1908 году, что также закончилось полным упадком сил. Это же влечение побудило его в 1919 году к кампании выступлений, кульминировавшей параличом. После 1908 года его фиксация на отце стала полной. И сходство в его действиях в 1906, 1908 и 1919 годах столь поразительно, что трудно избежать заключения о том, что он действовал, повинуясь навязчивому повторению, когда отправился в 1919 году в поездку на Запад. По крайней мере, ясно, что им двигало желание к разрушению вследствие старого конфликта, который он никогда не был в состоянии разрешить, конфликта между его активностью и пассивностью по отношению к отцу. Он никогда не разрешил основную дилемму Эдипова комплекса и в конце концов был разрушен тем самым «несравненным отцом», который его породил.

XXXV

Вильсон прожил еще 4 года и 4 месяца. Мы не можем сделать каких-либо выводов относительно его характера до паралича на основании его поведения после паралича, так как невозможно сказать, сколь сильно физическое расстройство повлияло на его психическую жизнь. Его поведение могло вызываться более этой органической болезнью, нежели психическими причинами. Тромбоз, вызвавший паралич левой части тела, находился в правом полушарии мозга, контролирующем моторные функции, и на первый взгляд не затронул его рассудок. Но рассудок невротика является лишь орудием его бессознательного, и физические болезни мозга неизменно вызывают психические отклики. Тромбоз Вильсона породил явные изменения в его характере, и, хотя, может быть, не интересно исследовать физическую сущность, называемую Вудро Вильсоном, до могилы, мы должны признать, что как характер Томас Вудро Вильсон, которого мы изучали, умер 25 сентября 1919 года.

Вудро Вильсон, который продолжал жить, был патетическим инвалидом, ворчливым стариком, полным ярости, слез, ненависти и жалости к себе. Он был столь тяжело болен, что ему позволялось сообщать лишь такую информацию, которая не могла повредить его здоровью. Этот факт подкрепляет наше нежелание выводить любые заключения из его характера после паралича. Его поведение могло вызываться неправильной информацией или отсутствием информации. Он более не был независимым человеческим существом, а являлся инвалидом, нуждающимся в тщательном уходе. Официально он оставался президентом США до 4 марта 1921 года; но в

течение последних 18 месяцев его правления миссис Вильсон была в большой степени главным должностным лицом США. С точки зрения данного психологического исследования последние 4 года жизни Вильсона представляют поэтому меньший интерес; но будет разумным мельком взглянуть на них перед концом нашей попытки понять его характер.

В ноябре 1919 года, когда он был все еще опасно болен и полностью зависел от информации, сообщаемой ему миссис Вильсон, ему приходилось решать, должен он или нет с поправками Лоджа относительно соглашения о создании Лиги Наций добиваться немедленной ратификации Версальского договора. Вильсон абсолютно отказался принять поправки Лоджа, и под его именем вышло следующее заявление: «По моему мнению, резолюция в такой форме обеспечивает не ратификацию, а скорее аннулирование договора. Я искренне надеюсь на то, что друзья и сторонники договора будут голосовать против резолюции Лоджа». По просьбе Вильсона достаточное число демократов, включая 13 республиканских «непримиримых», соединились, чтобы аннулировать резолюцию о ратификации, которая включала в себя поправки Лоджа. Эти поправки изменяли в незначительной степени взятые США обязательства вследствие вступления в Лигу Наций и могли бы быть приняты всеми партиями совместно с договором. Так что, если бы Вильсон был готов пойти на компромисс с Лоджем, США ратифицировали бы Версальский договор и стали бы членом Лиги. Так как Вильсон считал, или по крайней мере говорил, что считает, будто «освобождение и спасение мира» зависит от ратификации договора, замечательно, что он никогда не проявил ни малейшего желания идти на компромисс с Лоджем. Ранней весной 1920 года сенатор Хичкок умолял Вильсона сделать некоторую уступку Лоджу, говоря: «М-р президент, возможно, пришло время вручить Лоджу и его сторонникам в интересах справедливого решения вопроса оливковую ветвь мира». Вильсон ответил неумолимо: «Пусть Лодж протянет нам оливковую ветвь мира!»

Договор, вновь представленный на утверждение с поправками Лоджа, был еще раз отвергнут по просьбе Вильсона. Вильсон занял к этому времени позицию, при которой «ясным и единственным выходом из этого тупика» было «предоставление следующим выборам формы великого и торжественного референдума» относительно Лиги Наций. Он верил, что американский народ поддержит договор и сокрушит Лоджа. Но демократический кандидат потерпел поражение с разницей в 7 миллионов голосов, и Гардинг, один из «непримиримых» республиканцев, был избран президентом. «Они обесчестили нас в глазах мира», — сказал Вильсон Тьюмалти; но он продолжал верить, что каким-либо образом договор будет ратифицирован. «Вы не можете победить Бога!» — кричал он своим посетителям. Этот договор был Божьим договором. Он был написан Вудро Вильсоном.

С этой верой сильно контрастирует его замечание, процитированное профессором Уильямом Э. Доддом: «Мне не следовало бы подписывать этот договор, но что я мог сделать?» Вильсон, по-видимому, временами осознавал, что этот договор в действительности является смертельным приговором для европейской цивилизации. И сходные противоречия можно найти в его замечаниях относительно разных людей. Эдвард Бок привел его слова, обращенные к миссис Вильсон в 1920 году: «Я говорю тебе, Эдит, что Хауз был прав». А спустя не- которое время сказал: «Подумать только, что человек, для которого я сделал все, которому я высказывал свои самые сокровенные мысли, смог предать меня».

Эти замечания представляются достоверными, и их противоречивость говорит, по-видимому, лишь о его расстроенном душевном состоянии. Единственными постоянными чертами в его характере в течение этих последних лет была жалость к себе, восхищение своим покойным отцом и ненависть почти ко всем людям на земле. Болезнь, по всей видимости, повернула значительную долю его либидо от объектов любви к первичному нарциссизму. Ему никогда не удавалось отводить свое либидо далеко от себя. Даже страстно любимые друзья получали любовь

лишь потому, что являлись представителями его самого, а болезнь, очевидно, сконцентрировала всю его любовь на собственном теле. Он так и не нашел вместо Хауза другого друга. Он любил и жалел себя, боготворил своего покойного отца на небе и перенес ненависть к этому же отцу на многих людей. Перед смертью он отказался повидать лорда Грея, встретиться с полковником Хаузом, простить престарелого лидера социалистов — Дебса. Он публично оскорбил преданного Тьюмалти, обвинив его во лжи и неверности. Он прогнал Грейсона, когда тот попытался защищать Тьюмалти, но после этого не мог заснуть, позвонил и попросил Грейсона вернуться.

В последние дни своей жизни он помогал Рею Стэннарду Бейкеру в подготовке его апологии и время от времени разговаривал с новыми друзьями, так как у него не осталось старых. Чем ближе он был к смерти, тем меньше вспоминал о тех днях, когда был президентом США, и все больше уходил в свою молодость. Снова и снова он возобновлял борьбу с Вестом и эмоционально переживал «предательство» Гиббена, забыв о неприязни к Лоджу и о «предательстве» Хауза. Снова и снова он рассказывал старые истории о своем «несравненном отце».

3 февраля 1924 года он умер во сне.